

К.И. КОМАРОВ

ЖИЗНЯ
РАССКАЗЫ О МИНУВШИХ ЛЕТАХ

Москва
2014

К.И. Комаров

ЖИЗНЯ
РАССКАЗЫ О МИНУВШИХ ЛЕТАХ

Редакторы А.В. Кашкин, Г.Г. Король

© К.И. Комаров 2014

Предисловие

Писать предисловие к этой книге – занятие весьма благодарное. В книге и так все сказано. Однако хочется сказать читателям, среди которых окажутся и те, кто вовсе не знает Константина Ивановича или знает его недостаточно, о самом авторе. Именно для них этот короткий очерк.

Я благодарен судьбе, что связала меня с этим удивительным человеком. Более того, за то, что сделала нас друзьями, несмотря на значительную разность в возрасте и в статусе (волею судеб я его начальник).

Теперь о самой книге и о ее названии. «Жизня» (с ударением на первом слоге). Именно так, с рязанской диалектностью, автор и назвал свои воспоминания. Это и есть жизнь, изложенная на бумаге. Жизнь Константина Ивановича Комарова, жизнь его семьи, армейская жизнь, научная жизнь. А ведь это эпоха – жизнь целой страны, такой, какой она коснулась Константина Ивановича, какой он ощутил на себе ее сам.

А еще любые мемуары – это личность самого автора. Человека, сделавшего самого себя, сотворившего своей несокрушимой энергией свою биографию. В книге вы все это найдете. А слова восхищения этим человеком сейчас будут. Простой рязанский крестьянский сын, перенесший все тяготы становления советской власти и коллективизации, защищавший Родину на фронте, получивший позднее офицерское звание, оказавшийся вроде как не у дел после сокращения из воинских рядов, нашедший в себе силы окончить уже в зрелые годы университет и ставший высоким профессионалом-археологом – вот путь, достойный настоящего человека. И разве это не повод для размышлений – «жизнь делать с кого».

Еще несколько слов об археологе К.И. Комарове. Начав свою профессиональную деятельность в Верхневолжской экспедиции под руководством Д.А. Крайнова, Константин Иванович

стал, вероятно, лучшим знатоком верхневолжских древностей. Его археологическая деятельность навсегда связана с Верхней Волгой. Он исходил разведочными маршрутами Ивановскую, Костромскую, Тверскую и Ярославскую области. Константин Иванович обследовал около тысячи археологических памятников, значительную часть из них он открыл впервые. Результаты этих работ были представлены К.И. Комаровым в авторских книгах серии «Археологическая карта России» по Ивановской, Костромской, Ярославской областям, и по Тверской области в соавторстве. И это помимо раскопок древнерусских курганов там же, в Верхнем Поволжье.

Константин Иванович обладает и поныне уникальной профессиональной памятью (о его памяти вообще читатель может судить и сам по этой книге мемуаров). Так вот. Несмотря на свой достаточно почтенный возраст (а в этом году Константину Ивановичу исполнится 88) он превосходно помнит практически все памятники, которые он обследовал 20-30-40 лет назад. В этом я убеждаюсь каждый раз, когда мы летом выходим вместе с Константином Ивановичем на маршрут, работая по программе мониторинга состояния и использования памятников археологии. Он почти безошибочно выводит нас на нужные нам городища, селища или курганы. Вспомним про возраст!

И еще об этой книге. Она написана живым разговорным языком. Не скрою, что большую часть фрагментов книги – отдельные яркие ее эпизоды, я слышал, и порой не один раз, в устном изложении автора, приправленными абсолютно необходимыми острыми оборотами речи, которые кое-где проскакивают и в тексте книги. И пусть читатель позавидует мне и еще нескольким коллегам Константина Ивановича, которым посчастливилось кое-что услышать из уст его самого.

А.В. Кашкин

«Прошедшее проходит предо мною».
А.С. Пушкин

«Это было со мною, или страной?
Или в сердце было моем?»
В.В. Маяковский

Происхождение наше самое простое и ничем не примечательное. Прародители мои принадлежали к сословию крепостных крестьян. Сам я рожден был 20 ноября 1926 г. в с. Кипчаково, которое в то время входило в Ряжский уезд Рязанской губернии. После революции спустя некоторое время село вошло в выделенный Кораблинский район. Собственное имя Кипчаково могло сохраниться от названия местности времен контактов окраинного населения Рязанского княжества со степными племенами кипчаков-половцев. О заселенности южных окраин княжества в домонгольское время свидетельствуют археологические памятники 11–13 вв., в том числе в ближайшей округе с. Кипчаково: селища у сел Пехлец, Княжое, Красная Горка и Хомутское, несколько селищ и городище у д. Григорьевское, курганный могильник у с.Княжое и, возможно, курган у д. Хомутское. В результате татаро-монгольского нашествия южные, граничные со степью окраины Рязанской земли пришли в запустение.

С возвышением и укреплением Московского государства начинается возвратное продвижение русского земледельческого населения в южном направлении. В пограничье для его защиты строятся укрепленные городки и среди них Ряжск (древний Рясск), впервые упоминаемый в письменных источниках в 1502 г. В 16 в. городки входят в систему Ряжской засечной черты. Под ее защитой в этих же пределах возникают новые поселения. Одно из таких поселений в виде селища 15–17 вв. обнаружено в северо-восточной части современного с. Кипчаково. Оно упоминается

в платежных книгах Пехлецкого стана 1594–1597 гг. Вероятно, к нему же относится кладбище с захоронениями в могилах по христианскому обряду, открытое в 30-х годах 20 в. на правом берегу в юго-восточной стороне Полевого сада при рытье котлована под картофелехранилище. По археологическим признакам отмечается прекращение жизни на подавляющем большинстве поселений округа в 17 в., в том числе и на поселении у с. Кипчаково. Вероятно это произошло в связи с событиями Смутного времени.

Предание, о чем мне рассказывал отец со слов одного престарелого деда, повествует о том, как на место современного Кипчакова князь Дадьян перевел несколько семей своих крепостных крестьян из с. Собчаково Московской (?) губернии. В самой Рязанской области есть даже два села с таким названием – в Спасском и Сапожковском районах. Возможно первое из них, расположенное в левобережье р. Прони, и было материнским для современного Кипчакова. Новое население никак не было связано с прежним. Об упомянутом выше кладбище в наше время никто ничего не знал. Но древнее название – Кипчаково, сохранилось.

По версии Ив. Докукина, также основанном на рассказах старожила, с. Кипчаково в начале 19 столетия принадлежало Тютчевым и Ляпуновым и только от них перешло к князю Дадиани. После него оно перешло к князю Андрею Сергеевичу Оболенскому, который продал его Великому князю Петру Николаевичу – имение Благодатное, около 3000 десятин. Видимо со слов того же старожила, И. Докукин описывает некоторые захоронения при церкви с. Кипчаково: девица Анна Петровна Отто – † 1807 г., Елизавета Ив. Тютчева по отцу Селиванова – † 1810 г., бригадирша Прасковья Петровна Чернавская – † 1810 г. Праскева Никитична Ляпунова, урожд. Кропотова – † 1813 г., Марья Александровна, урожд. Ляпунова – † 1815 г., генерал-лейтенант и кавалер Иван Петрович, сын Ляпунова – † 1861 г. Надгробия были сделаны из чугунных плит Истьянского металлического завода. Очевидно ранние захоронения близки по времени основанию села и церкви

при нем (Ив. Докукин. Материалы для Рязанского некрополя // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 26. Вып. 1. Рязань, 1914. С. 114–116).

На моей памяти за апсидой церкви в 30-х годах 20 в. еще сохранялись не упомянутые Докукиным памятники: стела из серого мрамора (лабрадора?, он был с блестками) княжне Марии Оболенской, умершей в возрасте, помнится, двух лет, и стела под стать первой из белого мрамора некоему младенцу, умершему в возрасте около года. Вероятно сам Докукин на месте не был, а известия старожила записал не совсем точно и полно. Мраморный памятник младенцу Струве (род. 14 мая 1887 г., ум. 18 декабря 1887 г.) он относит к церкви соседнего с. Княжое, расположенного по его словам в 3 верстах от Кипчакова. Но это получается только от левобережного села, от старожила которого он и получил информацию. Правобережное Благодатное находится в 2 км к югу от с. Княжое. Господа Струве были владельцами Ибердского винокуренного завода и должны были похоронить своего младенца при ближайшей и более престижной церкви с. Кипчаково. Мое детское сознание не могло признать незнакомое слово Струве за фамилию, и оно не отразилось в моей памяти. Косвенным подтверждением того, что Докукин лично не обследовал некрополи у сел Кипчаково и Княжое, может служить отсутствие в его сообщении сведений о могилах купцов г. Ряжска, довольно многочисленных. Они располагались у западной стены церкви и перекрывались чугунными плитами с крупными рельефными надписями с титулом: 1-й, 2-й, 3-й гильдии и отличались только по толщине. В свое время я спросил у матери, почему это ряжские купцы возили хоронить своих покойников за 20 верст, в чужой приход. Оказалось, в то время они поссорились со своим попом и лишили его дохода от исполнения ритуальных услуг.

Первоначально сельцо Кипчаково располагалось на правом берегу р. Ранова, на окраине довольно обширного лесного массива, простирающегося по правобережью реки в северном на-

правлении. Позднее река дважды сменила свое русло, отступая в обширную пойму к юго-западу. От старого русла сохранилась старица – озеро Палатное, на высоком берегу которого, в 0,2 км к западу от д. Сосновка и далее за руины мельницы по высокому коренному берегу отчетливо прослеживается культурный слой селища. Недалеко к северо-западу от сельца была усадьба имения Благодатное. На старой карте Рязанской губернии поселок при имении не выделяется в самостоятельное поселение. Видимо свое название Благодатное он получил после переселения крепостных душ на левобережье. На моей памяти мы, кипчаковские, считали его частью нашего села и никогда не выделяли его в особый населенный пункт.

Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.

На карте Рязанской губернии 1850 – начала 1860-х годов Кипчаково помещено на правобережье р. Ранова. Левобережье еще совершенно свободно. В селе насчитывалось 68 дворов. Это немало, в теперешнем райцентре Кораблино тогда было 49 дворов, в волостном с. Княжое – 56, в Пехлеце – 55, в деревне моей бабки Александровке (Стрекалиха) – 21, а в деревеньке моей матери Чернава – всего 7 дворов. Несколько выделяется из ряда с. Богородицкое (Кикино), где было 80 дворов. Ближнее окружение было немногочисленным: Приянка и Хомутское по 28 дворов, Самарино и Григорьевское 29 и 35 дворов соответственно. Ибердский завод обозначен как Ивритский железный завод без указания количества дворов.

Среди владельцев имения Благодатное времен крепостного права кроме «князя Дадыяна» еще известен князь Оболенский. Как рассказывал один дед (по памяти моего отца), князь Оболенский был злой старик и его все боялись. Злополучный дед, бывший тогда еще совсем не дедом, проспал на барском покосе. Чтобы скрыть свое нерадение он намеренно сломал окошь и вышел навстречу к подъезжавшему помещику, демонстрируя при-

чину неисполнения урока, и тем избежал наказания. По словарю П.П. Семенова-Тяньшаньского (издание 1861–1863 гг.) после освобождения крестьян от крепостной зависимости в селе числилось 584 души обоего пола в 60 дворах (Благодатное – отдельный населенный пункт). Здесь существовал какой-то серный промысел.

После отмены крепостного права село было переведено на другое место, за реку. Тогдашний владелец сумел отделить свою землю без всякой чересполосицы с освобожд денными от крепости мужиками. Для поселения был отведен участок на левом берегу реки, образующий своеобразный угол между высоким берегом реки и впадающим в нее глубоким оврагом Ковыльня. Выделенная крестьянам земля непосредственно примыкала к селу и не доходила 120 саженой до большака, проходившего от Ряжска на Рязань на расстоянии около 1 км от села. С севера крестьянскую землю ограничивал овраг Ковыльня, с юга – дорога на большак, теперь отодвинутая немного южнее. Позднее вдоль этой дороги возник новый порядок села или конец – Глининка. Здесь в промежутке времени от 1905 по 1914 г. обосновался и мой дед Михаил Иванович. Под селом у реки был небольшой луг – выгон, сходящий на нет клином к оврагу Ковыльня, где река подступала близко к берегу. Там могли пастись привязанные на колу телята. Мужики могли пользоваться рекой и ловить рыбу с берега только на участке против села, мелководном и нерыбном. Выше по реке, а по правому берегу и много ниже лежала обширная луговая пойма с богатыми покосами. Все покосы, как и лесные уголья, в правобережье оставались в помещицьем владении. Малоземелье не способствовало процветанию сельчан и после революции 1905 г. во избежание возможных беспорядков мужики были наделены выкупной у помещика землей из расчета по 7 десятин на каждый «мужеск» пол, в числе которых оказался и мой тогда двухлетний (или однолетний?) отец. Ежегодный взнос за землю, рассроченный на 60 лет, по словам отца, был немалый.

Одним из последних владельцев имения был великий князь Петр Николаевич, родной дядя царя Николая II. Князь Петр Николаевич был благодетель. Каждое лето он с семейством приезжал в имение, и неизменно ему навстречу выходило сборище селян с песнями, славословиями и хороводами. Встреча происходила у правого конца села, если смотреть на реку. Это было высокое место, откуда начинался крутой спуск к реке высотой от поймы не менее 20 м. У дороги была поставлена часовенка – киотец с иконой на дубовом столбу. Торжество сопровождалось бросанием в толпу монет, конфет и всякой мелочи. За обладание подарком в пыли возились не одни ребяташки. Певицы и плясуньи милоствовались особо, про мужиков не знаю. О подобных действиях во время археологических разведок мне рассказывал житель д. Ивакино Костромской области и района, близ которой на р. Кубань располагалось имение Горки.

Князь, безусловно, был влиятельным деятелем Ряжского уездного земства. При нем около 1886 г. были построены 4-классная школа (или тогда еще 3-классная?) с квартирой учителя (сломана в 60-е годы 20 в.) и земская больница, сохранившаяся до сего времени, с отдельным домом для врача (перестроен в 1990-х годах частным владельцем). Все постройки деревянные, но добротные. Барский дом, тоже деревянный, был растащен после революции «нуждающимися» или для «нуждающихся». Против него еще сохраняется двухэтажное строение, где помещались аптека, амбулатория и, видимо, квартиры младшего медперсонала. Вводились здесь и некоторые новшества. При имении действовала упоминаемая в язвительной заметке Ленина школа скотников: «Или школа скотская – кто ее, собственно говоря, разберет, действительно ли это школа или только усовершенствованный скотный двор?» (Ленин В.И. Случайные заметки. Соч. Т. 4. С. 426, 427). Будущий вождь и учитель смотрел в корень. На окраине бывшего двора сохранилось крепкое кирпичное строение, где жили сами скотники, судя по его размерам, в изрядной

тесноте. А если еще и семейные? С 20-х годов 20 в. оно было приспособлено под магазин, после войны увеличенный пристройкой более чем вдвое.

В школе порядки были строгие. Нарушителей порядка ставили в угол коленями на горох и на гречиху. За провинность больно били линейкой с приговором: «Еловый сук!» Преподавался и Закон Божий. Школьников кормили обедом: щи, каша, в скоромные дни щи всегда были с мясом. При походе в школу иногда заигрывались, особенно на реке, и опаздывали. В начале зимы первым замерзал затон, большой залив под самым селом. Играли, скатываясь по чистому льду. Начинала замерзать речка. А кто дальше прокатится по льду на речке? Дальше всех прокатился Хаздибок и нырнул в подломившуюся закраину льда. Холщевая сумочка с книгами и тетрадями соскочила с удальца и поплыла по течению. Пашка Пиндюк попытался подать руку утопающему и тоже нырнул. Ну этот сразу побежал в гору домой, а Хаздибок пошел в школу как есть. В школе учитель спрашивает: «Где же твои книжки?»

– В речке! И блины там!

Бессменным учителем с 1886 г., а затем директором школы, в 1920-х годах преобразованной в семилетку, был Константин Сергеевич (фамилию не помню, кажется, Морозов). Он был сирота, воспитывался в приюте, но по проявленным способностям был устроен в училище и получил звание учителя. Тем не менее в конце 20 – начале 30-х годов он испытал некоторые гонения под разными надуманными предлогами (жена – дочь попа и т.п.). Это было время начала сплошной коллективизации на селе, революционной по своей сути перестройки экономики сельского хозяйства. Как я думаю, в качестве идеологического и политического обеспечения коллективизации принимались меры по ограничению влияния провинциальной интеллигенции в общественной жизни. Совершенно в духе «Краткого курса истории ВКП(б)». Одним из значимых деяний в масштабах страны это выразилось

в повсеместном разгроме губернских и уездных обществ краеведения. Активные члены обществ, как наиболее осведомленные и потому подозрительные, отправлялись в ссылку, заключались в тюрьмы. По Ленину – гнилая интеллигенция. При поддержке местного населения, практически поголовно бывшего его учениками, Константин Сергеевич избежал более тяжелых последствий. В 1936 г. в связи с 50-летием трудовой деятельности он заслуженно был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Деда мой, Михаил Иванович, происходил из коренных поселян, переведенных на новое место жительства. В мое время было не менее пяти семейств с фамилией Комаровы, между которыми не наблюдалось каких-то заметных родственных отношений, но, тем не менее, видимо, происходивших от одного корня и об этом помнивших. Бабка моя, Пелагея Осиповна, была родом из захудалой деревеньки Стрекалица (на губернской карте Александровка), расположенной в 3 км от нашего села на очень неудобном месте у большака за оврагом Ковыльня, по левую его сторону. Единственным «удобством» были очень глубокие колодцы и ни единого кустика, кроме неизменных в наших местах осокорей при избах: «Приютились к вербам сиротливо / Избы деревень». У деда были два брата, которые умерли в 1918–1919 гг. или в самом начале 20-х годов от какой-то болезни типа эпидемии. У среднего брата оставались два сына и две дочери. Старшие, глухая от рождения Саня и Сергей, остались у брата, моего деда. Младшие, Михаил и Паня, были отданы в приют. Взрослыми они вернулись в село. Паня потом работала в Москве ткачихой, но после эвакуации в войну прижилась снова в селе. Михаил всегда жил в селе.

Из них самым замечательным и доброжелательным был Сергей. Находясь в семье у своего дяди (моего деда), он, конечно, кончил курс местной начальной школы. С начала коллективизации он стал трактористом и вскоре выдвинулся в бригадиры тракторной бригады. Судьба его не баловала. Сначала он побывал в боях на р. Халхин-Гол, где испытал виды горящих свечками на-

ших танков – это были еще Т-26 и БТ-5 с «противопульной» броней. Во время финской кампании он снова был призван и опять участвовал в боях. Короткая передышка закончилась Великой Отечественной, и он снова оказался на фронте одним из первых призывников. Вскоре о нем было получено извещение – пропал без вести. Вероятно, он оказался окруженцем в одном из тех котлов, которые так успешно создавали немцы в крайне неудачных для нас сражениях начального периода войны. Однако есть некоторая надежда, что он остался жив и даже пережил плен. После войны его жену не раз навещали весьма любознательные личности с вопросами: нет ли у нее каких-либо сведений о муже или вестей от него (писем и т.п.). Настораживает настойчивость этих домогательств. По их сведениям (насколько достоверным?), будто бы он в это время обретался в Аргентине. Хотелось бы надеяться, что он оставался живым, хотя и вдали от родины.

О моих предках по материнской линии мне известно несколько больше, но далеко неполно, как это было бы возможно. Более подробно об этом был осведомлен мой двоюродный брат Анатолий Владимирович Новиков. Он всегда мечтал написать воспоминания о нашем прошлом, но, к великому сожалению, не успел собраться. По линии деда предки наши происходили из подмосковного села Измайлова. Несколько семей (в середине 19 в. здесь числилось семь дворов) были обменены на свору собак и вывезены в Рязский уезд Рязанской губернии. Распространенные фамилии – Новичковы, Бычковы, Комогоровы... Впоследствии часть Новичковых по писарской прихоти или небрежности превратились в Новиковых, как пояснил мне в свое время дед Петр. Несколько отвлекаясь, можно напомнить, как это могло происходить. У нас в археологической экспедиции был шофер родом из под Сасова и с типично выраженной физиономией под мордву, но со странной для рязанского мужика фамилией – Губернский. Тогда я спросил его: «А не было ли так, что ваше село делилось на крестьян помещичьих и государственных?» Он ответил с гор-

достью: «Да, мы губернские». Очевидно в каком-нибудь рекрутском присутствии шустрый писарь записал одного из предков нашего шофера под такой фамилией. В начальной школе вместе с моей дочерью был одноклассник со странной фамилией Амстиславский. Я предположил: какой-то предок его был заикой, что и отразил писарь в написании фамилии. Дочь ответила: «А он и этот заикается». В случае с Новичковыми кому-то понабилося умножившуюся фамилию разделить на две ветви для различения, чему также имеется немало примеров. Шофер, а потом начальник колонны в экспедиционной автобазе АН СССР Алексей Дмитриевич Леваков рассказывал:

– Настоящая наша фамилия Рябовы, но этих Рябовых на селе развелось слишком много. Мы жили по левую сторону села, по-уличному Леваки. Тогда волостной писарь предложил: «А давайте я запишу вас Леваковыми, чтобы не путаться». Так мы и стали Леваковыми.

Переселенцы образовали деревеньку Чернава, расположенную на речонке того же названия, вскоре вступающей в обширную правобережную пойму р. Ранова. Новое место поселения находилось в 12 км к северо-западу от Ряжска, откуда собственно и начинались более или менее хлебородные и обширные земли. Чернава была лесной бедной малоземельной деревенькой. Скудные песчаные почвы нельзя было пахать глубже 10 см. Деревянная соха и деревянная же борона были единственными средствами обработки пашни. Пойменные луговые угодья принадлежали монастырю и арендовались крестьянами. Крестьянские дома строились из самана. На моей памяти два или три строеньица были срубными. Только, видимо, с начала 20 в. появились кирпичные дома, наиболее типичные для южных районов Рязанской губернии. Во времена моего детства они уже составляли несколько более половины деревенских построек.

Сколько я сейчас могу представить по рассказам моей матери, здесь на пространстве не более 5 км ютилось два или три

помещика-землевладельца. Один из них пытался наладить у себя добычу угля. Через низменную пойму р. Ранова до ж/д. станции Подвислово было построено некое шоссе, но, вероятно, из-за низкого качества угля сбыт не заладился, а добытый в кучах уголь погорел. Незадачливый предприниматель в округе прозывался «прогоревшим барином». Остатки пожарища видны и сейчас в урочище Шахты. Неподалеку, ближе к деревне помещалась усадьба некоей барыни-генеральши. У нее за один день можно было заработать 15 коп. или билет на посещение леса для сбора ягод и грибов. В Первую мировую войну в ее имении работали пленные турки, венгры. Мать рассказывала, как один турок неотступно упрашивал деда с бабкой отдать ему в жены тетю Анюту. Близ усадьбы после революции существовал лесной кордон. Перед деревней за р. Чернавкой до недавнего времени сохранялся небольшой деревянный дом с небольшим плодовым садом еще одного помещика. В мое время в нем размещалась школа 4-летка с одной учительницей. Это был совсем захудалый барин. Эти बारे составляли все местное «общество» или его основу.

Прапрадед мой с материнской стороны был мастеровой человек, по тогдашнему положению «рядчик», видимо, по плотницкому делу. Очевидно, будучи на оброке, он мог иметь какую-то самостоятельность и, возможно, своеобразный авторитет, хотя бы как мастер своего дела. Во время «оно» этот самый рядчик в чем-то не поладил с помещиком. Когда подошла пора женить сына, моего прадеда Емельяна (по местному Мьялян), злопамятный господин специально для него покупает невесту, с которой его и венчают. Когда по порядку обряда открыли фату, закрывающую лицо новобрачной, все увидели – рядом с женихом сидит бледная, как смерть, невеста. Да она и умирает благополучно на другой же день. Таким образом господин ввел своего непочтительного раба в немалые и напрасные расходы, а сын оказался соломенным вдовцом, а как жених – бракованным. На достойную жену он уже не мог надеяться. Женили его на бобылке Фекле, у

которой был брат в солдатах. После он пришел, как тогда говорили, с турецкой войны (очевидно, 1877–1878 гг.). Он прозябал близ новообретенных родственников и запомнился своими рассказами о турецких походах.

Прадед Емельян кроме земельного надела унаследовал и навык к ремеслу. Подсобный промысел давал дополнительные средства к существованию. Преимущественно в вечернее время, особенно в долгие зимние вечера при лучине, вытесывались клещи – деревянная основа для хомутов, строгались дубовые зубья-хлудцы для борон и плелись сами бороны из толстой лозы, вязались березовые веники, метелки и другие поделки. Все это сбывалось в Ряжске через знакомого купца. Уже в бытность моего деда Петра Емельяновича таким купцом был Кондаков, с которым при очередном привозе товара они обязательно распивали чай. И Емельян, и Фекла были подвержены известному пороку, столь распространенному на Руси. Сбыв товар, они ехали домой с пьяными песнями. Умная лошадь сама знала дорогу.

Не знаю, сколько всего детей было у прадеда с прабабкой. Старшим, вероятно, был Иван. В свое время он был послан с товаром в Ряжск, но вернулся без выручки. Неизвестно, как это случилось. Пропил ли он барыш, обокрали его или он решил его себе присвоить под благовидным предлогом. Скорее всего, верно последнее: он выделялся на самостоятельное хозяйство. Поэтому отец Емельян ему сказал: «Свою долю ты пропил». Иван был отделен или, по его мнению, обделен, с минимальным имуществом. С этих пор Иван затаил на отца злобу. Вражда его семейства переросла на семейство младшего брата, моего деда Петра. Впоследствии сын Ивана Филька (Филек) много вреда наделал моему дяде Сане, в том числе подкидными доносами или наветами.

Вторым по старшинству (я в этом не уверен) был, видимо, Андрей. Я знаю по имени только одного родственника из этой ветви, Якова Андреевича, вероятно уже племянника моего деда.

Он (скорее всего, уже его сын?) пребывал в очень почетном на деревне звании агронома. Их дом отделялся от дедова дома деревянным домишком Буды (на моей памяти была такая бабка) и отличался планировкой. Он был поставлен к улице торцом в отличие принятой на Рязанщине вытянутой вдоль улицы схемы. В этом доме водились диковины. Помню, какую-то чугунную фигуру оленя или другого зверя на массивной подставке, очевидно каслинского литья – часть письменного прибора (?). Был там графин с белой фигурой сидящей свиньи внутри на дне. Гиляровский упоминает, что такие графины подавались по особому заказу в ресторанах и оставались в собственности заказчика. Графин этот, каким-то образом некоторое время обретался у нас в Кипчакове, как и некоторая резная шкатулка под черное дерево величиной со средний ящик для почтовой посылки. От семейства Якова Андреевича (или самого Андрея?) происходит Борис Кузьмич Новиков, известный артист, по родству приходящийся мне, как и моему двоюродному брату Анатолию, троюродным братом. Однажды мою маму ребенком привели к дяде Андрею славить Христа. Конечно, ее научили славословию, и горластая девочка с порога заголосила: «Рождество, твою Мать Богородица!» Дядя много смеялся и на радостях подарил солистке двугривенный. В другой раз, несколько позже, в игре «дочки-матери» она, как заботливая мать, накормила подопечных ребятишек семенами белены, похожими на маковые. Ребята «полезли на стенку», и их отпаивали молоком.

Мой дед Петр Емельянович Новичков родился в 1870 г. Как наследник хозяйства родителей он был обязан содержать их до старости. Будучи молодым парнем, он работал на молотье в своем приходском селе Петрово, и управлялся с молотилкой, состоящей из барабана с конным приводом. Там он и приметил себе невесту. В числе многих поденщиц она приходила туда на молотье. Отец молодницы, а стало быть по бабушкиной линии и мой прадед Тимофей, был родом из с. Зимарово того же Ряз-

ского уезда. В это время он работал путевым обходчиком при ст. Ряжск. За спасение железнодорожного моста через р. Ранова перед Ряжском (не ведаю, в чем это спасение выражалось, возможно, в половодье) он был награжден солидной денежной премией. Человек вспыльчивого и в чем-то может быть безудержного нрава, он имел прозвище – Тимофей Горячий.

Однажды моя мама в детстве гостила у деда с бабушкой. Обед был праздничный. Подавались щи с мясом, картошка, каша. Съели щи, съели картошку, а каша потерялась. Бабушка хлопает себя по бедрам: куда же я ее подевала? А дед наскакивает на нее с кулаками (не бьет!):

– Где каша? Сейчас подавай сюда кашу!

А каша все не находится. А тут еще в это время нищий заходил. Украд?! Дед выскочил на улицу, а нищий уже далеко вато по порядку отошел, кричит:

– Эй, ты! Иди сюда, иди, кому говорят!

Трясет нищего – где каша? Все куски из его сумы вывалил на стол – нет каши. Тут бабушка всполошилась: «А, боже мой! Да вот же она, каша!» Оказалось, бабушка поставила чугунок с кашей остудить в ведро с холодной водой и запомнотвала. Новая вспышка гнева быстро сошла на убыль. Нищенские куски немедленно выкидываются в лохань с помоями для коровы, сам нищий с дикими извинениями награждается двумя караваемми целых хлебов и выпроваживается с честью. Спокойный характером сын его укорял отца: «Ну вот, человека обидел».

– Чегой-то я его обидел? Ничего я его не обидел! Куски его вон в лоханке, а хлеба он получил довольно.

Вот эта самая горячность через мать частично передалась и мне, но в гораздо большей степени младшему брату Вите.

Обвенчаннные молодожены, мои дед и бабушка, остались жить в семье с родителями. По некоторым отрывочным воспоминаниям мамы моей, житье молодой жены в новой семье не было сладким. А все из-за вздорного характера свекрови, бабушки Феклы.

«Будет бить тебя муж привередник
И свекровь в три погибели гнуть».

Муж-то ее жалел. Зато свекровь!.. Во время обеда сноха должна была стоять перед столом и по требованию или по порядку вовремя подавать на стол что полагается. Сама она могла время от времени подойти и скромно зачерпнуть ложечкой с подставленным под нее кусочком хлебца и отхлебнуть. Однажды по какому-то случаю молодой муж попытался заступиться за жену. Мать его Фекла в бешенстве выскочила на улицу и заорала: «Староста! Эй, староста! Сюда!» Непочтительного сына Петрушку выпороли и заперли на ночь в холодную.

Тем не менее молодая имела средства. Ее отец Тимофей выделил из полученных премиальных 600 руб. на приданое своим четырем дочерям. Выходит, молодая жена принесла в дом целых 150 руб., по тому времени сумму немалую, а для деревни тем более. Часть из этих средств они потратили на постройку нового дома. Прежний саманный находился на противоположной стороне улицы, и мне дед показывал этот «бугор жизни». Новый дом был кирпичный и выделялся аркой с воротами во двор и железной крышей на фоне обычных соломенных. Но главным ее желанием, неотступной мечтой было дать своим детям образование, чтобы они смогли преодолеть нищенскую долю крестьянского бытия. Но ее мечте не суждено было сбыться. Горячая и порывистая в работе Пелагея в лютый мороз пошла на речку полоскать белье и простудилась. Видимо, это было воспаление легких, как говорят – скоротечная чахотка. Она быстро скончалась, оставив мужа вдовцом, а четверых детей сиротами.

По словам моей мамы, бабка ее Фекла Семеновна была по характеру взгальная, крикливая. Вечерней порой заигравшихся на горке с санками 7–10-летних внучат гнала с хворостиной в руках домой, ласково приговаривая: «Бляди! Работать надо, хлудцы тесать. Вас, бездельниц, замуж никто не возьмет». Но была она рукодельница и мастерица на пряжу, на тканье, на всякое соленье

и т.п. Это мастерство в какой-то мере переняла младшая внучка Елизавета, моя мама. Старшая Анюта по сиротству своему с престарелыми дедом и бабушкой была задержана основной работой по хозяйству и в рукоделье преуспела меньше. А младшая Елизавета научилась и прясть, и ткать, и вязать. Однажды ее даже сдавали в своеобразную аренду выткать скатерть с особым тканым узором для чьей-то дочери на приданое. В семействе самой невесты узорным тканьем не владели. Дед Емельян, напротив, был характера спокойного и незлобивого, но, видимо, достаточно твердого. Самым расхожим ругательством у него было «каналья»: «Эх, каналья!» Этим, видимо, и ограничивалось с его стороны наказание внучат.

Старший Петяшка, по расчету от призыва в солдаты в 1915 г., мог быть рожден не позднее 1896–1897 гг. Вторая Анюта родилась в 1900 г., средний Санька – в 1903 г., Лиза, мама моя, – в 1907 г. По ее словам, по смерти матери ей было не более шести недель от роду. На ее памяти, когда начала взрослеть, вместо матери она лепилась к старшей Анюте и к бабушке. О деде с бабушкой старшая Анюта впоследствии отзывалась весьма неприязненно, но кроме упреков в приверженности их к пьянству о других обидах мне не приходилось слышать. Возможно, была еще вздорная бранчивость бабушки и неумеренные претензии всякого рода. Не знаю, в какой срок (1909–1910 гг.?) дед привел в дом вторую жену, для детей мачеху. Наверно она была тоже бобылкой, до этого работала ткачихой в Москве, и я не помню ничего о каком-нибудь ее родстве. Но она не была злая, а в мое время приветливая и, как у нас говорили, желанная. Однако это было потом на моей памяти, а о раннем времени у моей матери проскальзывали некие обидные воспоминания о мачехе. У нее с дедом родилась дочь Мария, и вот разницу в отношениях к родной дочери и падчерице моя мать улавливала.

В 1904 г. оба моих деда, Михаил и Петр, были призваны, как тогда говорили, на японскую войну. Там в Маньчжурии они и

встретились и как земляки подружились. Их рассказов о войне не помню, может быть, их особенно и не было. Дед Петр рассказывал, как их перевозили через Байкал и как их качало на утлом пароходике. Участок Восточно-Сибирской магистрали по гористому берегу Байкала еще не был построен. А дед Михаил вспоминал китайца: поймает лягушку, поднимет за лапку и кричит – шанго! Он был ранен, видимо легко – явных серьезных последствий ранения я уже потом не замечал.

Вернулись деды от павших твердынь Порт-Артура, с кровавых маньчжурских полей, в свой срок. События 1905 г. заставили правительство пойти на уступки. У нас в Кипчаково все крестьяне мужского пола до сущего младенца получили дополнительный надел из помещичьей земли по 7 десятин на душу. Землю у помещиков выкупило государство, а мужики получили этот дар в рассрочку и должны были погашать долг ежегодными взносами, кажется, в течение 60 лет. И, по памяти отца, выкупные платежи висели тяжелой гирей на крестьянском хозяйстве (платили много!). Не знаю, было ли это общее правило или неизбежная по местному крестьянскому малоземелью уступка здешнего землевладельца, великого князя Петра Николаевича. Поскольку это происходило в 1907 г., то и отец мой вошел в долю. Близкое соседство фронтовых приятелей, всего около 8 км между их деревнями, способствовало продолжению дружеских отношений и в последующее время. В 1906 г. у друга Михаила родился сын Иван, а у друга Петра в 1907 – дочь Елизавета. Дети подрастали, и друзья стали подумывать об их женитьбе, чтобы скрепить дружбу родством. До этого было еще далеко, но разговоры возникали.

Подошел 1914 год, и началась война, в общепринятом смысле Первая мировая, в царском манифесте Николая II – Отечественная, в советской историографии – империалистическая. Деды немедленно призываются в солдаты. На сей раз больше повезло деду Михаилу. Он попал в запасной полк, который стоял в Вязьме, где благополучно и пробыл до развала армии. Запом-

нился его рассказ о том, как однажды солдат полка обули в сапоги из кожи нестандартного красного цвета. Полковник решил исправить такое безобразие самым кардинальным способом. Он приказал гонять полк в каком-то овраге за городом, где солдаты месили текущую в нем черную грязь, но его стратегический замысел кончился полным поражением. Окраска сапог не подчинилась полковничьему приказу и сохранила свой первоначальный вид.

Приказ
по Авангарду действующей армии
9 марта 1878 г.
№ 73

Предписываю начальникам дивизий и стрелковых бригад сделать распоряжение, чтобы сапоги, принятые от интендантства и вообще купленные частями, немедленно были зачернены, для чего купить чернильных орешков, деревянного или другого масла.

Подписал: начальник Авангарда действующей армии,
Генерал-лейтенант Скобелев

Дед Петр, судя по всему, сразу попал на передовую. Уже в том же 1914 г. о нем пришло извещение, что он попал в плен или пропал без вести – не знаю. По некоторым репликам деда могу предположить, что это было в Восточной Пруссии, где в начальный период войны погибла 2-я армия генерала Самсонова и потерпела жестокое поражение 1-я армия генерала Ренненкампа. Со своей солдатской колокольни дед оценивал свое пленение скептически: «Да сколько их там было-то? Я бы один их перещелкал». Но тут все загомонили: «Да что ты? Да куда ты?» Ну, подошли они, забрали наши винтовки и мы пошли». О каких-нибудь случаях издевательства, унижения и т.п. дед не вспоминал. Какое-то время он, как видно, пребывал при солдатской кухне где-то в тыловом гарнизоне в самой Германии. В то время в солдатской среде могло быть некое взаимопонимание и снисходительность. В какой-то мере дед освоил немецкий язык и потом поправлял внука Толю в его школьных занятиях по немецкому.

Оба деда были единственными кормильцами в семье. Такие семьи государство обеспечивало некоторым пособием. Пособие, вероятно порядочное, выплачивалось регулярно золотой монетой. Бабке Пелагее, отцовой матери, эти деньги не пошли впровод. Она не умела ни потратить их с толком, ни сохранить. По своей дурости она сходила (в Рязск?) и поменяла золотые на бумажки: «Эти монетки-копеечки еще потеряешь, а бумажки видно, вот они». Но бумажки были уже керенки со всеми вытекающими последствиями. Престарелые родители деда Петра, вероятно, были умнее. Наверно это вместе с неизменным его трудолюбием и помогло ему по возвращении из плена быстро окрепнуть на хозяйстве.

Но пока что война шла и шла. В 1915 г. старший сын деда Петра, тоже Петр, в свою очередь был призван в солдаты. На хозяйстве остались старики и дети. Я не знаю, как пришлось хозяйствовать бабке Пелагее, матери отца. Старшим мужиком в семье тогда был мой отец. В 1914 г. ему было 8 лет, в 1918 г. – 12 лет. Правда, у деда Михаила было два брата, но где они были все это время и какие отношения существовали между ними мне не известно. В семье деда Петра оставались старшая Анюта и следующий за ней Санька. Анюте в 1915 г. было 15 лет, в 1918 г. – 18 лет, а Саньке соответственно 12 и 15 лет. И это были уже работники, притом единственные. К тому времени, после получения известия о пропаже Петра Емельяновича, мачеха от них ушла. По рассказам матери, работа происходила под присмотром деда. Дед сидел с палкой на краю борозды, а Анюта с Санькой пахали сохой. Санька пытался скрашивать монотонность изнурительного труда, затевая потасовку. Старшая Анюта была сильнее и валяла Саньку на землю, а более ловкий Санька горячился: «Нет, неправильно! Давай на кулачки!» Престарелый дед не был в состоянии навести порядок хотя бы своей палкой и только ругался: «Ах, каналья!»

В 1917 г., или уже в 1918 г., начался грабеж помещичьих имений. В Кипчакове имение Благодатное к тому времени перекупил бывший управляющий Дубец. А до него, по словам отца, управ-

ляющим был «венгер» (и вредный!). Помещичий дом растащили по бревнышкам. Генеральше, владелице Ибердского спиртзавода, мужики приказали все оставить и убираться немедленно. Она пыталась урезонить захватчиков, немного повременить: «Дайте мне умирающую мать похоронить. Вспомните, ведь я же ваших детей учила, лечила вас, помогала вам как могла». Но снисхождения не получила. Генеральша из-под д. Чернаво, видимо, убралась загодя. Дом грабили после. С добычей пришел и Санька. Ему досталась какая-то шикарная куртка зеленого цвета (уж не охотничья ли?) и зеркало. Дед приказал ему немедленно отнести все обратно и больше никогда такими делами не заниматься. Кстати, надо заметить, что обе эти генеральши были вдовы, мужа их погибли на японской войне.

Наступил 18-й год, а за ним и 19-й. Солдаты возвращались домой. Не отстал от других и дядя Петр, но он как-то скоро оказался в местных красных партизанах. В начале Гражданской войны был такой период партизанщины. В 1919 г. Ряжский отряд из 200–500 бойцов, коммунистов и комсомольцев, участвовал в отражении набега отрядов корпуса Мамонтова под Ряжском и Раненбургом. Пришлось воевать и с местными бандами. В уезде действовало три хорошо организованных отряда: Огольцова, Бакаева и нашего кипчаковского Никушина. Огольцов был убит в стычке, а Бакаев и Никушин пойманы и расстреляны. В 1920-х и начале 30-х годов Петр Петрович входил в секретариат Ряжского УКома РКП(б) – ВКП(б), а с 1925 г. по апрель 1926 г. был его первым секретарем.

А для деревни 18–19-й годы были временем продрозверстки. Советская власть, по идее призванная быть справедливой, от народа и для народа, для успешного проведения этой кампании не годилась, и в деревнях спешно были организованы комитеты бедноты (комбеды). Комбеды составлял местный почти пролетариат, следовательно, идейно наиболее близкий пролетариату городскому и несравненно более нравственный, нежели трудяга-крестьянин,

этакий мелкий буржуй или зародыш буржуя. А этим терять было нечего, и они рьяно принялись за дело. У нас таковыми деятелями оказались непосредственные соседи. Насколько я их помню, они если и были старше моего в то время бывшего в плену деда, то не намного. Бобыли, отъявленные лодыри и лежебоки, они всю зиму проводили на печи, а по ночам играли в карты. Верховодила баба Буда (м.б. от «будан»? – в елецких говорах «ленивый», «лентяй»). Дед Емельян (прадед) спрятал зерно в риге, запорошив его мякиной. Примитивный «тайник» не представлял особой тайны для соседей-наводчиков и был найден немедленно. Укрывательство лишь добавило реквизиторам азарта и рвения. Бабка с палкой пыталась сопротивляться, взялся за палку и Санька, а дед их всячески утихомиривал. Буда, нагнетая страсти, орала: «Семеновна! Мы еще в сундуках твоё добро не шарили!» Бабка в свою очередь: «А ты его пряла? Ты его ткала?» В ту пору и все-то «добро» в сундуках было самотканым да рукодельным и копилось годами неустанным трудом. А за громоздким ткацким станом в это время по ночам горбилась моя мама-подросток. Суровое было время. Обирали сирот, кормилицы которых пропадали на войне. Военный коммунизм!

Годы Гражданской войны и для деревни были годами голода и болезней. От тифа тетя Анюта еле оправилась и даже облысела. После и мама моя лежала чуть не при смерти. Однажды, оказавшись в одиночестве без присмотра, она с вожделием смотрела на стоявшую в избе кадушку с квашеной капустой. А по наказам врачей ей было запрещено есть что-нибудь кислое или соленое. Но neodолимый инстинкт влек ее к этой капусте. Из последних силенок девчонка сумела добраться до цели и принялась объедаться запретным лакомством. От этого яства или от чего другого она ожила и быстро пошла на поправку. В те же времена поумирали братья деда Михаила и его старшая дочь Мария, сестра моего отца.

1920-е годы были временем возрождения российской деревни. Наверно в 1919 г. возвратился из плена дед Петр. Вернулась в семью и мачеха, испросив прощения у мужа и свекра со

свекровью. Пришла пора женить старшего сына Петра. Жену ему, деревенскую красавицу из монашек-послушниц, приискала сваха, какая-то родственница. Жена была совершенно неграмотная и отличалась удивительной простотой, под стать своему имени – Варвара. Так она могла запросто прийти на заседание бюро УКома и заявить: «Ну ты, чего тут расселся? Ты домой думаешь идти или нет?» Дядя Петя надеялся ее «воспитать». Нанял учительницу, которая должна была хотя бы научить ее читать. Может она приохотится к чтению, найдет себе в этом занятие и тем скрасит бездельное времяпровождение и несколько отвлечется от всякой дури, так ей свойственной. Учительница честно прозанималась с ученицей один или два месяца, а потом взмолилась: «Петр Петрович! Пустая трата времени. Мне все равно, но жалко ваших денег. Смотрит на тебя широко открытым ясным, но абсолютно бессмысленным взором. Ни одного слова, ни одной буквы до сих пор не могла усвоить». На том «воспитание» и кончилось.

Подошла пора выдавать замуж и старшую дочь Анюту. Это могло произойти в 1920 или 1921 г. (старшая Валя у них родилась в 1922 г.).

Жених, Владимир Емельянович, был свой деревенский и тоже Новиков. Моя мама, как она говорила, тогда его не любила.

– На кой ты выходишь за этого черта?

Видимо сказывались и ревность, и боязнь остаться в одиночестве. Ведь старшая сестра была ей вместо мамы. А для Анюты это был шанс вырваться из-под стариковского гнета, о котором она вспоминала с большим недовольством. Дядя Володя был человек бойкий, бедовый, но душевный. В его натуре было что-то артистическое без особой склонности и прилежания к сельскому хозяйству. Он мог предаваться занятиям, деревенскому мужику совершенно не свойственным: уединиться в созерцании природы, выследить и часами наблюдать бой тетеревов на токовище и т.п. В то время он играл на каком-то духовом инструменте в Рязской музыкальной команде, видимо, при партизанском отряде, куда

занесло его, как говаривала тетя Анюта, из солдат после развала армии. В приданое с дочерью тесть выделил кроме всего прочего лошадь с полной упряжью и сбруей, телегу, сани, соху. И дядя Володя с шурином Санькой изобрели промысел: наворуют дров в ближнем лесу, распилят на поленья и везут продавать в Рязк. Оттуда лошадь самостоятельно привозит дядю домой. Подобный «ритуал» по разным поводам дядя Володя соблюдал почти до самого конца дней своих. Но, несмотря на приверженность к пьянству, он как-то умел и содержать семью, и оставаться на поверхности. Конечно, большую роль в поддержании дома и семьи играла тетя Анюта. Уже под старость в великой досаде она иногда ругалась: «Сколько людей на войне кого поубивало, кого покалечило, а тебя, пралика, по трем войнам носило и нигде не ухайдакало!» Возможно какую-то помощь оказывал и тесть, дед Петр. По словам матери, Анюта была его любимая дочь. Но самоотверженность ее в преодолении жизненных неурядиц и стремление дать образование детям были неизменными и решающими.

Вскоре женили и Саньку. Жenu ему взяли из нашего Кипчакова от Платошкиных, семьи буйной и запьянцовской. Ему также было выделено самостоятельное хозяйство и построен собственный кирпичный дом. Мать в это время успешно окончила 3-летнюю школу в ближней д. Самарино. У нее выявились некоторые способности, и рязская родня хотела ее взять к себе для продолжения учебы. Но тут возникла жена дяди Пети Варя: «А картошку кто копать будет!?» Старики к этому времени совсем одряхлели. Если верить матери, то бабке, моей прабабке, было уже чуть ли не 110 лет, с полным ртом зубов, но сильно сточенных. Дед все время лежал на печи и напевал какие-то молитвы и псалмы, как говорила мать, «служил». По праздникам, бывало, мужики восседали за столом с четвертью самогона, а бабка подсунется к столу: «Пятрушка, налей и мне капелечку». Дед Петр был разумным хозяином и своего труда не жалел. Пашню он пахал дважды и трижды (двоил и троил) и всегда в меру унавожи-

вал. Были у него и пчелы. Кобылу он всегда случал с породистыми жеребцами и денег для платы за это не жалел. В общем, он был крепкий хозяин.

Подрастала и младшая Елизавета. Стали объявляться женихи. Дошло до засылки сватов. Но отец, дед Петр, был упрям: «Отдам только за товарищева сына!» Привезли на смотрины и этого жениха. Скромный и застенчивый кудрявый паренек на вид был вполне пригляден. Но 17-летней девчонке выходить за 8 верст от дома было страшно, она плакала. Отец урезонивал: «Ты ничего не понимаешь. Там земля – чернозем». Скоро сказка сказывается, да и скоро дело делается. Молодых обвенчали, и стали они жить в общем доме. Но поначалу они еще дичились и даже боялись друг друга. Хозяйство в семье Комаровых велось как-то безалаберно. И земля была, и лошадь, и другая скотина, а особого достатка не замечалось. Несладко пришлось молодой жене в новой семье. Свекровь только управлялась со стряпней и по дому. Остальные были мужики: свекор, дед Михаил, мой отец, его братья Володька с Васяткой и приемный племянник Сережка. В поле женской работницей оказалась одна молодая. А по ночам еще нужно было прясть или ткать, да и куча другой работы, которую в деревне не переделать, особенно если на тебе поедут. Свекровь была не злая и даже в чем-то снохе мирволила, чего мать не могла сказать о свекре. Правда, когда родился я, то, по словам матери, уважения заметно прибавилось.

Отцу тоже доставалось. Еще до женитьбы он был чуть ли не основной, а главное, безотказный и старательный работник. Для строительства нового дома взамен вконец обветшавшего (что был за дом – не знаю, до меня эта хибара не сохранилась) он был послан добывать кирпич из какого-то строения под заводом (выкупленного или заброшенного?). Весь в известке, с запекшимися губами он заходил по уговору в Сосновку, ближнюю к заводу деревню, к уже замужней сестре Кате пообедать. Ее муж Степан Епифанов был скуповат, и отец всегда терзался мыслью: дадут по-

есть или нет. Как он сам мне сказал однажды: «Я думал там подохну». Его же, 15- или 16-летнего подростка, отец поставил на сенокосе в один ряд с мужиками, да еще с тупой косой. Косьба проводилась сообща. Душ 30, а, может, и 40 мужиков становились в ряд и шли косой шеренгой друг за другом. Отстать было нельзя. Дед Аниска (это при мне он был дед, а тогда еще дедом не был) заметил изнурение парнишки. Взял его косу, посмотрел и приказал: «Иди домой. После обеда не приходи, придешь завтра». С хорошо отбитой налаженной косой отец выстоял в рядах взрослых и опытных косцов. После от матери я слышал язвительное замечание: «У Аниски была дочь, и он очень хотел заполучить Ваньку, будущего отца моего, в зятя».

Был и такой эпизод. Группа молодых парней во главе с каким-то агитатором-организатором пошла в Кораблино вступать в комсомол. Там был и мой отец. Всполошенная мать его догнала их уже у большака и начала охаживать отца палкой: «Ванька! Куда ты? Безбожники! Пропадешь!» Отец вынужден был вернуться. Почему-то у дома в это время оказался поп. Он похвалил правоверную Пелагею Осиповну и даже погладил ее по голове. Так и не состоялось отцово комсомольство.

Мать считала себя богатой невестой, гордилась этим, что называется, задавалась и всегда считала своего нареченного нищим. Действительно, у нее было во что одеться. Я еще помню какие-то ее форсистые ботинки с высокой шнуровкой, красивую кашемировую шаль. У нее была швейная машинка с ножным приводом, тогда в любом доме редкость. А у отца даже сколько-нибудь приличного костюмчика не было. Она его спрашивала:

– В чем же ты, будучи в ребятах, ходил на гулянье?

– А я почти и не ходил, – отвечал отец.

Всю жизнь мать помнила обиду, что на венчание он не подарил ей «уваль» (вуаль). Мои попытки убедить ее в том, что он не был самостоятельным в доме и взять эту самую «уваль» ему было неоткуда, она отвергала. Но тесть его уважал. Зять много пере-

нял у него по мелкому мастерству, например сделать соху, в чем отец его, дед Михаил, был не силен. А теща души в нем не чаяла. И когда отец говорил, что теща его любила, то мать, обычно всегда резко противоречившая чуть ли не по любому поводу, в этом случае соглашалась: «Ага!» Бывало, как приедем в гости – прямо и не знала, куда его посадить. Парадоксальным образом она так же явственно не любила второго зятя Алексея, мужа своей родной дочери Маши. А был он, не в пример моему отцу, человеком образованным и работал агрономом в разных МТС района.

События в единоличной жизни я почти не помню. Однажды мужики, отец и дяди, Володя и Васятка, ехали с поля и я восседал верхом на лошади с дядей Васей 1915 года рождения. Рядом резвился жеребенок от нашей кобылы Тамарки. Я изо всех сил требовал посадить меня на жеребенка. Уж больно красив он был. Наконец мои крики возымели действие и меня посадили. Конечно, этот жеребенок тут же сбросил меня. Этот жеребенок не мог благосклонно сносить моих приставаний. Однажды под вечер мать доила корову. Оглянулась, а я тяну жеребенка за хвост. Жеребенок не стерпел такой фамильярности и подкинул меня задком навзничь. Близкая к обмороку мать в ужасе полетела в другую сторону. Помню некоторые поездки в Чернаво. Тогда был обычай съезжаться к родным в гости на престольные праздники. У нас в Кипчакове престол был на Николу Зимнего (около 19-21 декабря), в Чернаво – на Скорбящую (около 5 ноября). Но приезжали мы еще и на Красную Горку, в мае. Мужики катали яйца с горки в виде наклонного лоточка. При этом они острили, подначивали друг друга, развлекались. Моим кумиром был старший меня на 2 года двоюродный брат Толя. Иногда местные мальчишки окружали меня и дразнили обидным словом Мосол. Выходил Толя и наводил порядок. Младшая Рая тоже льнула к нам, но я как настоящий мужик с презрением отвергал приставания какой-то нелепой девчонки.

Иногда взрослые ездили в Кораблино на базар. А мы, детвора, с нетерпением ожидали их возвращения в предвкушении

гостинцев. Однажды я дождался особенно дорогого гостинца – ружья. Ружье стреляло метра на 2-3 деревянной пробкой – полная имитация убойности. В одной из поездок в Чернаво мы проезжали мост через нашу реку. У моста под кустами копошились утки. Конечно, утки были домашние, но тут все закричали: «Костя! Утки, утки!» Впопыхах я не сразу мог найти заваливавшееся на возу ружье, а когда отыскал – поздно, проехали. В досаде я жутко сожалел. Найди я ружье вовремя – уткам из моих рук живыми бы не уйти.

Коллективизация обозначилась каким-то брожением. Приходили знакомые и незнакомые люди, обходили дворы. У деда Комарова, видимо, не было особых возражений против предлагаемого колхозного рая. Он с гордостью показывал свое хозяйство, хвалился. Обсуждалось, что пойдет в общее хозяйство, в колхоз, что останется в личном хозяйстве. Строились разные планы, вероятно, и заумные. В колхозе Комаровы оказались в числе первых. Помню, у нас в Кипчакове таких было большинство. Не так воспринял колхоз дед Петр. Он активно выступал на собраниях, доказывая невозможность организации общего хозяйства с такими разными работниками. Справный хозяин, он не мог вообразить себе, что все будут трудиться одинаково прилежно: «Да если я увижу, что на моей лошади Яграшка поехал, я ему лучше голову отрублю. Он же моментально ей холку собьет или еще как испортит». Тогдашний крестьянин не мог отрешиться от мысли, что переданная в колхоз лошадь перестает быть его собственностью. Приезжал из Ряжска сын, дядя Петя, уговаривал его не противиться неизбежному. Мать моя рассказывала, как он в риге у ваялки становился перед отцом на колени и умолял его хотя бы пожалеть детей. Ведь твое упрямство потом и на твоих детях отразится.

Ни просьбы, ни уговоры на деда Петра не подействовали. Он был объявлен кулаком и препровожден в Ряжск в тюрьму. Главным основанием обвинения его в кулачестве послужила

общественная молотилка. Молотилка эта представляла собой барабан, который крутился конским приводом из четырех лошадей через систему шестерней. Управлять этой «системой», периодически смазывать механизм и ремонтировать мог только дед. Мир сообщи предложил ему владеть машиной и беспрепятственно предоставлять ее своим сельчанам для молотьбы. Правильно подавать развязанные снопы в барабан опять же мог только дед. Насколько я знаю, никакая плата за это не взималась. Тем не менее он был признан собственником этой молотилки и, следовательно, эксплуататором. При желании притянуть за уши можно было что угодно. Из тюрьмы он был сослан в Казахстан под Акмолинск. Удивительно, но дом его никто не тронул, хотя они его и покинули, переселившись в дом дяди Сани, к этому времени свободный. А свой покинутый дом стоял пустым, и они беспрепятственно вселились в него уже после войны. В то же время дом другого «кулака» Бычкова был конфискован. По-теперешнему невзрачная однокомнатная хибара была превращена в некий клуб. Мать всегда мимоходом показывала мне с иронией «дом кулака».

В Кипчакове жизнь шла своим чередом. Отцу с матерью с двумя подрастающими сыновьями давно пора было выделиться и зажить собственным домом. Но для этого нужен был именно собственный дом. Работа по его постройке началась еще до коллективизации. Для этого нужно было изготовить нужное количество кирпича. Мастерская находилась близ села по правому борту оврага Ковыльня. Там добывалась глина, с речки подвозилась вода, и начинался замес. Замес проводился собственными ногами, иногда по этому месиву гоняли кругами лошадь. Замешанная глина накладывалась в станок, деревянный ящик с перегородками по форме четырех кирпичей, ящик опрокидывался, и сформованные бруски ставились на ребро для просушки. Высушенный кирпич-сырец обжигался в специальной яме, устроенной тут же в высоком борту оврага. В этой яме сырец выкладывался определенным порядком с топкой у основания, и начиналась топка, т.е. сам об-

жиг. Вот тут для трудяг наступала лафа. Сиди себе, подбрасывай дровишки, да покуривай. Правда, дрова-то тоже к этому времени надо было заготовить. Здесь же в овраге добывался и обжигался на известь известняковый камень. Сказать, что это была тяжелая работа, значит, ничего не сказать. Все полевые и любые другие хозяйственные работы никем не отменялись.

Кирпича для дома было заготовлено довольно. Но хозяином-то был отцов отец, дед Михаил. Из этого кирпича при старом доме был построен амбар. На следующий год всю процедуру пришлось повторять. Вдруг и этот кирпич захотели продать, кому-то понадобились деньги. Но тут мать взбунтовалась? и кирпич остался. Свободное для постройки дома место было за рекой, в том поселке, где прежде располагалось имение Благодатное. Это было удобно. Здесь был центр и школа рядом. Тут взбунтовалась бабка: «Ванька! Куда же ты? Как же я к тебе ходить буду, да как же я тебя увижу!» На нашем порядке Глининке была чья-то незастроенная усадьба. За выкуп усадьбы отдали одну из двух овец материного приданого. Дом строил Бутуз (настоящего имени не знаю) с помощником Поликашкой. Бутузу как раз пришло время выдавать замуж дочь, и он повел разговор с матерью о невестинном или венчальном уборе. У матери кое-что еще оставалось, и они договорились. Довольный Бутуз сказал: «Дом я поставлю размером побольше, чем вы задумали. Кирпича у вас хватит. И спланирую я его по-другому. Будет удобнее. Поликашке не говори». Дом был поставлен торцом тремя окнами на улицу, одним окном с видом вдоль улицы вниз на речку и одним окном на противоположной стороне против устья русской печки. Сбоку к нему были пристроены сени из известнякового камня. Живи – не хочу!

Вот и пришла пора отцу с матерью отделиться на самостоятельное хозяйство. Это произошло, если не ошибаюсь, под осень 1931 г. Мы были уже в колхозе. На хозяйство была выделена овца, остававшаяся от материного приданого, два чугушка для варева, хват и деревянные ложки, которыми, по словам матери,

Витя тренькал, когда мы шли гуськом к новому месту жительства. К этому времени женили и выделили Сергея, племянника деда. Дом для него оставался еще от его отца. В хозяйство ему была выделена корова. Первого же теленка Сергей отдал моему отцу, своему двоюродному брату: «Вырастет – сменяешь на корову». Но не повезло. Ранней осенью бычок отбился от стада, забрался на зеленя и объелся. Густые всходы пшеницы или ржи к этому времени не успевают достаточно укорениться. Скотина прихватывает зелень вместе с землей и погибает. Подыхающего бычка дорезали, мясо засолили в бочке и поставили в снях. На следующее утро бочка оказалась пустой – «всю мясу», как говорят у нас на Рязанщине, вытащили. Мать, я помню, плакала. Позже она мне говорила, что «эту мясу» украл отец, т.е. дед Михаил. Будто бы об этом, подтверждая ее догадку, ей говорила Катя, сестра моего отца. Зная жадность деда Михаила до мяса, в это можно поверить. В результате мы опять остались ни с чем.

По первоначально жизнь в колхозе, казалось, пошла довольно весело. Что-то получили на трудодни. На дом привезли целую телегу какой-то продукции. Правда, наверно я помню это по событиям 1930 г. Но тут вскоре, в 1931 г., начались события самые странные. Деда Михаила, а следом и нас, «вычистили» из колхоза. При этом вычистили и все закрома, а у нас к этому времени и последней овцы уже не было. Из подпола выгребли всю картошку. Вытащили даже кадушку с солеными огурцами. Реквизиторы, наши же деревенские мужики, демонстративно запускали руку в кадушку и с видимым наслаждением поедали огурцы, упиваясь выпавшей на их долю вседозволенностью. Никто не знает причину этой напасти. Ни деда, ни тем более отца, объявить кулаками не было никаких оснований из-за полунищенского хозяйства. У деда, как он сокрушался тогда, выгребли 40 мер зерна и увели корову. А больше у него ничего и не было. Если эти 40 мер принять за истину (потеря обычно преувеличивается), то по округленному счету получится не более 750–800 кг, т.е. 10–12 мешков. Дед гре-

шил на мою мать: «Это из-за тебя записали нас в подкулачники», намекая на своего свата, деда Петра, находившегося в ссылке.

Наступал 1932 г. – голодный год для всей страны. Не обошел он и Рязаньщину. Не помню, как и чем мы жили эту зиму и как выжили. После мать иногда вспоминала: прибежал и

– Мама, поесть!

– Да чего же тебе дать-то?

– Мне чего ничего, лишь бы наестся.

Некоторое облегчение наступило весной, когда стала подрастать трава. Я с холщовой сумкой через плечо ходил в луга и собирал щавель, анис и др. съедобные травы. У нас был прекрасный пойменный луг Калач, теперь совершенно испорченный. Но тогда Калач благоухал разнотравьем. Еще мы лакомились сладковатыми молодыми сережками осокорей, и одна бабка, глядя на нас, горевала: «Ой, Боже! Что они едят-то». Был и травяной хлеб. По цвету и консистенции он был похож на пластилин. Но ничего вкуснее, если этот хлеб с молоком, я не помню. Отец с матерью подумывали, куда бы податься от такой жизни. Была мысль уехать, как тогда говорили, на торфа. Отец даже ездил в Донбасс на шахты. Там он увидел, как ежедневно «молодого коногона везут с разбитой головой» хоронить с музыкой. Неопытная деревенщина и становилась первой же жертвой в непривычном и жутком забое. Такая перспектива отцу не понравилась. Звал к себе устроившийся в это время в Москве дядя Саня. Томило полное безденежье, из-за чего все планы оказывались писаными вилами на воде.

Мы, конечно, были не единственными лишенцами на селе. Бабы собирались гуртом и ходили в район, в Кораблино, «хлопотать», чтобы как-то оправдаться и восстановиться в правах. Тогда в районе периодически работали какие-то комиссии по разбору жалоб. Было и так, что деду вернули корову. Бабка вела ее на веревке, а Витя поспевал сзади, похлопывая и поглаживая коровий бок. Тогда я видел плачущих старушек, наблюдавших эту картину. Потом повторялось новое изгнание. В одно из таких хлопотных

посещений присутствие оказалось закрытым на обед. Бабы решили тоже пока пообедать и звали с собой мать. Она отнекивалась: «И не хочу, да и денег нет». Но бабы звали: «Пойдем, у нас есть». Мать не пошла, осталась ждать у порога и, как оказалось, не зря. Вскоре подошел начальник. В углу со сбруей возился наш сельский мужик Гришка по прозвищу Карась. Их было два брата, Яшка и Гришка, и оба Караси. Сначала начальник сказал: «Вы восстановлены, можете идти». Потом спохватился: «Постой, на вас опять заявление есть». И достает письмецо. В писании оповещалось, что дед Михаил арендовал землю и богател, а отец мой ездил за тесом в Туму и торговал сосновыми гробами. Мать возразила: «Да с какого он года-то, сколько же ему тогда лет было?» Начальник: «Да, ведь и правда!» Тут и Гришка Карась: «Да Комари-то? Сроду никчемные были. А землю он обрабатывал у попа исполу. Это он на попа работал, а не арендовал». Начальник, говоря современным языком, бросил писанину в корзину и благословил отпущение грехов. По словам матери, «писателем» оказался Нурзик, детский дружок отца. Тогда они были соседями и дружили в совместных детских проказах.

Проделки их были незатейливы. По рассказам отца, в чем-то они подражали занятиям взрослых. «Работнички» забрались на прикладок, сложенный из снопов проса при соседской риге, и стали беспорядочно разбрасывать растрепанные снопы на току. Таким образом они готовили хозяину просо для молотьбы, т.е. делали доброе дело, помогали. За этим занятием их и застал хозяин:

– Вы чего тут делаете!?

– Да-а! Пришел большой мужик, мы испугались и залезли сюда на скирушку.

– Ах! Я вас!

Проказники кубарем скатились с прикладка и поспешили спрятаться. Найти их не смогли.

В другой раз они решили услужить жившим напротив соседям. У тех по улице гуляла большая свинья. Ребятишки иногда

пристраивались почесать ее по брюху. Свинья, похрюкивая, блаженно разваливалась на боку. За таким занятием доброхоты сообщают:

– У Пимкиных скоро свадьба. Давай мы им к свадьбе эту свинью нарежем.

– Ножа нет! Беги домой за ножом!

– Нет, увидят с ножом, посадят и из дома не выпустят.

– Меня – тоже.

– Пстой, у меня складной ножик есть.

– Давай!

Стали решать, кому быть резником. Нурзик боится, досталось резать отцу. С некоторыми препирательствами установили место, куда надо резать. «Держи!» Своими тельцами навалились на свиную тушу, всерьез рассчитывая удержать ее в процессе резания. Отец кольнул ее в нужное место, свинья, скинув с себя мелкоту, с визгом ринулась к себе во двор. Отец после показывал на пальце чуть больше фаланги: «Вот на столько я успел ей воткнуть ножик». Хозяевам пришлось свинью срочно дорезать. К вечеру на костре из соломы в окружении любопытной ребятни палили свиную голову. Виновники поглядывали на торжество издали, а подойти боялись.

А то по примеру местного мелкого лавочника затеяли свою торговлю конфетами. Товаром служила нарезанная дольками мягкая сердцевина из подсолнечных будыльев, деньгами – черепки фарфоровой посуды. В то время найти на огороде или в поле выброшенный с навозом такой черепок было затруднительно. Пимкины девки принесли целый чайник. Чайник – не деньги. Было приказано чайник разбить на черепки и при этом постараться сохранить особо ценную деньгу – донце с фабричным клеймом, «печатью». Естественно, девчонки чайник разбили, как и саму печать.

Мне до сих пор не понятна причина такой скрытой враждебности к отцу бывшего дружка детства. По своему характеру отец не мог и даже был не способен причинить этому самому Нурзику

какой-то вред или обиду. Тем более что его семья была явно богаче. Вскоре у них нашлись средства перебраться по-тихому куда-то под Москву. У наших таких средств не было. Я спрашивал об этом у матери. Она объясняла это завистью, и предметом зависти была она сама, завидная жена, доставшаяся почему-то Ваньке, а не ему, Нурзику. В колхозе восстановили, отец и мать регулярно выходили на работу, а есть все равно было нечего. Бескормица была почти общей. Наконец стал поспевать новый урожай. Работникам в поле стали выдавать какой-то паек хлеба из свежего молотого зерна, и мать приносила нам с Витькой по кусочку от этого пайка. Хлеб был вкуснейший, теперь такого не бывает.

В памятный летний день 1933 г. я увязался с дедом на речку, где у него была поставлена плетеная из прутьев верша, по-нашему кубан. Поднимая кубан из воды с завозившейся в нем добычей, дед воскликнул: «Сом!» Сом оказался крупным налимом, подлиннее моей руки. От реки я с гордостью нес этого налима домой. При подъеме от реки наш дом по порядку был на семь домов ближе дедова. Я очень удивился, когда увидел сидящего на нашем порожке деда Чернавского, Петра Емельяновича. Ведь он был, по-нашему, в тюрьме. До меня не сразу дошло, что и из тюрьмы иногда выпускают. Сломая голову, я побежал за матерью. Тогда она была кладовщицей, что не далее 1 км от нашего дома. Мать подхватила и тоже бегом прибежала домой.

Налим пришелся очень кстати. К налиму нашлась и бутылка. Задушевная беседа маньчжурских товарищей не обошлась без столь необходимого ритуала. Я торчал где-то поблизости с разинутым ртом, стараясь не упустить чего-нибудь из откровений собеседников. К сожалению, ничего не помню из того, о чем говорили тогда деда, а может и не понимал общего смысла беседы. Хитрые деда могли говорить и обиняками, и им одним понятными полупаеками. Обстоятельства освобождения деда из ссылки для меня неясны до сих пор, хотя все мы до последнего числились детьми, внуками кулака, или подкулачниками.

Возможно что-то прояснит в этом деле эпизод с Толей, моим двоюродным братом. В 1950 г. (или 1952 г.?) Толю, успешно защитившего диплом по окончании МИФИ, усиленно вербовали в кадры КГБ (в разное время эта организация называлась по-разному, но это не меняет сути). Толя отбивался от такой чести как мог. При этом он ссылался и на свое кулацкое прошлое – внук. Ему отвечали, что дед не был кулаком. Он просто был призван на строительство аэродрома под Акмолинском. Видимо эта неопределенность и была причиной того, что дом деда за все время его ссылки не был конфискован и ни кем не занимался. В то время дом был оставлен владельцами с перепугу. После войны дед с бабкой без помех вселились в него вновь. После Толя говорил мне: «Если бы они знали, кто у нас с тобой тетка, они бы меня не выпустили».

А двоюродная (или троюродная?) тетка наша была кадровой чекисткой. В свое время она, что называется, горела на работе. По этой причине сын ее, впоследствии знаменитый артист Борис Кузьмич Новиков, пребывая без надлежащего родительского призора, пристал к ватаге хулиганствующих подростков на станции Ряжск-1. Конечно, озорство и проделки этой шпаны не имели того криминального характера, как это бывает в наше время, но не были и совсем безобидными. Вскроют вагон. Что там? «Ага! Яйца! Хорошо!» Ну, и давай швыряться этими яйцами во что ни попало. Видимо, однажды они добегались до чего-то серьезного, и мать кинулась спасать сыночка. Не знаю, куда она пробилась, но среди других там оказался и сам Сталин. К просительнице снизошли, просьбу уважили, а подписать пропуск на выход при вожде не осмеливаются, и Сталин благодушно подписал его сам. Постовой на выходе от такой подписи опешил и не отобрал у нее пропуск на выходе. Рассказывают, что этот пропуск с автографом «отца родного» бережно хранился в семье, но где он теперь – не знаю.

Одна судьба может иметь благополучный исход, что вовсе не обязательно для других судеб. Дядя Саня в то время устроился в Москве участковым в отделении милиции. Его деревенский

«друг», однофамилец и недалний родственник (двоюродный или троюродный?) Филек подсунил под дверь милицейского помещения подметную грамоту. Записку подобрала пришедшая первой уборщица и передала ее начальнику отделения. После она сокрушалась: «Александр Петрович! Если бы я знала. Я бы лучше изорвала ее на клочки или сожгла». Дядя Саня вынужден был переквалифицироваться и сумел стать шофером. Шофером он служил и на фронте. Во время критического положения под Москвой он попал в госпиталь с желудочным отравлением. Это не был единичный случай, их там оказалась порядочная группа. По опубликованным теперь воспоминаниям немецких солдат, этим недугом в то время страдала и немецкая армия. Но дядя Саня как сын кулака был обвинен в дезертирстве или в попытке дезертирства путем злостного заболевания и был сослан в лагерь все под тот же Акмолинск. Умирающий дистрофик, он был списан как умерший. Каким-то образом этого дистрофика подобрала немка из депортированных немцев Поволжья. Там он и оставался до конца дней своих в начале 60-х годов, работал под Акмолинском заправщиком и был в чести у шоферов всей округи. Были там у него и дети, о которых я ничего не знаю. Однажды он приезжал даже в Чернаво, но никакой попытки связаться с бывшей законной женой не предпринимал. Видимо он знал за ней немалые грехи, да и мог опасаться, как говорится, быть засвеченным. Единственное, о чем он тосковал, то это о сыновьях, особенно о старшем Женьке.

Удивительным образом жена его Любовь Родионовна все положенное по закону время получала на детей пособие за погибшего на фронте мужа. Мать моя все время упрекала ее вчуже за то, что она бросила детей на произвол судьбы. Тогда она устроилась работать проводницей и дети на длительный срок оставались предоставленными самим себе без присмотра. Старший Женя 1928 или 1929 г. рождения оказался втянутым в воровскую среду, да так в ней и остался. Году в 1946-м в какой-то разборке он поре-

зал человека, не знаю, до какой степени. Скрываясь, он оказался в Чернавe. Желанная и болезная за всю свою родню тетя Анюта придумала спрятать Женю куда подальше и отправила его к своей сестре, к моей матери.

А тогда мы жили в Хабаровском крае, куда переселились как новоселы в 1940 г. Ничего более странного придумать было нельзя. Весь Дальний Восток за Байкалом тогда был пограничной зоной, куда вход посторонним был воспрещен. Там все колхозники были паспортизованы, во всей остальной стране оставаясь беспаспортными. Даже непонятно, как он мог миновать Иркутск. Таких здесь снимали с поезда и подвергали строгой проверке. Но Женя как-то пронырнул и заявился в деревню к тетке, моей маме. Деревенька эта была практически на самой границе, что в 7 км выше от впадения р. Буреи в р. Амур. Здесь был особый пограничный режим, каждый человек был на учете, и любой пришлый немедленно брался на заметку. К тому же мать в это время была председателем сельсовета. Укрывательство в таких обстоятельствах было смертельно опасно. Но председательская должность матери, наверно, и помогла. Ей удалось через знакомых баб или бабу в паспортном столе в Архаре за какую-то мзду (картошкой) получить для Женьки паспорт и прописать его у себя. А «добрыхоты», наши соседи еще по с. Кипчаково, не догадались усмотреть тут какого-то криминала. Родня – и родня.

В 1949 г. я повидал его проездом, завернув в деревню. Наш топографический отряд, в котором я служил, проезжал эшелонном с полевых работ из Комсомольска-на-Амуре на зимние квартиры в г. Свободный. В Архаре начальник штаба подполковник Трифонов отпустил меня на три или четыре дня, сокрушаясь при этом: «Что же ты раньше не сказал, в последний момент!» Побывка моя совпала с праздничным днем 7 ноября. Народ гулял. Брат Витя водил меня по всей деревне, заходя чуть не в каждый дом. Следовало немедленное приглашение к столу, а Витя сразу подзывал какого-нибудь мальчика и посылал его за бутылкой «от

нашего стола». Домой мы возвратились только поздно вечером. Я нашел на столе небольшой эмалированный тазик с солеными помидорами (они у матери всегда были отменные). С жадностью я набросился на эти помидоры и, помнится, уходя их полностью. Утром ехать на станцию, служба.

Женя пребывал в ФЗУ в г. Райчиха. В это время на 7 ноября Женя тоже оказался в деревне на побывке. Это был своеобразно красивый крепкий парень плотного телосложения. Он не был обделен вниманием со стороны моих родителей. В это время они уже укоренились в здешнем краю и в продовольственном отношении нужды не знали. Женьку подкармливали посылками с разными оказиями. Это всего 32 км от нашей деревни, и туда нередко ходила по разным делам колхозная машина. Да он и сам уже зарабатывал. Инстинкт его попутал или дружеская солидарность, но он оказался участником, а может и организатором кражи мешка картошки. В заключении вдвоем они убили третьего соучастника как предателя, за что получили новый срок. Говорили, что он дождался освобождения из заключения и попытался осесть где-то на Дону и даже женился. Но там свои порядки, и иногородних не любят. При первой же драке он снова был осужден как рецидивист, а потому и безусловно виноватый. В 1958 или 1959 г. он был в бегах, и я видел его у матери Любови Родионовны. С виду очень крепкий, он уже явно страдал одышкой. Как я понял, он скоро установил связи в своем воровском мирке, куда сразу же вовлек и своего младшего брата Алика. Алик, по характеру более спокойный и мягкий, тоже был в милиции на заметке, но пока не более того. Братцы быстро попались на ночных грабежах магазинов под г. Александровым и были препровождены в места не столь отдаленные. Женька там и сгинул, а про Алика еще доходил слух, что он обитал где-то в Новосибирске с сильно подорванным здоровьем.

Печальна судьба дяди Пети, старшего сына деда. С безалаберной женой Варей вряд ли он мог найти умиротворения в се-

мейной жизни. По жизни партийный работник в последнее время он был главным редактором районной газеты в г. Медыни. И всегда над ним висела зловещая тень сына кулака. Видимо поэтому, в 1936 или 1937 г., предугадывая или предупреждая неминуемый арест, он наложил на себя руки. Может, пока еще ничего предвещающего напасть и не было, но его сослуживцы после такой смерти отвернулись, сказав жене: «Сама хорони, как хочешь, так и управляйся». Помню, об этом было письмо, кажется, от дяди Сани, и тетя Анюта в слезах читала его домашним вслух, а мы с Раей возились на лавке и смеялись. Старший Толя нас одергивал, что при таком печальном известии мы еще смеем смеяться. А тетя Анюта горестно нас оправдывала: «Чего они понимают? Малы еще». Да и действительно, почему-то запомнившиеся мне слова «родная плоть и кровь» тогда мне были не понятны.

Между тем колхозное бытие входило в свою колею. У нас в хозяйстве появились корова, поросенок. Мы с братом вставали поутру, когда родители уже давно были на работе. Из печки доставался чугунок с кашей, тут же из него съедалось сколько следует, и все оставалось на столе неприбранным. Снаружи дверь запиралась, но мы выпрыгивали в окно и беззаботно предавались своим ребячьим занятиям и проделкам. Витю как младшего определили в колхозный детский сад, но он оказался неуживчив и строптив. К тому же далеко от дома, целый километр, да еще за речкой. Он постоянно устраивал побег из неволи, изощряясь в обмане надсмотрщиков. Няньки, молодые и крепкие деревенские девки, гонялись за ним и почти никогда не могли его догнать. Тогда было решено приставить к нему меня, авось, он привыкнет. Кажется, из этого ничего не вышло. А Витя так и остался скучливым по дому, как бы далеко или близко этот его дом ни находился.

Вообще-то мы жили дружно, что вовсе не исключало обычных детских ссор и раздоров по разным пустякам. Однажды еще в дедовой хате, т.е. явно еще до 1931 г., мы с ним играли на печке, разгребали насыпанное там для просушки просо. Все были на ра-

боте, в доме с нами оставалась одна бабка. По ходу очередной за-теи уговорились, кто к себе больше кучу нагребет. Конечно, я был взрослее, а Витя еще что-то замешкался. А тут еще мне мамин за-валящий кошелечек подвернулся, тоже орудие для загребания. Ра-дуюсь, у меня уже большая куча, а он только начал, не поспоришь. Он как глянул: «А! Ты с кошельком!» И тресь меня молотком по голове. Не помню, чтобы было больно, но обидно. Ухватился за голову – на ладони кровь. Страшно! Я заорал, бабка закудахтала. Позже пришла с работы мать, ругала его, шлепала, и он тоже орал. Главное, я тогда сам даже не догадался дать ему сдачи. Видимо, молоток оказался неоспоримым аргументом. А как вообще-то он оказался у него под рукой именно в этот момент?

На заре туманной юности в проделках такого рода братец был совсем прост. Однажды примерно в то же время пахавшие на ближ-нем поле мужики прибежали от надвигающейся грозы и стояли в се-нях дедовой избы, наблюдая бурный и скоротечный летний дождь. Дождь еще не прекратился, а ребятня уже выбежала на дорогу пры-гать по лужам. Дядя Вася-кузнец говорит отцу: «Смотри, смотри, что твой-то вырабатывает!» Как раз в это время от большака на велосипеде ехал наш сельский врач в белой рубашке, буксовал по глинистой дороге. А у Вити кнут, дед ему сделал из мочала. И этот сорванец догоняет врача и хлесть его по спине. Тот оглянулся, этот стоит, а потом опять догоняет и снова – хлесть. Увидела бы это мать, нашла бы ему. А мужики только посмеялись. Молодец!

К 1933-му году у меня почему-то появился зуд научиться чте-нию, и я стал приставать к деду достать мне букварь. Тогда учебные книги в магазинах не продавались и просто так достать их было не-где. Но у деда была сестра, горбатенькая Хавронья – именно так. Она еще с дореволюционных времен была кухаркой в школе и оста-валась при директоре Константине Сергеевиче практически как член семьи. Константин Сергеевич и вообще-то не чуждался обще-ния с мужиками. Как-никак, но он был в гуще сельского общества, многие жители округа были его учениками начиная с 1886 г. А тут

еще и некий родственник за внука просит. И Константин Сергеевич, добрая душа, прислал с дедом сильно подержанный, но вполне целый и добротный букварь. Ладно, букварь есть, а как к нему приступить – не знаю. Придумал вставать пораньше, пока мать не ушла на работу. Она впопыхах, боясь опоздать, мечется у печки, а я тяну ее за юбку:

– Мам, какая буква?

– Отстань! Отстань, говорю!

Наконец обернется: «СЫ».

Отбегаю к окошку и твержу: «Сы, сы, сы». Ага, есть. Теперь следующую букву.

Не помню как, но, кажется, я быстро усвоил эту грамоту и вскоре стал читать. И было это за год до моего поступления в школу.

В школу я пошел в следующем 1934 г. А перед этим случился некий казус. Нас с дружкой Васей Пимкиным привлек вид поспевших яблочек-китаек в соседском саду. Четыре яблоньки были усыпаны золотистыми плодами. Завлекательно! Посмотрели – у хозяев замок. Заберемся? Заберемся! Набрали полную запазуху до отказа, сразу не съесть. Прячем добычу на потолке у Пимкиных. А тут старший Васин брат Коля:

– Где взяли?

– У колдуньи.

– А вы и мне принесите, я вам по тетрадке дам. Вам ведь в школу идти. Знаешь, как тетрадки-то вам пригодятся.

Надо заметить, что тетради тогда тоже не продавались, а выдавались в школе: по письму и по арифметике. Да и продавались бы – откуда у нас были деньги. Естественно, нам очень захотелось стать обладателями заветных тетрадок. Отчего не сходить еще разок. Сходили. А Коля: «Мало, две тетрадки – это дорого». А нам тетрадки уже замаячили, и отступить поздно. Таскали мы ему, таскали, наконец, говорим:

– Все, больше не пойдем.
– Почему?
– Мы уже не достаем.
– А вы на яблони залезайте.
– Не-е-ет. А вдруг она нас прихватит. С земли-то мы еще как-нибудь убежим. А с яблони? Заколдует нас – ни с места, что тогда? Не пойдем!

Уже и тетрадей не захотелось, да и устали мы. Все-таки выдал он нам по тетрадке. Тетрадки не стандартные, и ни к чему они нам негодились. Тоже мне, писатели!

Идти в школу – меня не пускают. Мать считала, что мне еще нет восьми лет, так как я рожден 20 ноября (тогда в 1-й класс принимали с 8 лет):

– Не ходи!
– Все идут, а я что маленький?

Одеть на торжество мне было нечего, не приготовили, и даже наоборот. С дружкой Васей мы в нестиранном белье выбрали рубашонку получше (сатиновая светло-голубая), по пути на речке постирали ее, как могли, конечно, без мыла, выкрутили от воды, и надел я чистую рубашку. Штанишки оставались те же, что на мне и были. Так и записался я в 1-й класс. Благо, тогда это было просто. Как сказал один человек, мы еще в свободной стране жили. Константин Сергеевич при встрече пожурил мать: «Что же это вы своего так проводили? В мокрой рубашке, озяб, синенький». Мать отвечала: «Мы не велели ему идти в школу, ему еще не исполнилось восьми. Надо его прогнать». Но Константин Сергеевич ее отговорил: «Мальчик за науку такие препоны преодолевает, можно сказать, муки, а ты – прогнать. Пускай уж учится».

У Толи получилось намного проще, но интересней. В маленькой деревеньке учеников было мало. В бывшем барском доме, для барского звания довольно неказистом (барин был захудалый), был устроен один класс и квартирка учительницы, кажется, Евдо-

кии Михайловны. В классе сидели вместе 1 и 3-й классы до обеда, 2 и 4-й – после обеда. 7-летний Толя пошел в школу играть в чехарду, вне школы играть было не с кем. Никакой учебой он не интересовался абсолютно. Но и просто сидеть на уроках в классе ему быстро надоедало. Он смотрел в окно, соображая, чем бы заняться более существенным. Ага! Вон выгнали колхозных свиней. Толя тянул руку. Учительница: «Тебе чего?» Толя: «На двор хочу» (так у нас назвалась нужная потребность). Учительница скоро заметила, что выпущенный на волю Толя ни о какой нужде не помышляет. Ему приспичило покататься на свиньях. Отпускать с уроков она его перестала. Сиди!

Кончилось это все тоже на удивление просто. Учительнице, видимо, надоело взирать на бессмысленно сидящего истукана. Как рассказывал потом Толя, его персона обсуждалась на особом семейном совете. «Совет» заседал у печки вместе с Евдокией Михайловной. А она, надо сказать, была с нами в двоюродном или троюродном родстве. «И в голос все решили так, что он отъявленный дурак». Мудрая мать его, тетя Анюта, постановила:

– Ну что ж теперь делать, раз он таким дураком уродился. А на уроках-то он не мешает?

– Не мешает.

– А если не мешает, то и пускай сидит. А то одного где-нибудь занесет, а тут все под присмотром.

На том и порешили. Однажды в один необычайно дождливый и ветреный осенний день Толя высматривал из окна, выйдет ли кто на улицу, чтобы затеять совместное развлечение. Никто не выходил. «Унылая пора». Не зная, куда себя девать, Толя с тоски взялся за букварь. На другой день в школе этот недотепа тянет руку отвечать урок, хотя всем известно, что он не может знать ничего путного по определению. Ведь дурак же. Все же настойчивое стремление дурака было, наконец, уважено, и ему позволили отвечать. И тут дурак всех удивил. Знает! Откуда что взялось? С тех пор в учебе Толя всегда был круглым отличником. Впослед-

ствии крупный ученый, доктор физико-математических наук, он возглавлял научный отдел крупнейшего оборонного комплекса «Арсенал» в Киеве и по совместительству в звании профессора вел курс автоматического проектирования в одном из вузов. Одним из его достижений был тренажер для космонавтов, за что он был премирован двухмесячным окладом в размере 700 руб. Ленинградское ОМО (Оптико-механическое объединение) запрашивало 10 лет только на расчеты такого «изделия». Толя со своим коллективом создал его за год в натуре. По намечавшейся программе создания советской версии возвращаемых космических челноков вдогонку американского Шаттла он был определен главным конструктором некоторого «изделия». Под эту программу его отдел из 60 человек должен был получить в свой штат дополнительно 200 сотрудников. Волевым решением Генеральной дирекции «Арсенала» дополнительные ставки отобрали для своих целей, Толю заменили своим ставленником в рассуждении, что работать все равно будет Новиков. Как бы не так. Зная всю эту интриганскую возню в системе ВПК, Толя тогда мне сказал: «Нет, у нас своего Шаттла не будет, а если будет, то не скоро». Так и получилось.

Наша школа была преобразована из земского 3- или 4-классного училища в 7-летку. Кроме Кипчакова она охватила в свою орбиту порядочную округу: Ибердский спиртзавод, Княжое, Сосновку, Красную Поляну, Приянки, Хомутское, Стрекалиху, Набережное. Для размещения классов был приспособлен еще поповский дом и даже церковная сторожка. Обучение шло в две смены, и среди нас встречались ученики великовозрастные. Мое учение вначале не очень заладилось. Собственно, в 1-м классе мне делать было нечего. Букварь я знал наизусть, начала арифметики у меня также не вызвали особых затруднений. Единственная трудность – письмо, в смысле «каллиграфия», «почерк». Но, как я понимаю это теперь, учитель Иван Степанович меня почему-то невзлюбил. Возможно еще и потому, что Константин Сергеевич

предложил перевести меня сразу во 2-й класс. Иван Степанович этому воспротивился. С этого и началось: меня оставляли без обеда, т.е. оставляли сидеть в школе после уроков переписывать надоедливые прописи, выгоняли за дверь до конца уроков и разное по мелочи. Придраться ко мне было легко – за небрежное письмо, за поведение. Я был смешлив, и учитель приноровился выгонять меня из класса чуть ли не за малейший писк. Теперь я уверен, что был у меня и один «дружок», ухитрившийся втихаря всячески подзуживать и смешить меня. Без обеда было обидно, а за дверь – даже хорошо. Я придумал гулять в бывшем при имении парке, лазил по деревьям, собирал желуди и т.п. Сообщать родителям о вызове в школу я не собирался, а девчонкам настрого приказывалось ничего не передавать – получите! Наконец, до матери такой вызов дошел и она отчитала Ивана Степановича по-полной: «Мы отправили его учиться, а не за дверью стоять. Если ему на этом месте не сидится, пересаживай на другое». В общем и целом придиранки ко мне прекратились. А в 3-м классе у нас был уже другой учитель, из нашего села, Дмитрий Яковлевич Улитин, сын той самой колдуньи, у которой мы с Васей обчистили яблони. По недостатку помещений класс наш размещался в опустевшем доме в селе, за рекой от школы. Дмитрий Яковлевич нам мирволил. С начала мая среди уроков он отпускал нас на речку. Мы сбегали под бугор к реке, полоскались до посинения в холодной еще воде и, как ни в чем ни бывало, садились на новый урок.

К этому времени относится закрытие у нас церкви. Церковь закрыли на замок, колокола сбросили с колокольни, попа сослали в места не столь отдаленные. Самый большой колокол разбили на куски, и обломки долго еще валялись на паперти. Церковь оставалась пустой до войны. Уже после войны, как водится, «по пожеланиям трудящихся», церковь превратили в сельский клуб. При этом были уничтожены все внешние признаки прицерковного кладбища, в историческом плане, как я упоминал выше, довольно интересные.

Тогда же учиться пришлось и отцу. В то время повсеместно в районах организовывались некие агрономические школы. Такая школа была и в Кораблино, куда отец и был послан учиться на бригадира-полевода, а другой сельчанин, Семен Григорьевич – на ветеринара. На выходные отец приходил домой. Худо-бедно, но на удивление всего села, отец окончил эту школу с отличием. Как? Этот захудалый Камарь? Тут сказывалась невысокая репутация семейства этих Комаровых на селе (были и другие Комаровы). За успехи в учебе отца рекомендовали направить на 2-годичные курсы в Рязань, где он должен был получить диплом агронома. Но мы тогда были так бедны, что родители, мать с отцом, как ни раскидывали умом, не нашли выхода из затруднений. Мать боялась остаться одна с двумя детьми, да и непонятно было, как отцу прожить два года в Рязани без всяких средств. Сейчас мне кажется, что страхи были преувеличены. В те времена таким «студентам» подбрасывали аккордные подработки на погрузке-разгрузке и т.п. Была, наверно, и какая-то стипендия. А мы в деревне прожили бы. Видимо, неопытные и не понимавшие вполне складывавшихся жизненных обстоятельств, преувеличивая трудности двухгодичного существования отца в Рязани на курсах, родители испугались, а более всего мать. Так и пришлось отцу отказаться от журавля в небе. Позже, в 1983 г. в Вичугском районе Ивановской области я встретил такого человека. После районной школы бригадиров-полеводов он окончил и высшие курсы и после всю жизнь работал агрономом. Он так же хорошо, как и мой отец, знал свою округу и охотно показал мне все древности, которые меня интересовали, и со знанием дела разрешил некоторые мои сомнения.

Последовательность событий этого периода у меня несколько путается. В памяти возникает состояние некоторого подъема, что-то вроде легкой эйфории и брожения в народе в первые один-два года образования колхоза. Мы, ребяташки, бегали в поле, где работали наши родители. Иногда нам разрешалось пройтись за

плугом с гордым сознанием участия в труде взрослых. С хорошо налаженным плугом на ровном поле это было нетрудно. Красочная картина открывалась на косьбе и уборке хлебов. Отец работал на жнейке, которая сама собирала на полок и граблями механически сгребала скошенное пачками величиной со снопы. Но основная косьба проводилась косами с «крюком», обеспечивающим ровную укладку рядков. За каждым косцом шла вязальщица. Она собирала скошенную пшеницу или рожь и увязывала ее в снопы соломенным связлом. И так, не разгибаясь, с утра до вечера с перерывом на обед и отдых в полдень. Снопы еще надо было собрать и сложить в копны, но в этом женщинам-вязальщицам помогали и мужчины-косцы.

На отдыхе мужики и бабы располагались отдельными группами, лежа на земле. Постепенно между группами начиналось заигрывание, переходившее в возню. Обычно бабы задирали какого-нибудь мужика, видимо, более податливого. Наконец, какая-нибудь заорет: «А-а! Ты шшупаться! Бабы!» Бабы гуртом навалятся на охальника, сдерут с него штаны и пустят по полю голым ниже пояса под смех остальной публики. Мужики только посмеиваются. Я недоумевал. Ощущая себя приверженным к мужскому клану, я не мог понять, почему более сильные физически мужики не заступятся за собрата и не дадут какой следует отпор этим нахалкам бабам. «Да их бы! Им бы! А тут еще – шшупаться! Ну что тут такого особенного». Этого я и вовсе не понимал.

Невольно приходит на ум «Поднятая целина» М. Шолохова. Что бы там ни говорил злопыхатель Солженицин с подпевалами, но я не знаю более художественно цельной картины становления колхоза в отдельном населенном пункте. Публицист Солженицин пускай отдохнет. «Поднятую целину» первый раз я прочитал тогда же еще в подростковом возрасте и находил немало соответствий в жизни своего села, в особенности в той атмосфере воодушевления, с которой герои Шолохова и мои односельчане начинали новую жизнь. Соревнование. Моя мать вместе

с тремя или четырьмя товарками сбивались в группу и показывали работу: вязали в рабочий день по 600 и более снопов и складывали их в копны. Прикиньте, один сноп в минуту – 10 часов без разгибу. А мою мать еще тот или иной мужик наперебой упрасивал встать с ним в пару.

В это время отец был назначен бригадиром 2-й бригады, 1-й бригадой командовал тоже Комаров и тоже Ванька, по прозвищу Дикарек. Уборка хлебов подходила к концу. Нужно было постараться, поднажать и смахнуть недожатую пшеницу. Задумали выйти на работу в ночь и обогнать 2-ю бригаду. Мать была в 1-й бригаде, и ей наказывали: «Ты своему не говори». Но и те парни не промах. Сами сорганизовались. Кто кого! Бригадирь, наверно сговорившись, к окончанию припасли бабам в угощение красное вино «Кагор». Полуголодные бабы с устатку и с непривычки округовели и всем кагалом карнавальным шествием двинулись к правлению. По пути лежала река, и бабы в одежде кинулись в воду бултыхаться. На площади перед правлением началось главное действо, песни, пляски с частушками-прибаутками. Мужики держатся в стороне, не вмешиваются. Андрей Хохлов подошел к своей Нюшке:

– Дура! Дети голодные, иди домой.

– Ах, я дура!

А тут как раз подъехала подвода с водой в бочках. Вскочила на подводу и мокрой мешковиной давай хлестать своего благоверного по физиономии. Он уворачивается, а она намочит тряпку в бочке и еще, и еще. Ну, истинный бабий бунт, бессмысленный и беспощадный. Тяжелая работа нуждается в разрядке, в карнавале.

Что-то не помню я, чтобы мы получали тогда на трудодни нечто существенное. Несколько позднее от бескормицы у нас чуть не подохла корова. Чтобы не допустить окончательного падения, ее подвешивали в стоячем положении на веревках. Бабы-соседки, Лизавета Репина через дом, Полька-Конфетка Улитина через четыре дома и моя мать в стужу и ветер открыто ходили

в поле к колхозным скирдам соломы и тащили оттуда по вязанке на прокорм коровы. У нас в доме тогда проживала некая бобылка Арина Сергеевна. Молодая она сбежала от мужа в город и всю жизнь прожила в кухарках у господ, а в старости прибилась на родину. Только где была ее родня? Вот ее-то и увидел за сбором колосков на поле проезжавший мимо секретарь райкома. Он рьяно настаивал отдать ее под суд за воровство колхозной собственности. Насилу уговорили борца за колхоз пожалеть старушку.

Через некоторое время мать назначили кладовщицей. Ее долго уговаривали: ты же грамотная, а учет вести пригласим специалиста из района, научит. В общем, дело пошло. Первым ее приход замечал жеребенок Хозяин, превратившийся потом в красивого жеребца. Хозяин направлялся к кладовой, и мужики уже знали – идет. Мать открывала кладовую, Хозяин подходил к закрому с зерном и потреблял вволю. Однажды она устроила представление. На святки, когда ходит Коляда, она нарядилась в эту самую Коляду или Бабу Ягу, ворвалась в правление и стала охаживать праздно сидящих мужиков дрыном вроде помела или кочерги. Мужики скоро опомнились и с хохотом стали ловить озорницу, желая узнать, кто же это такая? Но ловкая и верткая «артистка» увернулась и не далась в их объятия.

Один эпизод из ее бытности кладовщицей я упоминаю только по отклику в связи с некоторым скандалом, случившемся этак лет через 60 спустя. Тогда добрый наш приятель Николай Денисович, муж ранее помянутой Польки-Конфетки, работал завхозом при местной больнице. Для покрытия какой-то недостачи он попросил помощи у матери. Через некоторое время он был готов вернуть долг, но мать сказала: «Ладно, я уже обошлась, не надо». И вот престарелая мать решительно заявила мне: «Все! Больше не могу, немедленно продавай дом и забирай меня к себе». А у нее все это надо делать быстро, как у Петра I. С помощью покупателя, давно пристававшего ко мне с просьбой продать ему этот дом, я довольно легко справился со всей этой процедурой. Но вот земля!

Восстали обе соседки, особенно одна, Пожогина, неумная ругательница и скандалистка. Выскочила пьяная, со сломанной ногой растарасилась на борозде:

– Ня дам!

– А что ня дам? Тут твой огород, а здесь мой, дело-то ясное.

Начинавшийся скандал разрешил начальник районного земотдела, приехавший в это самое время к своей матери Ирине Николаевне. Увидел нас со своим землеустроителем, подошел:

– Что тут у вас? Ах так. Тогда это делается по факту: тут его пашня, тут ваша. Колья есть?

– Сейчас будут. Коли здесь и здесь.

– Вот теперь по закону ни ты сюда, ни он туда заходить не имеют права.

А был он внук Николая Денисовича. От своей матери он, вероятно, знал о добрых отношениях между нашими родителями. Как говорил классик, «Бывают странные схождения».

Моим родителям завидовали: «Вы оба на постоянной работе, а мы – на разных, где придется». Со стороны бригадиром бегать и погонять казалось легко, а кладовщиком быть тем более. При случае можно чего-нибудь и украсть. Но там каждый раз ревизия, да по два раза в год все перевешивали да пересчитывали. Трясись над каждой крупинкой. Сойдется, не сойдется. Наконец, зависть взяла верх. Поставили кладовщиком мужика. Знаю его, но не помню ни имени, ни фамилии. При передаче все злорадно ожидали какой-нибудь недостачи и к своему великому сожалению не дождались. Надежда новоявленного кладовщика на легкую жизнь быстро улетучилась. Очень скоро он бессмысленно запутался. И вот, буквально недели через две после своего назначения поздно вечером он пришел к нам в дом втихаря. Выложил перед матерью все учетные книги и заявил:

– Лиза! Вот тут все, забирай и становись сама опять кладовщиком, как знаешь, а я так больше не могу.

– Да кто же так делает? Ты иди в правление и разбирайся там. Не знаю, чем кончилось дело, но мать больше в кладовщички не пошла.

Тут как-то подвернулось, что она устроилась налоговым агентом. Надо было ходить по дворам и трясти налог с жителей сел и деревень: Кипчаково, Княжое, Сосновка, Красная Поляна, Приянки, Хомутское, Набережная, Завод. Собранные деньги надо было относить в Кораблино. Вот только не знаю, со всех собирался налог таким образом или только с единоличников. На завод в это время прикочевала какая-то группа казахов, где они подраядились возить на станцию в Рязск изготовленный на заводе спирт. Эти, видно, тоже бежали от колхоза куда подальше. Ну и обдирали же их налогами. Но платили исправно и к сборщице относились уважительно, поили чаем. В обратный путь (а это только безлюдным лесом 4 км, иногда уже на ночь глядя) снаряжали паренька с наказом аккуратно довести до дома. Такая жизнь и тут казахам не задалась, и через какое-то время они откочевали обратно. Положительным в новой работе матери был твердый оклад. За все свои хлопоты, хождения, уговоры недоимщиков она получала 150 руб. в месяц. Деньги даже по тем временам небольшие, но у нас тогда и таких не было, а тут появились. Про колхозные ж трудодни и говорить нечего.

Отец к этому времени был назначен заведующим МТФ, молочно-товарной фермой. Впрочем, и совершенно безграмотная тетя Аня тоже заведовала МТФ в Чернаве. Учет за нее вел Толя. В хозяйстве у отца под началом значились коровы, телята, свиньи и, кажется, овцы. В пару к нему пристегнули ветеринара Семена Григорьевича, как и мой отец, окончившего районную школу по своей специальности. Мужичок роста небольшого, но по характеру разбитной и бедовый. Не знаю, что он там делал по ветеринарии, а больше, по-моему, соображал на выпивку. Пьяный он мог на каком-нибудь гулянье при всем честном народе устроить пляску нагишом. Рассказывала мать, как свекровь прогнала ее

в клуб, когда я еще был в люльке: «Кончился танец, все разошлись по стенкам, и тут на середину вводят голого Семена Григорьевича, а он – плясать. Ну, мы, которые бабы, плюнули да отвернулись, а девки с визгом ломанулись в дверь. В дверях сделалась куча мала. Охальника тогда оштрафовали на пять трудодней, и это была не единственная подобная выходка».

Витя наш постоянно крутился на ферме и был первейшим другом у Семена Григорьевича. Науськает его на какую-нибудь каверзу, а Витя – с удовольствием. Иногда бабы, жена и жившая с ними ее (а может его?) сестра, свяжут пьяного буяна, а Витя тут как тут. Пленный ноет из-под кровати: «Зятек! Развяжи!» У него было две дочери, одна мне ровесница, другая постарше, но я в зятьки не годился. Бабы смотрели за зятком строго. Сиди! Но этот сорванец как-то ухитрялся обмануть их бдительность и успевал развязать «тестя». Освобожденный от пут Семен Григорьевич начинал гонять своих баб по всей деревне. А то, не дают на выпивку – Семен Григорьевич хватается веревку, ножик и бегаёт: «Удавлюсь! Утоплюсь! Зарежусь!» Бабы за ним с плачем: «Сема! Родненький! Не топись! Не давьись!»

Была тогда на ферме необыкновенно сварливая и ругательная баба, свиарка Дарья Максимовна Репина. И вот в перебранке с Семеном Григорьевичем (а вообще-то с кем угодно, кто подвернется под руку) она часто обретала отдохновение. Иногда она пыталась прицепиться и к отцу. Незлобивый и терпеливый отец никогда не поддавался на провокацию, чем особенно выводил ее из терпения. Отец выговаривал ей: «И чего ты ко всем цепляешься с утра пораньше?» Она отвечала: «Знаешь, Иван Михайлович! Если я с утра ни с кем не поругаюсь – места себе не нахожу». Однажды Семен Григорьевич схлестнулся с ней на колхозном собрании и потерпел жестокое поражение. Присутствовавший на собрании секретарь райкома подтвердил: «Да! Все-таки русская баба – великая сила!» Скорее всего, эта баба была из породы вампиров (говорят, существуют такие) и остро нуждалась в подпитке своей энергетики за чужой счет.

На ферме был молодой шустрый меринок Кобчик, и Витя часто развлекался: «Папа, я поеду Кобчика искупаю». От фермы под горку на речке была «Купальня». Очевидно, название сохранилось от барских времен, но и в наше время это место было удобно для купания: пологий травянистый берег, песчаный пляж на другой стороне и рядом обрыв высотой 3-4 м, откуда с разбега можно было сигануть вниз головой или солдатиком. Но главное – там рядом было поле подсолнухов. Охранял его лядащий старичок Хыток. И Витя с купания, ничуть не таясь, – туда. Дед за ним. А он же на лошади. На шустром Кобчике иногда и наезжал на деда. Однажды увлек в очередную вылазку Шуру гундосого, сына Дарьи Максимовны, старше меня года на 3-4. У того действительно был физический недостаток, что называется «волчья пасть», и он сильно гундосил. Гундосый на ленивой кляче был пойман. Отец наблюдал: от реки на горку передом бодро шагает Хыток с дрыном, за ним верхом на кляче Гундосый весь в слезах и соплях. Хыток, время от времени поколачивая Гундосого дрыном, отцу: «Ванька! Приструни своего Витьку. А то поймаю, я ему задам». Но Витьки уже и след простыл, а Кобчик мирно стоит на конюшне.

К осени пристраивался он к ребятам, возившим с поля снопы пшеницы или ржи, в особенности к Кольке Ухачу, катался. В обеденный перерыв работники лежат на колхозном дворе под грушей в ожидании, пока лошади будут накормлены. Кое-кто дремлет. А другие озоруют: «Витька! Дай вон тому по носу». Витя с разбега – хлесть! Из носа кровь, обиженный за ним, а Витя под защиту покровителей. С другим Витей, Серовым, пристроились кататься тайком на телегах, в которых мужики возили с поля картошку на хранение. Картошка насыпалась в большие плетеные кошелки, за которыми озорников не видно. Того гляди задавишь. И ни кнутом, ни чем иным отбиться от них было невозможно. Для хранения картошки был устроен омшаник, специальная яма, в которой она укрывалась на зиму. К удивлению мужиков при рытье ямы было нарушено никому не известное кладбище с множеством

человеческих костяков. Один мужик взял верхнюю часть черепа, подкрался к радостно усевшемуся на задке ездоку и надел на него череп. Эх! Что же он работал! Бегаёт, орёт, а мы никак поймать его не можем, чтобы снять с него этот череп. Череп, наконец, слетел, и вмиг забавников не стало, испарились.

Женился дядя Володя, отцов брат. Жена Полина со спирт-завода была статная черноволосая и чернобровая молодлица с румянцем во все щеки. К сожалению, вскоре для нас выяснилась ее непроходимая дурасть. Почти сразу же она пожелала быть полноправной хозяйкой в доме. Первым делом она потребовала, чтобы мы с Витькой, привыкшие бывать у деда с бабкой, больше здесь не смели появляться. Я это понял сразу, Витя так же сразу запрет игнорировал и появлялся, когда ему вздумается. Однажды Володя зовет брата: «Ванька, у меня дома бутылка, пойдем выпьем». И братья пошли. Вскоре смущенный отец со смехом рассказывал матери: только мы уселись начать беседу, как Полинка заорала:

– Это что такое! Ходят тут всякие! Чтобы у меня больше этого не было!

Володька, конечно, Полинку в кулаки, а отец бегом домой, смеется: «Ну, мать, я и выпил!»

Младшего Васятку 1915 года рождения и женить было не на что. Но тут ему подошел армейский призыв. На допризывную комиссию они ходили в Пехлец, в 4 км от нас по большаку. В компании с четырьмя парнями из Приянки они возвращались с комиссии. На подходе к повороту от большака к нашему селу их застала грозовая туча. Поблизости здесь была колхозная рига, обширный сарай из плетня с соломенной крышей. Там уже были наши мужики, прибежавшие от надвигающейся грозы с соседнего поля. Васятка звал ребят в ригу, но они не пошли. Поближе к большаку вдоль дороги на Кипчаково была гряда густых кустов боярышника, и они решили переждать дождь под крайним кустом. Началась гроза. Один удар грома был настолько сильным, что отец потом говорил: «Нам показалось, что у риги угол оторвало, и мы сами в испуге по риге разбежались». Тут из-за куста выбежал один па-

рень и стал махать рукой: «Сюда!» Прибежали, а трое парней лежат замертво, и ничего сделать уже было нельзя. Приехал доктор и констатировал смерть. А нашего Васятку миновало.

1936 год запомнился конституцией. Собственно, не самой конституцией, а кинокартиной с докладом товарища Сталина о проекте конституции. Мы с удовольствием смотрели это кино у себя и даже бегали за 4 км в соседнюю деревню, чтобы лишний раз посмотреть его. Припоминается в этой связи и некоторое брожение умов и оживленная подготовка к выборам. Еще бы! Выборы всеобщие, прямые, да еще при тайном голосовании. Делаю, что хочу! Не думаю, что конституция и выборы в то время оценивались людьми как-то определенно и ясно. Дядя Володя, Толин отец, говорил: «Я буду голосовать за Молотова». Кто бы ему позволил?

Примерно в это же время проводилась перепись населения. Запомнился вопрос, заданный отцу:

– Верующий?

– Да уж как-то вроде по привычке, пишете – верующий.

По этому случаю вспоминается эпизод. Году в 1932 или 1933 на пасху мы с отцом оказались дома одни. В отсутствии матери отец вальяжно лежал на празднично убранной кровати, а я глазел в окно. Гляжу: «Папа, поп идет». Поп на пасху обходил свою паству, кропил углы, получая при этом, по словам деда Щукаря, не более двоегривенного серебреника и натурально с полфунтика сальца. Отец: «Ладно! Сейчас мы с тобой его выгоним». Поп стучится и приоткрывает дверь: «Можно?» Отец из горницы отвечает: «Нельзя!» Не привыкший к такому обороту поп, видимо, несколько робеет, но все же входит на порог. Отец приподнимается: «Куды? Я сказал – нельзя!» Поп подхватил свою рясу и бегом от нас. Довольный собой отец приказывает: «Матери не говори!»

1937 год обозначился отменным урожаем зерновых. Еще с осени бурно проросли озимые. А весной и летом выдалась бла-

гоприятная погода, дожди выпадали впору и в меру. Вот только куда подевался весь этот хлебец, никто не знает. Все равно на трудодни почти ничего и не пришлось. В то время председательшей колхоза была непотребная баба Чукова. Муж ее от стыда и позора повесился. Да и не в председателях как таковых было дело. Они тогда менялись чуть не ежегодно, и все были никчемные. Были и какие-то репрессии, но я помню только два случая. На селе ночью забрали языкастую бабу, забыл ее прозвище. Скорее всего, донесли соседи за злой, скорее брехливый, язык. Вторым был скромный аптекарь Абрам Ароньч, у которого мужики иногда пробавлялись спиртом («Деньги есть – Абрам Ароньч. Денег нет – Абрам, ты сволочь»). Все удивлялись, кто же на него доказал, что по нашим понятиям означало донес. Бабка сгинула, а Абрам Ароньч через год вернулся реабилитированным (был такой краткий период после демонстративного снятия с поста Ежова). Его восстановили на работе с компенсацией зарплаты за вынужденный «прогул». Последнему обстоятельству некоторые у нас завидовали: «Знаешь, сколько он получил! Тыщу, а может и больше!»

Вспоминаются некоторые эпизоды, которые теперь представляются нелепыми и курьезными, а тогда воспринимались на полном серьезе. В то время появились школьные тетради, на лицевой стороне которых были графические рисунки по мотивам стихотворений А.С. Пушкина, а на оборотной стороне – тексты стихотворений: «У лукоморья дуб зеленый», «Как ныне собирается вещей Олег». А оказалось – тетради-то вредительские! По оковкам на ножнах меча Олега будто бы читалось: Долой большевиков. Я сам силился прочесть эту надпись. Слово «долой» еще как-то угадывалось, а из «большевиков» я с трудом мог составить только слово «вор». В переплетении ветвей, на которых восседала русалка, досужие личности тоже усмотрели какие-то антисоветские изречения, но мы таковых при всем старании не находили, а указать нам было некому. Вдруг пропали спички Калужской фабрики «Гигант», но вскоре так же внезапно появились уже

с новой наклейкой на коробке поверх прежней. Что, почему? А ты посмотри! На прежней этикетке была нарисована спичка с исходящим от ее головки пламенем. Ты поверни это пламя как следует и получится профиль нашего всесоюзного старосты дедушки Калинина. Вот так, как спичкой, мы приткнем советскую власть! Арестовали редактора нашей районной газеты. Тот ухитрился на титуле газеты «Под знаменем Ленина» изъять одну букву и получилось «Подзаменем Ленина». Видал, какой гад! И этому верили. Некоторое участие в борьбе с «врагами народа» приняли и мы, школьники. Заботами правительства, наконец, был издан учебник по истории СССР для 4-го класса. На последних страницах там были портреты маршалов, героев гражданской войны. Но вскоре все они – Тухачевский, Блюхер, Егоров – за исключением Ворошилова и Буденного, оказались «врагами народа». В меру своей фантазии мы изошрялись в порче этих портретов, расчеркивали чернилами, выкалывали перьями глаза, всячески выказывая свою ненависть к «предателям».

Между тем мы, детвора, жили своей жизнью. Как я уже сказал, в Чернаве была только 4-классная школа. Дальше Толя мог учиться или в Петрове в 6 верстах от Чернава, или много дальше в Рязске. Сестры, тетя Аня с моей матерью, придумали устроить Толю у нас в Кипчакове, где была 7-летка. И стал Толя весь учебный сезон жить у нас третьим не лишним. Много позже в разговоре со мной мать удивлялась, что отец слова не сказал против. Не понимала вполне она отцовской доброты. Тем более он всегда был дружен с родней со стороны своей жены не в пример по отношению к родне по линии Комаровых. И Толя для него был такой же, как и мы с Витей. Теперь нас за столом было уже пятеро, и отец всегда командовал: «Кромсай!» Лишь иногда порядок нарушал Витя, когда раньше других выхватывал из щей кусок, когда в редкие дни щи бывали с мясом. За это ложкой по лбу! Мать вспоминала: «Прихожу, а вы втроем за столом уплетаете обед и поете “Мы мирные люди, сидели на блюде и ели горячие щи”».

Никаких проблем с учебой у меня не было. Главное – наскоро сделать письменное задание на дом и гулять. Остальное меня не волновало. Мои успехи в учебе почему-то приписывали влиянию Толи. В то время к нам в школу прислали двух молодых учителей. Выделялся знаниями и добрым отношением к ученикам литератор Сергей Александрович. У Толи он был любимым учителем, да и Сергей Александрович его выделял. А Толя всегда учился на «отлично» без всякого напряжения. Но и из-за него мать тоже однажды вызвали как родительницу. Их тогда вздумали пересадить вместе с девочками. Такое случилось потом и у меня в других школах. Почему-то считалось, что девочки будут благотворно влиять на наше мальчишеское поведение. Тольке досталось сидеть с Любкой Хохловой. Он вынул свой перочинный ножик и провел по парте черту: «Залезешь на мою половину – получишь!» Любка сразу же начала нарушать границу и, естественно, получила кулаком по боку. Мать ее прибежала со слезами в школу: «Он хулиган, он у вас ножевой!» Вызванная в школу наша мать резонно отвечала: «Он же мальчишка и должен уметь отбиваться, да и как это так, чтобы девочка над мальчиком верх брала». Поругались, на том и кончилось.

Находилось время и для некоторых литературных занятий. При так называемом деревенском клубе, помещавшемся в освободившейся от кого-то сельской избе, была небольшая библиотека. Насколько я могу сейчас вспомнить, набор книг был невелик и по подбору случайный. Книг дореволюционной печати не было, а могли бы быть из барского имения. Но их могло там и не остаться, незадолго до революции имение купил у князя его управляющий Дубец. Библиотекарь, элементарно грамотная молодая женщина, не умела рекомендовать нам подходящую по возрасту литературу, и книги мы брали наугад. Так мне попала книга о жизни и творчестве Сервантеса, для детского восприятия сложная, и я смутно помню его приключения в битве при Лепанто, в плену, в качестве сборщика налогов, пребывание в тюрьме,

но не более того. Однажды я взял толстую книгу «Фрейя семи островов», но ничего из нее не запомнил и, кажется, даже не дочитал ее до конца. Попадалось и другое. «Маленький оборвыш» Диккенса вызывал наше сочувствие, в особенности за способности преодолевать трудности, выпавшие на долю малыша. Более всего нас захватывали подвиги Уильфреда Айвенго и Ричарда Львиное сердце, и мы, как рыцари, рубились самодельными деревянными мечами.

Однажды во время такого сражения на Толю напал обитавший у нас в одиночестве гусак. Он ухватил его сзади клювом за одежку и стал бить крыльями по ногам. Гусак появился у нас на подворье заботами Толиной матери, у которой гуси водились. Из двух подаренных яиц курица высидела одного гусенка, другое яйцо оказалось болтуном. Мы с другом Васей Пимкиным решили использовать этот болтун как бомбу – лучше не придумаешь. Долго ходили в поисках подходящей цели, пока не набрали на чью-то свинью. Цель для нашей «бомбы» не очень достойная, но за неимением лучшей разбомбили свинью. «Взрывом» изрядно обрызгало и нас самих. От невыносимой вони мы в панике сбежали к речке и стали усиленно отмываться. Долго полоскали рубашонки со штанишками, стараясь избавиться от стойкого зловония, после чего побежали обсыхать на ходу в поисках новых приключений. А гусенок рос, и мы с Витей бережно носили его в руках на речку купаться. Там он резво плавал, плескался и нырял, а мы вместе с примкнувшими друзьями с удовольствием гонялись за ним, а после благополучно приносили домой. Гусенок сделался ручным и вскоре превратился в солидного гусака. Нападение его на Толю я объясняю тем, что гусак защищал меня, как собака защищает своего хозяина.

Совершенно особым образом состоялось мое знакомство с Пушкиным. Конечно, славен он был и знаменит безусловно. Я помню еще некоторые деревенские анекдоты, незатейливые и грубоватые. Там соперничали в находчивости и остроумии Пуш-

кин с Лермонтовым, и Пушкин всегда одерживал верх. Но не более того. А какие мы знали стихи, кроме помещенных на тетрадных обложках, а в особенности в учебных книгах для чтения?

Мы ребята будем кратки.
Больше дела, меньше слов.
Мы дадим стране десятки
Подготовленных бойцов.

Однажды в руки мне попался солидный том «Пушкин. Лирика» (Или «Лирика Пушкина»?). Стихи!? Вообще-то стихи, если это настоящие стихи, отражают мысли и чувства более концентрированно, нежели проза. Для неокрепшего ума отрока это трудно. А тут их много и сразу! Можно ли прочитать их все? Все же взял и прочитал, кажется, не отрываясь. Помню свое изумление, почему стихи оказались такими прекрасными и читались так легко? Но я был еще мал, чтобы воспринять Пушкина более серьезно. Осмыслить гений Пушкина сразу в таком объеме и для человека зрелого ума непостижимо. А мои настойчивые предложения товарищам почитать Пушкина почему-то остались без ответа.

Летом мы были предоставлены самим себе и развлекались в меру своего разумения. Крупных хулиганистых дел за нами не водилось, но мы всегда знали, что хорошо, что плохо. После какой-нибудь проделки (в опасении, ругать будут!) мы исчезали в Чернаво. Там до очередной каверзы нас хватало на неделю, и тогда мы – в Кипчаково, где прошлое уже забыли. И так челноками все лето. Однажды вздумали пойти на рыбалку с ночевкой. Раю, как существо женского пола, заставили варить кашу на приманку, потому что варить – не мужское дело. Тетя Анюта поздно прибегает с фермы – ребята пропали. На речку ловить рыбу пошли. Ночью уснет какой, свалится в речку, утонет. Утром прибежала с фермы – спят вповалку, слава богу. Опять на ферму. Тут бежит одна баба:

– Анютка! Твои ребята в школе всех голубей поразгоняли.
– Ах! Родимец ты их сломай!

Толя с дружками задумали сделать автомобиль. Я в этом предприятии почти не участвовал. Работали три друга: Толя, Сережа Комогоров и Вася Крючков. Была сделана деревянная рама в виде сужающейся к переду трапеции. При ней отдельно было четыре колеса, снятые с колхозных плугов. Затруднение состояло в том, чтобы найти подходящий железный прут. Если удастся согнуть из этого прута коленчатый вал, то можно поехать, вращая его ногами, как велосипед. Задача оказалась неразрешимой. Однажды задумали путешествовать. Взяли большую сковороду, большой ржавый кинжал без рукоятки и отдельно медную рукоятку явно от другого клинка, запаслись хлебом, отрезали ветчины и подались в направлении оврага Городня. За ригами сообразили, надо подшибить курицу. Послали меня. Кур поблизости не оказалось. На помощь прибежал Вася Крючков. Сшибли гуся и возвратились в стан с добычей. В овраге уселись на лужайке посредине оврага и начали ощипывать этого гуся, только пух полетел. А тут бабы идут из Петрова на завод. Мы отбежали на край оврага, а бабы подошли к кучке перьев, ахают. Сережка взял кинжал и кричит бабам: «Только подойдите, я вам вашу мать!» Сделать что-нибудь с нами все равно было нельзя, бабы ушли, пришлось вернуться домой и нам, сбили настрой. А гуся зарыли под обрывом и забыли, а когда вернулись, он уже благополучно сгнил.

Весной 1939 г. Толя окончил 7 классов и у нас уже не жил. Его заменила Рая, перешедшая в 5-й класс. Она была приставучая и иногда получала от меня тычка, за назойливость. Но главные выяснения отношений происходили у них с Витей. Рая, рослая и крепенькая девочка, была способна дать сдачи. Но Витя был агрессивен, быть побежденным не любил, и сражения между ними возникали постоянно. Конечно, у нас с Витей она была некоторым инородным организмом только в силу своей девчоночьей сущности. Водиться с девчонкой мы презирали, а ей в чужой деревне сойтись с подругами было трудно. До сих пор помню ее надоедное бормотание: «Посмотри, вон, вон играет. Дует, плюет на

меня», – твердила Рая и не могла затвердить «Бесы» Пушкина, а я через нее помню это до сих пор. Для меня тогда не составляло труда запомнить такие вещи с одного раза. А Толя в 8 классе учился в Рязске и проживал у каких-то наших родственников. После уроков путь его пролегал через обширную зону пристанционных путей. Среди них был какой-то открытый склад со стеклянной тарой. Толя брал две бутылки в портфель, сдавал их в магазине и на выручку шел в кино. В учебе он уже сознавал свою силу и недоумевал, почему он не может добиться отличной оценки по физике. Учитель объяснял, что физики вы не знаете и знать не можете по определению. А что все-таки надо сделать, чтобы получить по физике «отлично», вопрошал Толя. Физик предложил для начала перерешать все задачи, имевшиеся в учебнике. Восьмиклассник Толя в отдельной тетради решил все задачи из учебников за 8, 9 и 10 классы. Но и тогда физик сказал: «Нет, все равно ты физики не знаешь». В 9 и 10-й классы Толя ходил уже пешком в школу с. Петрово, за 6 км от дома. Здешний физик его не утруждал:

- Тетрадь принес?
- Принес.
- Оставь ее и иди домой.

Осенью 1939 г. у нас появился вербовщик, вербовал на новое место жительства заселять вольный Дальний Восток. Рассказывались небывальщины о привольном житье и сказочных богатствах края. Отец загорелся идеей свободы, мать была категорически против. Тетя Анюта тоже всячески отговаривала. Но тогда при переселении полагались льготы: некоторые подъемные в виде помощи в постройке дома, освобождение от налогов на 8 или 10 лет. А надо сказать, тогда колхозник как владелец огорода или его пользователь должен был платить какой-то денежный налог и независимо от наличия живности на подворье вносить натурой определенное количество мяса, яиц, молока. Видимо отца именно это привлекло больше всего. Возможно и надоевший хвост славы некоего подкулачника сыграл свою роль.

На зиму мужики уехали осваивать новое место. Мать была в недоумении. Ее пугала вероятная отдаленность от культурных центров и невозможность в связи с этим дать детям надлежащее образование. Тетя Анята вообще советовала ей не ехать вслед за отцом: «Никуда он не денется! Вернется!» И все же к маю 1940 г. мы стали собираться. Собрали скарб, замуровали кирпичной кладкой с отдушинами окна и дверь в надежде вернуться и тронулись. В Кораблине при станции собрался нас целый табор. Шум, крик, ругань, детский плач. К вечеру подогнули состав из товарных вагонов с устроенными нарами, и мы погрузились. Вагон был четырехосный. По торцовым стенкам нары были трехэтажные, а ближе к задвигающейся двери с той и другой стороны от нее – нары двухэтажные, так что под ними можно было пройти пригнувшись. Нам достались нижние нары к задней стенке по ходу поезда, так что мы двигались на восток ногами вперед. Жена отцова брата дяди Володи Полина с дочерьми Шурой по 4-му году и Зоей по 3-му расположилась на среднем ярусе. Ночью состав тронулся. А тогда товарняк, чтобы тронуться с места, должен был несколько раз основательно дернуться. Плавно тронуть его с места у паровоза не хватало мощности. В вагоне непроглядная темень. Пьяненький Хыток упал с полки, заплакал. Захныкала Шура, от толчка она ударилась головой в стенку. Не понимая реальной обстановки она заныла: «Мама, ссади меня отсюда, я не хочу на нем ехать, он дерется». Раздраженная Полина кричит: «Что, уже надоело!?»

Утром оказались на станции Ряжск-3. Стояли долго, наверное, пополняли эшелон до полного комплекта рязанских переселенцев. Был солнечный, даже жаркий майский день. Вдоль путей оказался ряд колонок, на которых были толстые резиновые шланги высокого давления с увесистыми чугунными наконечниками, приспособленными для заправки водой пассажирских и грузовых составов. Простым поворотом рычага получался мощный поток водяной струи, и мы весело поливали друг друга из шлан-

гов. На другой день, на стоянке в Рузаевке оказались такие же колонки и мы сразу же побежали обливаться водой, как и в Рязске. Первыми оказались наш Витя с успевшим уже проявиться своим оппонентом и одновременно надавили на кран. Из шланга рванулась струя сжатого воздуха, шланг взвился и с силой ударил по лбу Витиному конкурента. Раненый с плачем побежал назад, и его увели в санчасть на перевязку. Колонки были предназначены для заправки вагонных тормозов сжатым воздухом.

Товарный эшелон наш тащился медленно без всякого расписания и иногда останавливался даже среди поля. Мы бегали вокруг и по гудку паровоза вскакивали в вагоны, иногда уже на ходу. Помню случай, когда один мужик бежал по лугу и кричал вслед уходящему паровозу: «Эй! Погоди!» Матери волновались, кричали на нас, а нам было нипочем. Иногда мы перебирались в соседний вагон, где были наши овцы и при них большей частью находился дед. Дело в том, что переселенцам разрешалось везти с собой и какую-то живность и некоторые везли даже своих коров. Но корову можно было сдать в колхоз и по сдаточной квитанции получить взамен корову на новом месте. А вот овец там еще не было, и поэтому овцы ехали с нами. В эшелоне была какая-то кухня. и на остановках раздавали горячую еду, кажется, два раза в день. За обедом всегда бегал Витя с ведром, не знаю – на вагон или на количество едоков. Вероятно, давали и что-то еще. Не помню, чтобы мы ощущали в это время голод. Приносили селедки, но очень соленые, и мы втроем с трудом одолевали пару селедок. Остальные отдавали Барановым (мать с двумя дочерьми и сыном примерно Витинового возраста). Они с жадностью рвали эти селедки зубами, как стервятину. Недаром позже по другому поводу отец характеризовал Бараниху: «Алчная!»

Проезжали большие реки с длинными мостами: Волгу, Иртыш, Обь, Енисей. Проезжали ровные и бескрайные Барабинские степи. В Сибири открылись обширные луга, усеянные яркими цветами (называются «жарки»?) вроде наших купальниц, только

крупнее и ярче. В Красноярске была баня. Истосковавшие по воде путешественники ринулись с шайками под краны. Как рассказывала мать, одна молодуха сходу подставила своего грудничка и рванула на него кран с горячей водой. Трагедия! Одежду сдавали прожаривать от известных насекомых, короче – в вошебойку. Бабка сдала свою шубу, а когда ей сказали, что ее шуба от жары скукожится, она голая топала ногой и кричала: «Бляди! Отдайте шубу!» И докричалась – отдали. Впрочем, я не помню этих насекомых, за все время пути их не было.

Перед Иркутском поезд стоял в поле на берегу Ангары. Река большая, вода чистойшая. Мы побежали купаться. Берег оказался очень пологим. Мы не достигли глубины еще и до колена, как у нас от холода зашлись ноги и мы стремглав назад, еле выбежали. От Иркутска начиналась пограничная зона, и там высадили Полину с детьми. У нее оказалась какая-то неувязка с документами. Недоразумение выяснилось, и они догнали нас на пассажирском. Там же или чуть позже отстал Витя. Но его тоже доставили и воссоединили с нами заботливые железнодорожные служители. Интересно было ехать по берегу Байкала: слева озеро, справа скалы и многочисленные тоннели. Мы еще карабкались на эти скалы, а матери кричали на нас и ругались.

Амурская область начинается Сковородинским районом. Пейзаж мрачный, скудная растительность, лиственница, низкие голые скалы в виде огромных камней, странные названия станций: Уруша, Невер, Талдан, Магдагачи, Тында, не сразу понятный Ерофей Павлович (Хабаров). Недаром здесь сложилась поговорка: «Бог создал Крым да Сочи, а черт Сковородино да Могочи». В области это полюс холода. Но далее к югу пейзаж стал светлеть и обретать более привычные черты и, наконец, дед сказал: «Как и у нас». Справа от дороги приамурская лесостепь, слева – край невысоких сопок. По сторонам нередко попадались щиты с надписью: «Стоять! Запретная зона!» Тогда я думал, что там были воинские части – «У высоких берегов Амура часовые

Родины стоят», не иначе. Теперь я понимаю, что это были зоны БАМ ЛАГА – БАМ тогда уже строился. В 1942 г. в критической обстановке под Сталинградом отсюда были взяты уже уложенные рельсы для срочной прокладки пути на Астрахань за левым берегом Волги. Ну, это к слову.

Амурская область была целью нашего путешествия, мы приехали. По мере продвижения на восток наш эшелон стал постепенно уменьшаться. На очередной большой станции отцеплялись определенные вагоны. Оказалось, вагоны с самого начала были сформированы по пунктам назначения. А вот и Архара, наша станция, куда мы прибыли на 20 или 22-й день странствия. Встречать нас был прислан гусеничный трактор СТЗ-НАТИ с прицепленной тележкой, которым самолично управлял бригадир колхозной тракторной бригады Андрей Колесник – он уже не работал непосредственно на тракторе, но управлял бригадой. Выехали в ночь с погруженным на тележку немудрящим скарбом. Утром приехали в Иннокентьевку, большое село, бывшую казачью станицу, расположенную на самом берегу Амура в 33 км от Архары. Амур здесь разливается на ширину более 2 км и производит большое впечатление. Шура с Зойкой бегут к реке вслед за бабкой: «Бабушка, это Хабаска, Хабаска?» (в просторечии мы ехали в Хабаровск, т.е. в Хабаровский край, в состав которого тогда входила Амурская область). Бабка в шубе и босиком идет к реке и ругается: «Какая вам тут, пралик, Хабаска. Вон они на той стороне выставили свои черные зады, вот и смотри на них». А на той стороне, несколько наискосок вправо, видна китайская деревня, и кое-какой народец на берегу мельтешит, что бабке очень не понравилось.

Наша деревенька Украинка дворов около 20 располагалась в 28 км от Иннокентьевки выше по Амуру и около 7 км выше устья р. Буреи. Бурея при устье разделяется на протоки, и ее левая протока отстояла от деревни на 3-3,5 км, а сама деревня располагалась около длинного старичного озера, древней протоки реки. Но и сама протока была здесь шириной не менее 0,5 км. Согласно

названию основное население деревни составляли украинцы, выходцы из-под Белой Церкви и Чугуева. Еще были там белорусы, два брата Нехайчики, многосемейный и деятельный Николай и бездетный и болезненный Яков. Один русский дед Дергун прибыл сюда из Семиречья. Само селение образовалось в 1928 г. По-моему, новые поселенцы оказались здесь в попытках разными способами избавиться от наступающих колхозов, от которых разбегались куда глаза глядят. По некоторым рассказам, первое время они испытывали немалые лишения от голода. Среди прочих был там и некий парторг, в то время Балалаев. Оказалось, парторги в пограничье прикреплялись к каждому колхозу и обретались там даже после войны. По всем статьям это были люди случайные и малограмотные, ничем, кроме своего собственного апломба, не примечательные и абсолютные бездельники. К примеру, наша мать во время войны была председателем сельсовета, от которого требовалось и обеспечивать выход на работу, и подписку на заем, и массу других дел, в числе которых ей была навязана еще колхозная пасека, с ежемесячным вызовом в район для очередной накачки. Но она всегда выходила в поле наравне с другими бабами. Но парторгов, или хотя бы их жен я в поле никогда не видел.

Эти самые парторги иногда куда-то отзывались, а на их место присылались новые. Я помню не менее пятерых таких деятелей, в разное время обретавшихся в нашем колхозе. С одним таким, по фамилии Жерносек, у матери возник нешуточный конфликт. Присутственное место помещалось в отдельном строении в центре деревни. Большая половина постройки служила клубом, в меньшей была контора. Здесь имели пребывание председатель колхоза и счетовод-бухгалтер, председатель сельсовета и, по рангу, парторг. Для исправления некоторых деловых бумаг у каждого была своя чернильница. Для обоих председателей такая потребность возникала в силу необходимости, по долгу службы. Парторгу же, по моему разумению, кроме доносов писать было нечего, но писательский зуд обуревал и его персону. Он полагал, что

моя мать как женщина и как низшая по рангу обязана была его обслуживать, следить за его чернильницей и т.п. Не на ту напал. На этой почве возникали мелочные коллизии, до удивления похожие на ссоры первоклашек в школе. Он демонстративно хватал ее перо, она не менее демонстративно выдерживала его, оставляя на пальцах похитителя чернильные кляксы. Иногда он хватал ее чернильницу и вставлял в нее свое перо. Занято! Экспансивная мать вышвыривала его перо куда подальше.

Вспоминается и раздрай у нас на уроке в первом классе между девочками д. Сосновки. С визгом и криком они, как дробиками в бою, стали с размаху втыкать друг другу перья в головы. Круглые, стриженные под ноль головки обагрились кровью вперемишку с чернилами. Громкий плач, рыдания! Так и тут между парторгом и председателем сельсовета завязывалась перепалка. Какими словами они препирались я, конечно, не знаю, но, по сути, главным козырем Жерносека была руководящая роль партии. Мать парировала: «А советская власть когда образовалась, и кто ее создавал? Она народная».

Буквально на пустом месте возникла ситуация самая скверная. В райком поступил донос: председатель сельсовета не признает и всячески принижает роль партии. Мать по опыту знала цену таких доносов и очень переживала. От обиды и видимого бессилия опровергнуть заведомую ложь она умывалась слезами. В ее поддержку решительно выступили жены офицеров соседней воинской части, члены партии, входившие в партийную организацию нашего колхоза, секретарем которой в то время была опять же моя мать. Вызвали в райком. Перед заседанием райкомовские женщины успокаивали ее как могли. Как председатель сельсовета в районе она была на хорошем счету, за что даже получила в виде премии пальто и шапку-ушанку, чтобы, по мысли дарителей, она могла потеплее одеться в зимних поездках по вызову в район. А это был путь в 45 км по глухому безлюдному зимнику. На заседании вопрос был поставлен ребром. Призванный свидетелем

председатель колхоза Нехайчик твердо заявил: «Этого не было». На том дело и кончилось. Жерносека убрали, прислали нового, но все это происходило без меня, я был уже в армии.

К нашему прибытию в колхозе обрабатывалось не более 300 га пахотной земли. Постоянно в колхозе находились выделенные из МТС (базировалось в Иннокентьевке) три колесных трактора СТЗ-ХТЗ, один гусеничный трактор СТЗ-НАТИ, прототип послевоенного дизельного ДТ, и два комбайна. Ежегодно пахотный клин пополнялся подъемом некоторого количества целины. Приусадебный надел по уставу здесь составлял 75 соток. Фактически огороды были площадью не менее 1 га. Половина участка засевалась картофелем, вторая половина – тыквой на корм скоту. Хватало площади и на лук, огурцы, помидоры, дыни и арбузы. В хозяйстве можно было иметь две коровы, телят до 2-3-летнего возраста, пару свиней и др. Но у нас пока была одна корова, полученная взамен сданной. Овец отцу пришлось отдать в колхоз для обзаведения другим хозяйством.

К нашему приезду готовыми оказались только два дома. В них поселились Пимкины и наш Володя с дедом и бабкой. А нас сначала пристроили в колхозном амбаре, а потом в школе. Дома для нас и Барановых были построены уже под самую осень из выловленной на Буре плавниковой лиственницы. Наш был по жребию последним и оказался лучшим. За досками и тесом отец и старожил Корчевой ездили в леспромхоз в верховья Буреи и благополучно сплавили их в плоту до нашей протоки. Пиломатериала хватило и для устройства помостов для сушки зерна у колхозных амбаров. Крылись дома дранкой, для чего метровые поленья прямослойной лиственницы раскалывались на тонкие пластины. Такая крыша обеспечивала хороший сток воды по естественным желобкам сколотой поверхности дранок и была довольно легкой. Бараниха устроила скандал, орала и требовала крыть ее дом непременно тесом. Она слыхала нечто о престижности тесовой крыши, но в местных условиях не струганый тес

из лиственницы толщиной не менее 25 мм был тяжел и вскоре стал порастать мхом.

Наш дом был поставлен на дальнем краю деревни по склону небольшого всхолмления, заметно возвышавшегося над остальной деревней. Под огород был распахан целинный участок с кустарником и молодым леском, после чего с пашни долго пришлось выбирать множество корневищ и пеньков. Вдоль по краю огорода пролегла падь, пологая лощина, поросшая мелкоколесьем и кустарником. В этой пади запросто водились фазаны. Иногда они прилетали сюда на ночь. Вот отец колет дрова и видит, как от пади летит фазан и садится на край недостроенного сруба сеней. Отец начинает носить дрова в избу, ходит мимо фазана, фазан сидит. Ладно. Перетаскав дрова, отец подставил табурет и встал на него, намереваясь взять фазана голыми руками. Но тот у него из-под рук – ффррь.

На новом месте мне пришлось испытать, говоря современным языком, настоящий информационный голод. Оказалось, здесь невозможно добыть никакой литературы для чтения, кроме газет – одной газеты, которая поступала в правление колхоза вместе с другой почтой. Несколько скрасил мое уныние солидный том Иосифа Виссарионовича Сталина «Вопросы ленинизма». Наверно я стащил его из колхозного правления, где он завалился неизвестно как и зачем. А кто бы его там стал читать? А я от безысходности прочитал его полностью и, кажется, не единожды. Особенно увлекал меня егоopus «О диалектическом и историческом материализме», хотя и не думаю, чтобы тогда я мог серьезно вникнуть в его суть.

Не миновало меня и увлечение рыбной ловлей. И прежде с моим дружкой Васей Пимкиным мы днями пропадали на нашей родной речке Ранове. У нас было по два «колышка». Это действительно были колышки с привязанными прочными лесками длиной метра два, с крючком на конце и грузилом из гайки. Такой колышек с живцом на крючке втыкался у берега как можно незаметнее для

посторонних. К утру на один из двух таких колышков обычно попадалась одна рыбина, голавль или судак. Но основной забавой у нас была ловля на удочку всякой мелочи, окуньков, плотвичек. На новом месте снасть была посolidнее, перемет крючков на 20-30. Напарником у меня оказался Василь Кишинский, при семье которого мы некоторое время питались, временно проживая по соседству в школе. Первоначально мы ставили свои переметы на протяженном речном заливе, называвшемся «рукавом». Для наживки ловили корзиной небольших вьюнов в болотистых озерах. Ранним утром до восхода, бывало, бежим на рукав по августовской росе, временами останавливаясь на сухом пятачке отогреть зашедшие от холоднющей росы ноги. На перемет попадались сомы, реже касатки и щуки до 5–10 штук за улов. Однако амурские сомы не бывают такими большими, как в европейских реках. Средняя величина этих сомов редко бывает больше 0,7-0,8 м. Для проверки переметов у нас был плот, сколоченный из двух тополиных бревен, и чтобы не упустить рыбу при выемке, требовалась острога. В следующем году наш Витя поймал на протоке хорошую лодку, которую снесло во время паводка откуда-то сверху по реке, и мы перенесли свой промысел на протоку – одно из разветвлений р. Буреи. Там дело пошло еще уловистей. Утром попадалось по 12-15 рыб, вечером поменьше, до 5-7 штук. Но в это лето уже требовалось выходить на колхозную работу.

Между тем подошел и школьный сезон. Для Вити это было просто, 4-й класс был в местной деревенской школе. Мне же нужно было идти в 7-й класс, а 7-летка находилась в Иннокентьевке, в 28 км от нашей деревни. Там при школе был интернат, в который принимались школьники из окрестных деревень. Интернат помещался в сравнительно большом доме, разделенном на две половины. В одной половине в общей комнате жили мальчики. Вторая половина делилась на комнату для девочек и кухню со столовой. Нас мальчиков было душ 14, девочек примерно вполонину меньше. Среди нас были сироты, две пары по брату с сестрой и

одиноким мальчик. Их содержание обеспечивалось государством, для чего при школе имелось подсобное хозяйство с наемными работниками. За семейных детей родители поставляли натурой определенное количество картошки, мяса и может быть еще чего-то. Хлеб был свой и доставлялся из дома с оказией не менее чем на неделю. Кормили хорошо, вволю. Кухарка жила в комнате в отделении девочек. Она варила великолепные борщи, и только там я стал настоящим едоком, а до этого был малоежкой.

Обстановка в общежитии была самая спартанская: в центре большой раздвижной стол, за которым свободно усаживалась вся братва, табуретки, вдоль стен железные кровати с соломенными матрасами, байковые одеяла. Постельное белье свое. Для занятий – простор. Но, уроки уроками, а и потехе час. Потешались повсякому. Например, наганы. В Иннокентьевке располагалась МТС. Сюда на зиму собирались трактористы для ремонта своей техники. Там мы добывали медные питательные трубки от бензопроводов к мотору и баббит, сплав для заливки подшипников в тракторных моторах, и из этих заготовок отливали наганы-поджигалки. Начиненный серой от спичечных головок он мог хорошо выстрелить. Однажды «хороший выстрел» разорвал в руках стрелка верхнюю часть рукояти. К счастью, дело кончилось большим синяком на внутренней стороне ладони. На стрельбище здешнего погранотряда среди всякой всячины мы подобрали снарядик, кажется, от 45 мм пушки и в общем собрании за столом сумели извлечь из него запал. Запал разборке не поддавался. Начали расковыривать. К нашему счастью капсуль запала, видимо, был подмочен и он не взорвался. Крошки от него горели неспешно и красиво под склонившимися над столом «исследователями». В конце испытания из гильзы высыпался сухой белый порошок. Пламя вспышки отшатнуло нас от стола, едва не обжегши глаза наши. А сам снаряд, сколько ни жгли на костре, подорвать не смогли.

Иногда ходили в лес и на заячьих тропах ставили петли из обожженной мягкой проволоки, но ни одного зайца мы так и не

поймали. Посещение родного дома было не простой задачей. 28 км не 5 и даже не 10 км, но иногда мы решались и на это путешествие. Зимой на это можно было отважиться только в сопровождении попутных подвод, возвращавшихся из Архары или Иннокентьевки. Большую часть пути нужно было бежать за санями, чтобы не замерзнуть. Проехать можно было, только хорошо разогревшись бегом.

В летние каникулы кроме рыбалки почти сразу надо было работать в колхозе. Первоначально в основном на сенокосе. Мы, ребяташки, подвозили копна, которые мужики складывали в стога. К одному гужу хомута была привязана веревка с шестом. Шест подтыкался под копну, свободный конец веревки окружал копну по основанию и привязывался ко второму гужу – поехали. Работа не тяжелая, но целый день. А у меня еще лошадь невзрачная монголка, но норовистая. Однажды она меня здорово цапнула в правое плечо. По второму году на тракторном прицепе было много труднее, в особенности на целине. Однолемешный плуг-кустарь с шириной борозды около 0,5 м нужно было на ходу регулировать по глубине специальным рычагом, стоя на раме задом к трактору. Устойчивость обеспечивается только ухватом рук за рычаг. Особенно тяжело приходилось опускать рычаг, чтобы не дать лемеху слишком заглубиться. Повиснешь на нем всем телом, а вес-то небольшой. Первые дни все нетренированные мускулы болели, особенно брюшной пресс, потом обошлось. Однажды подмятая под трактор березка потолще моей руки вывернулась из-под него пружиной и ударила меня по затылку так, что и не знаю, как я устоял на перекладине рамы, уцепившись за рычаг, и не упал под плуг. К концу сезона из МТС поступил новый плантажный плуг, заменивший разболтанный и тяжелый в работе старый. Этот регулировался по глубине и углу наклона лемеха двумя крупными винтами посредством маховиков в виде небольших рулей.

Но это была уже война. О войне я узнал, вернувшись утром с большим уловом, еле донес. Дома меня встретила заплаканная

мать с Витей – ВОЙНА! Наивный до идиотизма я хорохорился: «Ну, мы им теперь дадим! Да и рабочий класс будет за нас!» В чем-то похожей была реакция Толи. Он рассказывал, как их, комсомольцев, собрали при школе в г. Рязске, чтобы отправить на границу строить укрепления. Молодые патриоты были полны энтузиазма немедленно, сейчас построить такие укрепления, что никакой враг не пройдет. Ни до какой границы они не добрались. Враг уже давно миновал Минск и рвался к двинско-днепровскому рубежу. Колонна добровольцев какое-то время еще продвигалась пешим порядком к неизвестной передовой. Однажды они наблюдали, как группа немецких истребителей гонялась за нашим одиночным и сбила его. Летчик выбросился с парашютом, и ребята побежали к месту его приземления, но не добежав услышали выстрел. Видимо, летчик неверно оценил обстановку и застрелился из опасения попасть в плен. Наконец, на толпу подростков (Толе шел 17-й год) обратило внимание какое-то войсковое командование. Их построили и отобрали некоторое количество более рослых и физически крепких. Остальным приказали уходить отсюда как можно скорее и дальше. «Отступление» новоявленной дружины происходило стихийно. Теперь я думаю, что каким-то чудом они не попали в один из тех котлов, которые немцы так успешно устраивали в этот период войны. Вдвоем со своим другом из соседней деревни Осиновки (к сожалению, не знаю его имени) они оказались в Дорогобуже. На забитой составами станции выгружался воинский эшелон. Оголодавшие ребята подошли попросить какой-нибудь еды. Молодой лейтенантик высокомерно ответил:

– Чего вы тут побираетесь? Вот Горький по Руси ходил и нигде не просил!

– Не просил? Значит воровал!

(Между прочим, один случай такого воровства описан в его рассказе «Проходимец».) Но тут подошел военный постарше и резко осадил «моралиста»: «Дурак ты! Не видишь – у ребят

в чем душа?» Хлебом ребят он снабдил и приказал: «Уходите отсюда подальше от станции и от самого города немедленно. Видите, вся станция переполнена составами с людьми и техникой. С минуты на минуту сюда должны налететь немецкие бомбардировщики». Толя говорил: «Далеко отойти мы не успели, а над станцией уже кружили пикировщики, и вся станционная территория пылала в огне бомбового удара». Дальнейшее путешествие беглецов к дому на поездах различного назначения описано и в литературе о войне, и представлено в кино. Свой родной Рязск они чуть не проспали в каком-то товарном вагоне. Выглянули:

- Да это же наш Рязск!
- Да вроде нет, что ты.
- Да Рязск! Соскакиваем!

Хорошо еще все это происходило летом. По-настоящему Толя был призван в армию уже в 1942 г. в возрасте 18 лет.

Война сразу и на все наложила свою лапу. Вместо спичек появились кресала. Трудяга ударял кресалом о камень с приговором: «Сталин, Сталин. Дай огня!» Курящие страдали без махорки – в тех местах на востоке не сажали табак, как это было принято в западных областях. Но уже в 1942 г. откуда-то появился посадочный материал, и к осени у нас этого добра было вволю. Резко проявилась нехватка в разного рода одежде и обуви. Что-то выменивалось на продукты. Но у кого в наших краях можно было найти что-то на обмен? Я помню только одни туфли, выменянные у солдата из соседней воинской части. Вместо рубах летом с успехом носились рубашки от солдатского нижнего белья. Верхней одеждой для всех нас служил ватник, телогрейка – наследие Первой мировой войны. Оно хоть и ватник, но морозец под 40° и ниже заметно пощипывал спину при малейшем застое. Шарфов не полагалось. По какой-то оказии мать как передового председателя сельсовета премировали разрешением купить женское пальто и шапку-ушанку. Пальтецо с небольшим воротничком для зимней поездки в район было хлипковато, но под тулупом годилось, а шапка досталась мне.

По соседству между Скобельцино и Украинкой располагалась воинская часть – отдельный пулеметно-артиллерийский батальон и саперный батальон. Первый предназначался для обороны участка при впадении р. Буреи в р. Амур, второй строил укрепления и казармы для первого. Были построены три солидных ДОТа с пушечно-пулеметным вооружением и автономным дизельным электрогенератором, капитальная постройка с казармой, столовой и клубом, две срубных постройки на два подъезда для начсостава и несколько казарменных строений, больше похожих на временки, обмазанные чуть ли не глиной. После в окрестностях, в том числе вокруг Украинки, понатыкали порядочное количество пулеметных точек из железобетонных блоков, по качеству довольно невзрачных. Впоследствии все они постепенно и как-то незаметно были частично разобраны и брошены. На месте военного городка обосновался поселок Северный, куда переместился колхозный или муниципальный центр из Украинки. «Вновь я посетил тот уголок земли» в 2000 г. Украинка имела все признаки вымирающей деревни, но Северный еще теплился.

С этой воинской частью и нашим колхозом существовала некоторая связь. Приезжала группа солдатской самодеятельности с постановками разных интермедий, на наш взгляд, очень не плохих. Непостижимым образом на службе здесь оказались наши деревенские – Ванька Пимкин и Колька Бобров Ухач. Колька был связистом, и они во главе со своим взводным иногда выходили «на линию» для проверки связи, вероятно, мнимую. Важно было хотя бы на время вырваться из казармы и подкормиться в это голодное время. На ночлег они всегда останавливались у нас. Ваньку постоянно отпускали в уборочную работать в колхозе комбайнером. Пожилой солдат отпускался учить мою мать ухаживать за пчелами. Ей пришлось принять под опеку осиротевшую пасеку. После войны под ее присмотром у дома было поставлено два улья, дававших до 80-90 кг меда на улей. С маршевыми командами на войну убывали кадровые солдаты. На замену прибывало неполноценное пополнение,

в основном из азербайджанцев, плохо или совсем не говоривших по-русски. Особенно тяжело пришлось им в зиму 1942 г. Непривычные к холоду дальневосточных морозов они мерзли, как мухи. В этот год солдат обули в массивные английские ботинки с толстой подошвой и железными подковками – Черчилль выполнял свое обещание о поставках 2-3 млн пар ботинок для нашей армии. Никаких валенок не полагалось.

В феврале 1942 г. был призван отец, и я провожал его в Архаре на поезд. Он попал в дивизию, которая вновь формировалась где-то под Благовещенском. Там они получали ускоренную военную подготовку. Личный состав тоже был укомплектован наполовину азербайджанцами. В большинстве они не понимали русского языка или спекулировали на этом. Их прикрепляли каждого к русскому солдату и, как говорил отец, иногда приходилось учить кулаком. А на фронте обстановка складывалась критическая – немецкая армия неудержимо рвалась на Сталинград и Кавказ. В начале августа дивизия сходу была брошена в бой с форсированием Дона в направлении г. Серафимович. Как я понял из рассказов отца, дивизия вводилась в сражение разрозненно по мере подхода частей к фронту. В конце концов, изолированная группа бойцов была остановлена огнем из стрелкового оружия и закрепилась под склоном коренного берега перед окраинными домами города с садами и огородами. Никакой связи с другими подразделениями хотя бы в пределах видимости группа не имела. Тут к ним от реки на изволок приближается солдат, знакомый отцу как бывший конюх в архаринском райвоенкомате. В нижнем белье (верхнее обмундирование потеряно при форсировании реки «на подручных средствах») он волочит винтовку за ремень прикладом по земле и ругается:

– Мы их! Сейчас!

– Не ходи туда! Там стреляют! Иди к нам!

– Да ну! Мы их! ... И сел от пули в живот: «Ой! Ой!»

Отец:

– Ну что ж ты, твою мать! Тебе же было сказано – не ходи туда!

Откуда-то к их группе пришел незнакомый лейтенант и заявил, что сейчас начнется штурм. Будьте наготове. Затем, по какому-то признаку определив время, без всякой подготовки приказывает: «В атаку! Вперед!» Группа рванулась и тут же залегла под сосредоточенным огнем. Вскоре начался минометный обстрел. Крупный осколок разворотил отцу ступню правой ноги и застрял в ней вместе с кусками подошвы и портянки. Эвакуация, госпитали, и очутился он под Казанью в военном хозяйстве (вроде совхоза) охранником на пару с таким же казаком без одной руки. И продержали их там до 1946 г., хотя по всем статьям должны были бы отпустить по домам сразу после излечения по-чистой. На фронте отец продержался чуть больше месяца и потом хорохорился:

– Если бы нам хоть чуток подсобили, мы бы тогда город взяли.

– Да брось ты, отец! Немец был еще в полной силе, и вами просто затыкали дыры во фронте и бросали в бой не сомкнутым кулаком, а растопыренными пальцами.

Справедливости ради стоит сказать, что город Серафимович тогда был отвоеван со значительным плацдармом, сыгравшим важную роль в наступательных боях на Дону зимой 1942–1943 гг.

В 1943 г. я работал прицепщиком на обычных плугах при тракторе СТЗ-НАТИ. В прицеп входило два плуга, 4- и 3-лемешные. При пахоте по чистому жнивью можно было сидеть рядом с трактористом и веревкой дергать рычаги для подъема или опускания лемехов в конце и начале загона. Чаше приходилось пахать по рассеянной комбайном неубранной соломе. Солома постоянно забивалась между плужными корпусами. Приходилось, угнездившись сверху на плужной раме, успевать проталкивать колом соломенные заторы. На одном бы плуге ничего, а их было два. Приходилось то и дело перебежать с одного на другой и обратно. Потом как-то меня перевели в учетчики. Нужно было с саженью обойти четыре трактора и замерить в гектарах их работу за

день. Ну, это легко, геометрию я знал. Между делом приходилось отвозить зерно от комбайнов. Это сейчас к комбайну подъезжает машина и в нее из бункера пересыпается зерно. Тогда сбоку комбайна был устроен полоч, на нем стояла девка, наполняла мешки, завязывала и составляла их на полоч. Подъезжала подвода, мешки перегружались на телегу и отвозились на зерновой двор. Я наловчился без чрезмерного усилия брать мешок на живот и относить на телегу. Ночью мы ватагой направлялись на бахчу. Там на целине созревали великолепные арбузы, и мы обедались ими.

Делу время, но надо было и учебу продолжать. Начало учебного года было отложено до октября – уборка. А учиться надо было устраиваться в Архаре, за 70 км от дома. Только там была 10-летка, даже две: поселковая и железнодорожная. Никакого интерната там не было. Для моего устройства нужно было подыскать частную квартиру, угол. Первой моей хозяйкой была молодая женщина с сыном, учеником 2-го класса. Проводив призванного в армию мужа, бывшего районным начфином, она успела «залететь», как я понял из нескромных разговоров с заходившими к ней подружками. Я ютился на полу у порога, но не унывал. Мать вскоре заметила мое незавидное положение и приняла энергичные меры по поиску более подходящего места. Место нашлось неподалеку. Хозяин из чугуевских хохлов по фамилии Заяц работал кузнецом на электростанции и был несколько мрачноватым, но вполне добродушным человеком. Хозяйка же, Зайчиха, была женщиной добрейшей души, и я вскоре был принят почти как дома. У них был сын года на четыре моложе меня, и у нас установились дружеские отношения. Кормился я довольно, вместе с хозяевами из одного котла, а продукты на мой счет доставлялись из деревни в договорном количестве. Мать назначили председателем сельсовета, и в качестве советского служащего ей полагалась хлебная карточка, и я отоваривал эту карточку в Архаре, выстаивая в очередях.

Учиться в 8 классе меня определили в железнодорожную школу. Она помещалась в новом, специально построенном двух-

этажном здании и отличалась от поселковой также лучшим подбором учителей. Как раз в этом же году сюда были присланы три молодые учительницы. Отлично образованные, они явно внесли свежую струю в жизнь школы. К сожалению, по имени помню только учительницу истории Валентину Ивановну Трунову. Она много способствовала моему увлечению историей. По ее заданию я готовил доклады по некоторым темам. Хорошо помню, что для одного из докладов в районной библиотеке оказались и Тарле «Наполеон», и Клаузевиц «1812 год», которые я попытался освоить в меру своих способностей. Очень хорошо преподавала свой предмет учительница английского языка. И я много обязан ей тем, что и через 20 лет, будучи студентом МГУ, что-то еще мог лепетать по-английски. Но, пожалуй, самой яркой была преподавательница русского языка и литературы, прибывшая из Ленинграда. Живая и непосредственная в обращении, она втягивала нас в различные театральные действия и постановки. К сожалению, на следующий год ее забрали от нас в Хабаровск, в краевое управление по образованию.

Математику преподавали директор школы и его жена в логически строгом и, можно сказать, прозрачном стиле. Прежде такой ясности в усвоении предмета я не ощущал, но тут у меня возникло некоторое взаимонепонимание с преподавательницей. Она непременно требовала отвечать правила строго по учебнику, слово в слово. Для меня это было бы совсем не трудно, но я считал это зубрежкой и упрямо всегда излагал правила своими словами и неизменно получал заниженную оценку. А тут еще таблицы логарифмов пошли. Табельными для школы были четырехзначные таблицы Брадиса. У меня же откуда-то взялся томик с пятизначными таблицами (не помню автора). Мне казалось – какая разница? Но она требовала: Брадис, и никаких гвоздей! А я упрямо продолжал пользоваться пятизначными и тоже ценой снижения балла. Помню, на заключительной контрольной по математике по окончании 9-го класса отводилось три часа. Менее чем за час я

решил оба варианта задач, написал полные решения (листы бумаги для черновиков тогда не нумеровались), пустил их по рядам – этого все от меня ждали, и оформил в нормальном виде свою работу. Увидела:

– Ну. Комаров наверно уже решил.

– Да.

– Можешь идти.

Все остальные пыхтели до конца. Но «отлично» за год все равно мне не поставила, и я впервые после 5-го класса не получил похвальную грамоту. Таковую получила одна старательная девочка, хотя я и теперь знаю, что в этом деле «супротив меня она была все равно, что плотник супротив столяра».

В занятиях по литературе кроме школьного курса я испытал сильное увлечение Лермонтовым. А по школьному курсу запомнились горячие споры по «Поднятой целине» Шолохова. Главное: троцкист был Нагульнов или не троцкист? Он же выступал против самого Сталина! Мы не понимали. Великий художник Шолохов изобразил романтика, мечтателя, всей силою души ожидающего мировую революцию. А со Сталиным он не мог согласиться за то, что тот несправедливо обозвал его «декретным чиновником» и особенно обидным званием – «АВТОРОМ этих искривлений». Это я, пламенный революционер Макар Нагульнов – АВТОР? Чем-то это перекликается с эпизодом из первой ссылки Лермонтова. Комендант Мартынов укорял поэта, прибывшего откланяться по отбытии на Кавказ: «Что это вы вздумали писать стихи? Ваше ли дело писать стихи! Для этого есть поэты, АВТОРЫ, писатели, а вы такой же благородный человек, как и я».

Отношения со сверстниками в школе у меня сразу установились дружеские, и я на равных участвовал во всех ребячьих предприятиях и проделках. В некоторых случаях меня предостерегали: «Сюда ты не лезь!» Я действительно был не настолько боек и умел, чтобы наравне с друзьями влипнуть во что-нибудь на

границы флора. Особенно дружен я был с Мишей Пикуло. В местном Осовиахиме он мог взять две малокалиберные винтовки с патронами, с которыми мы ходили на охоту. Выше по реке Архару, на большом поле колхоза с. Аркадьевки осталось несжатое поле овса. Туда прилетали стаи тетеревов, буквально сотни, и мы их постреливали. Но подобраться к ним было трудно. Они садились на середине ровного поля, а наша винтовка была не дальше 50 м. По первому времени негромкие хлопки малокалиберки не очень пугали птиц, и можно было выстрелить до трех раз, но вскоре от первого же выстрела они стали взлетать с места. Но без добычи мы не возвращались. Миша был на год старше и уже в начале зимы 1943 г. был призван в армию.

Раза два за учебный сезон можно было побывать дома в своей деревне. Путь в Архару на подводах через Иннокентьевку редко удавалось преодолеть за один день. Ночевали в пути, не доезжая до Архары километров за 20. Зимой на санях ехали по прямому зимнику, проложенному еще до революции. Расстояние по зимнику считалось равным 45 км. Лесной участок дороги переходил в ровную болотистую низину шириной не менее 12 км и неоглядной ширью в обе стороны. Теперь здесь Хинганский заповедник для охраны гнездовий японских журавлей и аистов. За низиной начинался подъем на протяженное вдоль нее возвышение Хребтик. Километров за 10 до Архары в лесной деревеньке Антоновке всегда останавливались у деда Бабичука. Здесь обычно угощались свежесваренной горячей картошкой, пили чай с медом и салом, отогревались. Не раз пришлось мне пройти этой дорогой и пешком в одиночку, в том числе и зимой. Однажды именно в зимнее время по пути от Антоновки на подходе к Хребтику я заметил, что за мною следует волк. Не скажу, чтобы сильно, но я насторожился. Достал свой перочинный ножичек, разложил оба лезвия – посмотрим! На спуске с Хребтика в долину волк отстал. Дальневосточные волки помельче среднерусских и не такие агрессивные, дичи хватает.

Однажды я оказался в ситуации, близкой к критической. В солдатской шинели и кирзовых сапогах я пустился в путь на ночь глядя. Солнце садилось, когда я начал спускаться с Хребтика в долину. «Стужа злее на ночь», но долину я преодолел благополучно. Уже на последнем лесном участке пути я заметил – устаю и уже не согреваюсь движением. Даже бег меня не согревает, заметно мерзну. Наконец, дома не могу открыть негнущимися руками забухшую дверь. Услышав мою возню, мать пинком распахивает ее. Смотрит с недоумением. Солдат. Да много тут их всяких ходит! А я «мама» сказать не могу. Потом – ой! Вместе с отцом срочно стащили с меня сапоги с примерзшими портянками и стали оттирать уже побелевшие ступни ног. Думаю, через полчаса дело кончилось бы серьезным обморожением.

В 1943 г. к началу нового учебного года наш 10 класс стал практически девичьим. Нас, 17-летних парней оставалось только трое: Сережа Сегренев, Гриша Маричевский и я (мне 17 лет исполнилось 20 ноября). Обстановка была тревожной, и мы не столько думали об учебе, сколько о войне и фронте. И фронт не замедлил призвать нас в свои ряды. К 20 ноября мы все трое и Витя Сазонов из 9-го класса получили повестки явиться в военкомат, «с вещами на парад». В военкомате собралась команда человек в 40. Получился перебор, один лишний. Вызвали Витю Сазонова и предложили остаться – у него оставалась мать с несколькими малолетними детьми. Витя отказался. Вызвали меня – ты хорошо учишься, вот и учись. Отказался. На фронт! И в тот же день уже темной ночью нас поездом доставили на ст. Шимановская в запасной полк. В полку на нас, новоприбывших, набросилась неорганизованная группа солдат-старожилов в надежде разжиться у нас какими-нибудь продуктами. У меня в запасе было три или четыре хлебца домашней выпечки, и я тут же раздал их «нуждающимся», немедленно сам оказавшись таким же. Тогда вся тыловая армия питалась по 3-й полуголодной норме, разбавленной неизбежным воровством, не известно на каком этапе прохождения пайка до солдата.

На другой день баня, стрижка под ноль и обмундировка. Вышли из бани – друг друга не узнаем. Да еще и одели нас, как дезертиров Первой мировой войны. Это были какие-то обноски, латаные-перелатанные. Унтера швыряли в нас, что у них было под рукой, и прогоняли дальше. Мне досталась латаная шинель с оборванными неровными полами до колен. Сукнецо ее просвечивало на свет как решето. Брюки попались командирские из синего сукна с кантами. Они скоро начали расползаться в разных местах от ветхости, и я не успевал сшивать дыры через край разрывов. Единственно удачной оказалась суконная гимнастерка с отложным воротником – по форме теперь полагались воротнички стоячие, но это никого не волновало. Ботинки были сделаны из старой кожи, а верх из кирзы от старых сапог. Все это подбивалось тоненькой подошвой из какой-то неведомой пластмассы. Форменные трикотажные обмотки длиной 2,5 м заменяли полоски, сшитые из кусков старого шинельного сукна. Довершали все старые стиранные ватные буденовки, для дальневосточных морозов негодные. Рукавиц не полагалось, а свои у меня вскоре украли. Поясной ремень я сохранил свой. В таком обмундировании мы должны были проходить солдатскую науку зимой 1943–1944 гг.

Запасной полк – это что-то вроде накопителя солдатской массы для строевых частей. Недели две нас гоняли на разные работы, главным образом на разгрузку вагонов с лесом, иногда с углем. Тогда я заметил странную вещь. Основная масса пополнения тогда поступила из Горьковской (Нижегородской) области. Горьковские заметно отставали в физическом развитии от нашей дальневосточной группы. Низкорослые и слабосильные, они с трудом справлялись с работой по разгрузке вагонов. Там, где мы вдвоем брали и несли бревно, они копошились чуть ли не вдесятером. То же самое я наблюдал и немного позже, когда мне пришлось служить вместе с вятскими ребятами. Позже я объяснил это плохим питанием основного населения наших западных областей, где в колхозах на трудодни если чего выдавали, то самый

мизер. Мой друг Володя Кривов из Чернского района Тульской области в 1946 г. вырос на 12 см. Сказался переход на питание по более «сбалансированной» по калорийности 1-й норме. Вообще-то мы, 17-летние, все еще должны были расти, но я в солдатах прибавил в росте всего 2 см.

Вскоре нашу группу в полном составе перевели в 22-ю окружную школу снайперов – мы были призваны со школьной скамьи, а потому считались грамотными. Она располагалась в военном городке Падь Моховая, что в 10 км от Благовещенска по железной дороге в сторону основной Амурской магистрали. Военный городок был построен до войны с претензией на обустройство армейского быта по последнему слову техники своего времени. Центр городка составляли два четырехэтажных капитальных корпуса под казармы и двухэтажного бытового корпуса. В каждой казарме размещалось восемь рот, по две роты на этаже, а всего 16 рот, объединявшиеся в четыре батальона. Так называемый бытовой корпус делился на две равные половины. В одной половине внизу была столовая, наверху – фабрика-кухня; во второй половине внизу – зрительный зал со сценой, наверху – библиотека-читальня. В подвале – котельная, которая должна была отапливать весь комплекс вместе с казармами и обеспечивать тепло для приготовления пищи. Кухня была оборудована специальными котлами из нержавеющей стали, нагревавшимися паром от кочегарки. За домами офицерского состава была еще и хорошо оборудованная собственная пекарня. Бытовые удобства – на дворе в значительно удаленных сооружениях типичной архитектуры из тесовых досок, по одному на корпус.

«За сто сажен с чердака
За нуждой бегу известной».

Описываю подробно потому, что ничего подобного больше нигде я не встречал, хотя пришлось побывать в гарнизонах самого разного типа и ранга. Говорили, что в Пади Моховой до войны стояла кавалерийская дивизия. Конюшни здесь действительно

были, но пустовали за ненадобностью. По солдатской молве, дивизией командовал Рокоссовский – вероятно, легенда. Впрочем, и в легенде часто кроется истина, а Рокоссовский в Великой войне сам был легендой.

Однако описанные роскошества нас мало касались. За недостатком топлива казармы не отапливались, и просторные помещения с высокими потолками всю зиму обогревались «народом». Потолок коридора от входа в собственно казарму с помещениями по сторонам (умывальная, каптерка, канцелярия, ленинская комната) был покрыт толстым слоем инея. Топлива едва хватало на корпус с кухней, и нас нередко после занятий со стрельбища гоняли на сопки ломать на дрова сушняк в лесной поросли. Вязанки мы связывали обмотками и сваливали их у котельной. Спать для тепла мы устраивались парами на тесно сдвинутых соломенных матрасах и укрывались с головой двумя жиденькими байковыми одеялами и шинелями. В клуб нас иногда водили строем смотреть кино. Один раз у нас выступал знаменитый экстрасенс Вольф Мессинг. Его «фокусы», если можно назвать фокусами показанные им номера, граничили с фантастикой и вызывали изумление. Много позже, вспоминая Мессинга, я удивлялся, как он попал в этот отдаленный гарнизон и что его сюда занесло, чтобы выступать в аудитории, в основном состоявшей из рядовых солдат? Однажды показали самодеятельность. Запомнился умелец, жевавший зубами стекло. В библиотеку мне удалось прорваться не больше двух раз на краткое время, и я ничего положительного о ней сказать не могу. Помню только брошюру в свободном доступе, в которой по опыту первых месяцев войны с Финляндией содержались наставления о поведении и обустройстве солдата в полевых условиях, способов разжигания и поддержания костров и т.п. Уже тогда я с удивлением увидел, насколько же те солдаты были не приспособлены к действиям в поле, даже костра разжечь не умели. Более глубокое понимание неготовности нашей армии к войне в 1940 г. пришло ко мне позднее. Судорожные и спеш-

ные меры нового Наркома обороны Тимошенко по подготовке нашей армии к войне эта самая война и прервала в самом начале перестройки. Теперь, в начале 2010-х наши военные предполагают обновить и перевооружить армию на 70% к 2020 г. А кто тебе это время даст?

Снайперская школа приняла нас «в крепкие объятия». Спешно был проведен курс начальной подготовки бойца, и еще до Нового года мы приняли присягу. Занятия проводились с винтовкой общевойскового образца. Строевая подготовка, ружейные приемы, штыковой бой («Коротким коли! Длинным коли, сверху прикладом бей! Средним коли, вперед прикладом бей!» и т.п.). Было трудно – в ветхих шинелишках, без рукавиц мы отчаянно мерзли. Были обморожения, за которые карали, как за умышленное членовредительство. Некоторые не выдерживали, опускались, становились доходягами, но это никого не волновало. Мы находились под постоянным и неусыпным надзором младших командиров (старшина, помкомвзвода, командир отделения). Пристальное и неизбывное преследование тяжело давило на психику. В своем 2-м взводе я все-таки находил взаимопонимание, но меня почему-то невзлюбили старшина и помкомвзвода 3-го взвода Олейник и постоянно придирались по всякому поводу. Я сделался ершистым и ожесточенным, друзья меня не узнавали. Не раз я получал наряд вне очереди. Обычный наряд – на ночь в распоряжение дежурного по роте. Фантазия дежурного выше приказа чистить уборную не поднималась. В уборной под самое очко вздымались намерзшие сталагмиты кактусов, и их надо было долбить ломом. Но я сразу как-то догадался сообразить, что можно и уклониться от такого удовольствия. В первый раз прихожу удрученный к «полю брани», а там уже долбят. Ба! Да нас же целых восемь рот на одно такое сооружение. Всегда найдутся бедолаги, а проверять дежурный не пойдет, а и пойдет – работу увидит. Трудность заключалась только в том, чтобы избыть довольно продолжительное время на морозе. В отдалении стояли пустые

конюшни, и я пошел туда. От ветра защитился, но холод! Для костра поблизости взять было нечего, а в самих конюшнях это все было ободрано. Бегаешь, греешься. По истечении некоторого, по расчету достаточного, времени докладываешь:

– Товарищ сержант, ваше приказание выполнено.

– Ладно, можешь ложиться спать.

Можно и поспать, до подъема еще два часа, а иногда и целых три. Но тут как-то и взводный лейтенант (забыл фамилию) умерил сержантское рвение, заметив: «А чего вы к Комарову придираетесь? По политзанятиям у него отлично, стреляет хорошо. В чем дело?»

Вспоминая обстоятельства нашей службы в далекие 40-е годы, невольно сравниваешь их с условиями службы в годы 2000-е. Все выпавшие на нашу долю невзгоды (а я привел их самую малую толику) мы воспринимали как должное, само собой разумеющиеся. Теперь же мне иногда кажутся сильно преувеличенными стоны организации «Солдатских матерей» по поводу недовлетворительного содержания их сыночков на армейской службе. Что это? Слабосильный, хлипкий призывной контингент пошел в армию? В тепличных условиях солдата не вырастишь. С другой стороны, у меня вызывает чувство омерзения к той части офицерского корпуса, и довольно значительной, которая забыла о своем прямом долге и променяла его на сугубо личные, шкурные, меркантильные устремления. Мы неукоснительно соблюдали требования субординации, но по службе у нас были единые цели, и мы это сознавали. Необеспечение солдата достойным питанием и другими предметами довольствия в современных условиях мне представляется государственным преступлением, связанным с воровством. Враги народа! Давно пора бы навести в армии надлежащий порядок и восстановить здесь наказание в виде расстрела, как за предательство. Речь идет о выживании государства.

Примерно через месяц обычные винтовки после капитальной чистки и смазки были сданы на склад и нам вручили винтовки

с оптическим прицелом. Основным предметом обучения стала огневая подготовка. Она включала в себя изучение материальной части (устройство винтовки во всех деталях), элементы баллистики с таблицами траектории полета пули при разных прицелах на расстояниях от 100 до 1000 м, тренировка в прицеливании и практическая стрельба по мишени. Падь Моховая представляла собой довольно широкую долину между невысоких сопок с отрогами или распадками в обе стороны между ними. В этих распадках и были устроены стрельбища для каждой роты отдельно. Здесь проходили все занятия по огневой подготовке. Каждый взвод имел свою землянку с печкой из какой-нибудь железной бочки или еще более экзотической штуковины. Где и раздобыли таковые в свое время? В землянках можно было обогреться в перерыве, в них же проводилась и теоретическая часть обучения. Большая часть времени в обучении практики стрельбы заключалась в тренировке прицеливания без патронов. Нужно было часами лежать на огневом рубеже, прицеливаться и щелкать затвором плавным нажатием на спусковой крючок. С приходом весны это была лафа. Можно было незаметно прикорнуть щекой на прикладе на солнечном пригреве. Но затем каждый раз следовала стрельба по разным мишеням боевыми патронами, на 100, 200 и 300 м из положения лежа, на 400 м – с колена, на 600 м – стоя. В последнем случае нужно было учитывать деривацию, отклонение траектории вправо на 12 см в результате вращения пули. Несколько позже я понял значение и необходимость детального изучения оружия. Я с удивлением прочитал в одной из повестей Олеся Гончара, обиженного тем, что их вооружили винтовками, которые не стреляли. Даже если это были автоматические винтовки Симонова, АВС, не говоря уже о самозарядной винтовке Токарева, СВТ, оружие не виновато. Я полгода был вооружен СВТ и могу сказать – это была очень хорошая винтовка, по удобству и скорострельности значительно превосходившая старушку Мосина. У Олеся Гончара необученные солдаты просто не знали оружия и не умели стре-

лять. У нашего оружия, которое всегда отличалось простотой и надежностью, обученный солдат легко устранит возможную задержку и продолжит стрельбу. Запомнился эпизод на пристрелке оружия перед контрольными стрельбами. Руководил капитан, начальник огневой подготовки батальона. Применялись патроны довоенного выпуска, точнее сбалансированные по мощности заряда и весу пули, нежели патроны военного времени с жестяной гильзой вместо латунной. У одной винтовки получался разброс попаданий. Капитан стал стрелять сам – нет кучности. Для снайперской стрельбы винтовка не пригодна? Недоумевает, винтовка же хорошая, в чем дело? Разобрал, проверил зазор боевого упора с винтом Нагеля, подточил боевой упор до нужного зазора (толщина папиросной бумаги) – и винтовка стала стрелять с хорошей кучностью. Меня удивило тогда, как он тонко чувствовал оружие. Но этому в должной мере должен быть обучен и рядовой солдат.

Постепенно мы втянулись в солдатскую жизнь, нас, можно сказать, пообтесали, и армейская лямка становилась терпимой. В марте заметно потеплело, а в апреле нам выдали новое обмундирование: шинели из грубого и плотного солдатского сукна, форменные гимнастерки из американской ткани красивого, но необычного светло-бежевого цвета, брюки обычного цвета хаки и американские ботинки. Ботинки из красной кожи с толстыми кожаными (?) подметками с металлическими подковками были добротны и красивы, но совершенно не держали влагу. Стоило пройти по росе, и ботинок был полон воды. В такие ботинки была обута вся дальневосточная армия до самого конца войны. Кажется, всего их было поставлено по ленд-лизу 12 или 13 млн пар. В новеньком с иголки одеянии нас вывели перед праздником 1 Мая в Благовещенск на уборку улиц, и нас пристально наблюдал вышедший из особнячка японский консул. Нам показывали – вон он, японский шпион. Интересно, о чем этот шпион тогда думал? Внешний вид наш уже вполне соответствовал облику молодого бойца.

Всему прекрасному приходит конец, подошел конец и нашему обучению снайперскому делу. Мы успешно отстреляли зачетные стрельбы. Как всегда у нас бывает (Крылов спрашивает: «Можно ли вместо бывает сказать бывывает?» Пушкин отвечает: «Ну почему же нет, можно сказать и бывывает»), не обошлось и без показухи. Каждая рота стремилась показать высокий уровень подготовки, и для исключения всяких случайностей в блиндаже с показчиками мишеней сидел наш старшина и в случае промаха стрелявшего делал в мишени пробоины из пистолета. Вообще-то лично я на тренировочных стрельбах не промахивался и в сложной стрельбе по движущейся мишени, но в ответственный момент может рука и дрогнуть. На этом курс обучения закончился, мы были награждены специальным значком «Снайпер» и распределены по строевым частям.

Рассеяли нас так, что потом я не встречал даже выпускников нашей школы. Уже во время военных действий в Маньчжурии на одном из переходов я встретил Гришу Маричевского. В это время он оказался в дивизионном оркестре, где играл на кларнете. Этому искусству он обучился, усердно занимаясь в музыкальном оркестре при доме культуры в Архаре. Я тогда скептически относился к его увлечению, но у него оно не пропало даром. Таких «уклонистов» от строевой службы у нас в армии называли придурками. Ну, это к слову. А попал я в отдельную стрелковую бригаду, кажется 38-ю. Отдельная, потому что не входила в состав дивизии, а непосредственно в корпус или армию. В бригаде было, как и полагается, четыре батальона и командовал ею тогда майор Шумейко, человек шумоватый, экспансивный и дерзкий, но не вредный. Бригада была расквартирована в поселке Бабстово Еврейской автономной области. Это на половине дороги от Биробиджана до поселка Ленинское на Амуре, примерно в 40 км от последнего.

Рота, в которой мне довелось служить, была укомплектована призывниками из Кировской области моего возраста (в нашем

взводе из Уржума) со значительной примесью жителей Приморья и Хабаровского края. Среди последних были и люди пожилого возраста до 1912 г.р., и 1923–1925 г.р. Самым старым у нас был помощник командира 1-го взвода из Уссурийска 1905 г.р. Командиром роты был старший лейтенант. Он отличался выправкой кадрового военного без особого налета солдафонства. Был корректен, вежлив и пользовался авторитетом у солдат. Я убедился в этом во время учений в поле, где около недели я находился в командной группе роты в качестве связного от нашего 3-го взвода. Среди взводных командиров для меня выделялся командир 1-го взвода. Иркутянин, агроном по гражданской специальности, он был призван из запаса. Младшие командиры, за редким исключением, все были из старослужащих, отслуживших, как тогда говорили, службу действительную. Все они прошли период закручивания гаек по укреплению дисциплины и введению новых требований по обучению войск в полевых условиях после назначения Наркомом обороны Тимошенко, сменившего бездарного Ворошилова. Нам, молодым солдатам, также не давали спуска, но никакой дедовщины тогда не было и в помине. Отношения в отделениях, взводах и в роте строились на принципах дружбы и товарищества без особых элементов унижения, что иногда еще встречалось в снайперской школе со стороны младших командиров.

Однажды осенью ненастной на учениях мы целый месяц бродили по лесистым сопкам и болотистым низинам и вымотались до предела. Некоторых из нас выделяли в помощь обессиленным под более тяжелым вооружением пулеметчикам и минометчикам. На меня как на «свежего» нагрузили станок пулемета «Максим», и я целый день протаскал его на горбу, иногда чуть не утопая в болотистой низине под двухпудовой тяжестью станины. Катить эту дуру за хобот на колесиках воспрещалось категорически, хотя для того они и придуманы были, да в бою иначе было и нельзя. Потом я видел уже во время военных действий в Маньчжурии катящийся по дороге целый пулемет на привязи к хвосту

«трофейного» ишака. А у солдата и своего снаряжения достаточно. Винтовка или автомат с двумя дисками, каска 1,5 кг, противогаз в сумке через плечо, на поясе лопата, фляга из толстого стекла (алюминий – дефицит), вещмешок с неким «имуществом». Индивидуальный котелок в виде штампованного из жести и луженого внутри цилиндрического ведерка на 2 л. С обязательной ложкой в придачу. Ложки отливались умельцами из алюминия по оттискам с готовых образцов. Ручки ложек обязательно оформлялись в виде женщины в натуральном естестве. К слову, звездочки на пилотки или шапки вырезались из жестянок от американских консервов. Не обходилось без несчастных случаев. После этих учений говорили, что трех солдат из соседнего батальона, спавших вместе под деревом, загрызла рысь. Этому можно поверить. Такой зверь обычно нападает сзади, с затылка. Порвет тебе станковую жилу – и будь здоров, не кашлай. Крупные учения редко обходились без каких-нибудь происшествий, которые назывались чрезвычайными.

Всю вторую половину 1944 г. до декабря мы, снайперы, находились на специально организованных в бригаде снайперских сборах, по взводу от каждого батальона. Сборы располагались у отрогов массива сопки, подступающих к поселку с севера, и существовали автономно со своей кухней. В роты мы отзывались только на время бригадных и батальонных учений с выходами в поле сроком до месяца, а на сборах занимались по своей программе, главным образом тренировкой в стрельбе, перемежаемой практическими стрельбами боевыми патронами. Этим мы были избавлены от изнуряющего казарменного быта с нескончаемыми построениями по всякому поводу и без повода и неизбывного чувства какого-то постоянного давления, угнетения, совершенно не конкретного. Обитали мы в землянках, отдельных для каждого взвода и расположенных бессистемно применительно к рельефу. Наша землянка была вкопана в склон сопки. Внутри по глухой нагорной стороне располагались нары, в наполовину открытой

стенке, обращенной в долину, было окно. На свободном пространстве перед окном стоял стол со скамьями на всю братию для занятий и приема пищи. Летом по армейскому обычаю мы должны были жить в палатках, в «лагере», устроенном на площадке вблизи землянки. Палатки составлялись из четырех плащпалаток, бывших в комплекте амуниции солдата.

Наш командир взвода на сборах был не офицер, как обычно, а старшина. Такой чести мы были удостоены покровительственному отношению командира бригады к нашему старшине. Поговаривали, что он был его любимцем. Наш командир явно гордился своим высоким положением. Это отражалось в стиле его командования, громогласном и амбициозном. При всем при том он не обременял нас ни неотступным надзором, ни бесцельной муштрой. Повседневным распорядком всецело ведали младшие командиры. Своей обязанностью наш старшина считал проведение политзанятий. Политзанятия проводились во вторник и пятницу по два часа и считались одним из важнейших предметов боевой подготовки. Старшина объявлял собранному за столом взводу: «Сегодня политзанятия. Тема – современное положение. Материал – газета. Вы люди грамотные, читайте сами, а у меня голова не парламент, всего все равно не упомнишь». И уходил. Присловье неизменно сдабривалось нужной дозой «традиционной» лексики. Нам оставалось сидеть смиренно, иногда поклевывая носом под равномерный и не очень голос чтеца.

Наступил конец и нашему пребыванию на сборах. В конце декабря прибыл незнакомый капитан в сопровождении ротного. Капитан назвал некоторые фамилии, видимо заранее намеченные, в качестве кандидатов в школу младших командиров. Ротный отрапортовал: «Возражений не имею». Так называемая школа была учебной ротой, и ее начальник, упомянутый капитан, по статусу был командиром этой роты. В предвидении неизбежно приближающегося момента открытия военных действий против Японии предусматривалось создание запаса сержантов, способных заме-

нить выбывающих в боях. И сей момент для меня начался новый круг воинской муштры. Но строгости, не в пример снайперской школе, здесь были вполне корректны, да мы уже были и втянуты в армейскую службу. Младший командный состав школы был подобран хорошо. Запомнился справедливостью и здравомыслием помкомвзвода, москвич (к сожалению, забыл фамилию). Он испытал заключение в лагере. Это казалось странным. В его облике и поведении я не замечал никаких признаков уголовщины и потому спросил:

– За что?

– За хулиганство!

Такие, как он, бойкие московские ребята могли что-нибудь и натворить. А вот у нас в роте пом. командира 2-го взвода старший сержант Ячнев сидел за жульнические махинации, будучи директором ресторана Ярославского вокзала.

Обучение включало тактические принципы действий командира отделения в обороне и наступлении, огневую подготовку с изучением всех видов стрелкового оружия и практической стрельбой, элементы топографии и ориентирования. Большое внимание уделялось физической подготовке. Практиковался чуть не ежедневно бег на 2–5 км, работа на турнике и брусьях. При регулярных занятиях на этих снарядах в свободное время освоить их было не трудно. Этого не смог усвоить Валя Дудин, вятский паренек из Уржума. Рыхлого телосложения, он не обладал настойчивостью. В результате взвод уже строился для перехода к следующему занятию, а он все не мог, как следует, подтянуться. Помкомвзвода, построив взвод, в сердцах кричал: «Ну а этот, х... с ним, пускай висит!» Наш друг, бойкий и шумоватый Касымов всегда говорил в таких случаях: «Тебя же в первом бою убьют». Накаркал. Так и случилось. Обращалось внимание и на усвоение нами «командирских» навыков. Например, нельзя было просто скомандовать: «Смирно!» Следовало грозно рыкнуть как-то вроде: «Хи-и-и-ррра!» Об этом предупреждал еще Козьма Прутков: «Что нельзя командовать шепотом, это доказано опытом».

Курс нашего обучения в школе сержантов совпал с реорганизацией бригады в дивизию. Школа располагалась по соседству со штабом дивизии. При штабе в отдельной казарме квартировала рота девушек-радисток, и наши унтера по ночам уходили в самоволку на свидания с ними. Они проделывали это аккуратно без приключений, а потому и без огласки. Законные увольнения в военное время не практиковались, а мы, рядовые солдаты, и мыслить о том не могли. Тем более близость штаба таила опасность неожиданной встречи с каким-нибудь высоким чином с непредсказуемыми последствиями. Однажды помкомвзвода обратил внимание на удрученный вид нашего Вити Заболотского, вятского солдатика щуплой комплекции. Как оказалось, Витя попытался сделать себе облегчение путем отправления естественных физиологических потребностей и потерпел лютую неудачу. Надо заметить, что уборная была устроена в два ряда очков, разделенных стенкой высотой в человеческий рост, с круговым обходом. Пожаловался: «Я зашел туда, а там полковник сидит. Я его поприветствовал, обошел вокруг и вышел оттуда к е... м...» Как мы были затюканы субординацией!

В конце марта проводились дивизионные учения с выходом в поле, и личный состав школы был откомандирован в свои «родные» роты. Небывалый случай – на учения нам выдали полушубки, латаные, но добротные, и валенки, тоже подшитые. Еще стояли морозы, и о нас проявили заботу. И, как на грех, в ночь на третий или четвертый день наших блужданий пошел дождь – тоже небывалый для этих мест. Достали из вещмешков ботинки с запасными портянками, а валенки – в вещмешок. С утра яркое весеннее солнце. Под снегом образовался слой талой воды, заливающий ботинок доверху. Мы не столько бежим, сколько бредем по целине, изображая наступление. По команде «Стой!» залегаешь на снегу в цепи «наступающих». Стараешься поднять застывшие ноги кверху, на солнышко. Вода в ботинках начинает постепенно согреваться. Но счастье длится недолго. Опять команда: «Встать! Вперед!» И с содроганием снова вступаешь в стылую воду. На ночь укрыться негде.

Но у нас еще остались почти сухие портянки после валенок. Переобулись. Костра устроить не из чего. Нашли куртину хилого лозняка, но костер из тонких сырых веток горит плохо и не согревает. Утром опять наступление. Обозначились танки. Уставшие солдаты из цепи сбиваются в колонны по танковому следу, где идти полегче, не приходится разгребать ногами снег, ставший вязким. А командиры надрываются: «В цепь! В цепь!» Ругаются связисты, сращивая порванную танками проводку. Сухих портянок больше нет, обули вчерашние выкрученные (отжатые). Не знаю, сколько времени мы так блуждали – днем вода и солнце, ночью мороз – но по нашим меркам, недолго. Под конец, уже ночью, под нас пригнали колонну автомашин ЗИС-5. Мы набивались в кузова, стоя впритирку, и ехали по морозцу приплясывая, чтобы не замерзнуть. А вот и казармы. Тепло. Спать. Заболевших не отмечено. Рассказывали, что в соседней дивизии погибло два солдата. Они забрались в скирду сена и застыли.

Наступила весна, наше обучение подходило к концу, да и война на западе явно подходила к концу. Интенсивность нашей муштровки не спадала, но какое-то облегчение в восприятии режима и подъем настроения ощущались. Чувствовалось и какое-то напряжение в общей обстановке. Дальневосточный фронт, усиленный прибывающими войсками с запада, был разделен на Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные. Главкомандующим фронтами был назначен маршал Василевский. Множились слухи, говорили о приезде в дивизию самого Василевского. Однажды близ штаба дивизии у скопления легковых машин можно было видеть среди других фигуру в темном комбинезоне, похожую на плотного по комплекции маршала.

9 мая школа в полном составе отрабатывала обычные упражнения в стрельбе на стрельбище. Видим, бежит наш солдат, оставленный в роте дневальным, и уже издали машет руками и кричит: «Победа!» Приблизившись, сообщает: «По радио объявили – победа, подписана капитуляция Германии». Ротный

приказывает раздать весь запас патронов, а показчикам мишеней из блиндажей не высовываться. Огонь из всех видов оружия! На флангах огневого рубежа два ручных пулемета, остальные с винтовками. У меня СВТ, передергивать затвор не требуется, знай нажимай на спусковой крючок. Удовольствие!

Выпуск наш прошел буднично. Всем было присвоено звание младшего сержанта с двумя полосками (лычками) на погонах. Несколько человек были удостоены звания сержанта с тремя лычками на погонах. Среди них оказался знакомый еще по снайперской школе дальневосточник Вшивков. Он действительно выделялся физической выправкой и подтянутостью. По окончании мы были направлены в свои же прежние роты своего же 2-го батальона. Вшивков получил направление в элитную, как теперь говорят, разведывательную роту дивизии. К великому сожалению, там он и погиб в одной неудачной операции, уже значительное время спустя после окончания военных действий. Мы в роте попали в положение третьих лишних. В отделении кроме командира оказалось еще два сержанта, получившие должность наводчика ручного пулемета. В отделениях вместо одного по штату теперь было два ручных пулемета, а во взводе шесть. Оружия хватало с избытком, не 41-й год, когда во всем взводе иногда и одного пулемета не бывало. Командиром отделения был Вася Тарасюк из пос. Шкотово в Приморье. Другим пулеметчиком на пару со мной в отделении оказался Витя Заболотский. Несмотря на значительную тяжесть (11,8 кг с магазином), невысокий и худенький с виду Витя никогда не отставал в походе, этим чаще страдали крупные парни плотного телосложения.

Вскоре мы покинули зимние квартиры и никогда уже в них не возвратились. С нами начались какие-то бессмысленные маневры и переходы по обширной и незаселенной приамурской равнине. Внезапно рота отдельно от батальона стала лагерем, как всегда из плащпалаток, с назначением косить траву на сено. Мы были снабжены косами. Каждый должен был скосить 0,5 га

в день. С неважно налаженными косами это было трудновато. Делянку для косьбы можно было выбирать свободно, пространства хватало. Покос нашей четверки общей площадью обычно не превышал 0,4 га на брата. Опыт колхозного учетчика-землемера помог мне запросто втереть очки нашим отцам-командирам и выдать действительное за желаемое. Сено было собрано в стога, но я и теперь задаюсь вопросом: для чего и для кого? Конной или конно-механизированной группы на нашем направлении задействовано не было, не было там и населения, способного использовать наши заготовки.

Сенная лихорадка сменилась метаниями по степи, с виду бесцельными и бессмысленными. Каждый день батальон срывался с места и после перехода по бездорожью не менее 30 км становился лагерем, который устраивался строго по уставу. Палатки ставились в линию без отклонений, передняя линейка для построений шириной 2 м, окопанная канавками, с подчищенным дерном по площадке, такая же задняя линейка для хоз. нужд, перед передней – командирская линейка шириной 4 м. Последняя предназначалась для встречи командира и отдания ему рапорта. Никто другой ступить на эту линейку не имел права. В стороне откапывались щели ломаной линией глубиной в рост – для укрытия в случае бомбежки. Утром лагерь снимался по тревоге, и все повторялось: переход – лагерь, переход – лагерь. Хотели ввести противника в заблуждение? Но такая имитация концентрации войск или чего-то другого могла быть замечена только авиаразведкой. Но японцы уже позволить себе этого не могли, сидели смирно в ожидании событий. А мы по ночам только слышали грохот составов по железной дороге от Биробиджана на Ленинское к границе. Между переходами однажды наш батальон был задействован на показательных учениях. Мы наступали на условного противника вслед за огневым валом, устроенным артиллеристами. Предварительно позицию «противника» обработала бомбами шестерка штурмовиков Ил-2. Со стороны смотреть – красиво! Не хотел бы я попасть под такой налет!

Внезапно метания прекратились. Полк в полном составе снова оказался на зимних квартирах, но в казармы допущен не был. Дислокация была определена в отдалении, на полковом стрельбище. На ровном месте сразу же развернулось бурное строительство земляного лагеря из землянок с непременно линейками по уставу. Землянка вместимостью на взвод представляла собой прямоугольный в плане котлован с надстроенными стенками из дерна и с дерновой кровлей. В преодолении «архитектурных» затруднений сказалось наличие среди нас некоторого количества солдат пожилого возраста с житейским опытом. Удивительно и теперь, каким производительным орудием может быть в умелых руках непритязательная малая саперная лопата со штыком 20x15 см и черенком 30 см. Естественно, спали мы вповалку на земляных нарах-останцах, и я почему-то не помню, была ли у нас подстилка кроме плащпалатки. Обычно в походах, устраиваясь на ночлег, на подстилку мы рвали сухую траву, а большей частью ветки дубняка (дуб там не сбрасывает листву до появления новой). Слой веток с сухой листвой отлично предохраняет от земной стужи даже в зимнее время. Но тут у нас не было под рукой ни того, ни другого. Впрочем, о комфорте тогда никто и не помышлял. Благо лето было сухое, без затяжных дождей, и мы не страдали от сырости.

Время нашего пребывания в земляном лагере – не менее 10 дней – было на удивление спокойным. Нас не дергали ни на какие учения, походы, кроссы и т.п. Кажется, нам давали отдых. Устроили показательную стрельбу из батальонных 45 мм пушек. Стреляли плохо. Прямой наводкой на 500 м первое орудие разбило метровую тумбу из дерна с первого выстрела, второе орудие все три выстрела бросило мимо. Показали работу ранцевого огнемета. Такое оружие немцы активно и небезуспешно применяли в Сталинграде, а наши в Берлине. Избави Боже попасть в такую струю огня. В один из дней нас внезапно построили и привели в расположение казарм на плац. Строевой смотр! Смотр прово-

дил какой-то строгий генерал, а генералы все строгие. Он демонстрировал неусыпную заботу о солдате и показательно орал на зам. командира полка по тылу за какую-то провинность. Повод был еще и в тучности зам. комполка и генерал рычал: «Нет у меня вострого ножика, я бы тебе сейчас брюхо так и распорол бы!» Кажется, вина зама была в том, что он попридержал выдачу нам нового обмундирования, явно уже заготовленного. Обмундирование выдали, генерал убыл, и все осталось на своих местах. Новые гимнастерки и брюки из жиденького рубчика уже через месяц интенсивной носки потеряли свой вид.

Отвлекаясь немного в сторону, стоит сказать о нашем командовании. Командира батальона нам назначили нового. Он уже повоевал на западном фронте и по излечении после ранения был направлен к нам. При нем медсестра. Она вынесла его с поля боя и теперь не отстает. Нашего командира роты повысили до зам. командира батальона, а к нам назначили какого-то капитана. Он всю войну прослужил в тыловых службах 15-й армии в Биробиджане, кажется, командиром караульной роты. Видимо его покровители предоставили ему шанс выслужиться и получить орден, а может, наоборот. Как показали дальнейшие события, у него сохранились серьезные связи в интендантстве армии. Он оказался придурковатым, в военно-тактическом отношении безграмотным и неумелым. Для нас ожидать ничего хорошего от такого назначения не приходилось. Новым был и командир взвода, нашего выдвинули на командира роты в другой батальон. По моим наблюдениям, новый молоденький взводный был подготовлен неважно, не имел никакого опыта и по настоящему командовать взводом еще не мог. Чуваш по национальности, он даже говорил по-русски не совсем правильно. Единственным надежным я считал командира 1-го взвода, иркутянина. Он обладал практическим житейским опытом и здравым рассудком.

Последний день нашего пребывания в земляном лагере проходил как-то особенно тихо, с некоторым налетом таинствен-

ности. Солдаты терялись в догадках. Вечер, 23.00, а отбоя не объявляют. Командиры все в сборе, собираются кучками, тихо переговариваются с многозначительными усмешками. 24.00 – Тревога! Объявляется начало войны с Японией. А не накладка? Японскому послу войну объявили в 17.00 по московскому времени, по дальневосточному (хабаровскому) выходило тоже 24.00. Посол шифрует наш демарш и радирует в Токио. Расшифровка, принятие решения, рассылка в войска – свое время. А мы уже маршируем! Ну, японцы и не так еще начинали. «Раздать патроны!» Снаряжаются пулеметные и автоматные диски и сколько угодно патронов россыпью. Выдается по две гранаты РГД и по одной противотанковой, еще груз на пояс в дополнение к лопате и стеклянной фляге. И вперед! Пехота! В эту войну пехота выдвигалась на передовую за 300 верст пешим порядком. Так и мы.

К этому времени Дальневосточный фронт, основательно пополненный войсками с западных фронтов, был развернут на три фронта: 1-й и 2-й Дальневосточные и Забайкальский. 1-й Дальневосточный под командованием маршала Мерецкова наступает от Владивостока на запад по осевой линии КВЖД в направлении Харбин–Гирин–Чанчунь. Забайкальский под командованием маршала Малиновского – по КВЖД с запада на восток и с монгольского выступа в направлении на Мукден. Зона ответственности 2-го Дальневосточного, командующий генерал Пуркаев, охватывает всю выступающую к северу дугу Амура, включая Хабаровск и по р. Усури до Бикина, а также Курильские острова со стороны Камчатки и Южный Сахалин с прицелом на остров Хоккайдо. Главнокомандующий – маршал Василевский.

Наша 15-я армия входит во 2-й ДВФ. Операционная линия армии от пос. Ленинское на Амуре проходит вдоль р. Сунгари на Харбин. Наша 361-я стрелковая дивизия идет по дороге вдоль правого берега р. Сунгари. На этом же направлении выдвигается 171-я танковая бригада. По левому, менее населенному берегу реки действует 34-я стрелковая дивизия. Ударную группировку

поддерживают две бригады Амурской военной флотилии, Хабаровская и Зейско-Амурская. В их составе имеются мониторы, канонерские лодки, бронекатера и некоторые другие боевые единицы. Слева от нас от Бикина в направлении городов Жаохэ и Боли наступает 5-й Отдельный стрелковый корпус. По официальной «Истории Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» переправа основных сил 15-й армии через Амур на Сунгарийском направлении началась в ночь на 10 августа. В течение ночи 361-я дивизия переправила свыше 4 тыс. человек и с утра 10 августа взяла Тунцзян, городок при впадении р. Сунгари в р. Амур. По моей памяти, события развивались несколько иначе. В первом эшелоне группировки наступали 394-й и 445-й полки нашей дивизии, которые дислоцировались в прибрежной приграничной зоне Амура. Наш 474-й стрелковый полк квартировал в с. Бабстово, примерно в 40 км от лежащего на Амуре пос. Ленинское, и по условиям дислокации действовал во втором эшелоне дивизии. До переправы выше по Амуру мы должны были пройти приблизительно еще столько же. Путь до Ленинского мы проделали за ночь, к переправе подошли под вечер и на какой-то пароходик грузились при закатном солнце. Выгружались уже в темноте 9 августа. Полки первого эшелона к тому времени, с утра 9 августа, взяли Тунцзян и выдвигались в направлении на г. Фуцзин (Фугдин) и далеко нас опередили. Никакого соприкосновения с подразделениями передовых полков с нашей стороны не замечалось. Вероятно, поправка на 10 августа в «Истории» обусловлена стремлением обойти нестыковку с началом войны де-юре и де-факто.

По тревоге собрались быстро, с воодушевлением. Со свежими силами шагали бодро. К утру прошли первый этап и повернули к переправе. Утром привал, завтрак, в полдень привал, обед – кухня с нами! Но это было последний раз, когда мы могли пользоваться ее благами. Переправлялись на закате и в наступившей ночи двинулись дальше. И тут на нас обрушился ливень. Начинался знаменитый дальневосточный тайфун. Дорога в виде

грейдера без гравийной подсыпки – суглинистый грунт. Темень непроглядная, ноги скользят в рытвинах размокшего грунта, держимся друг за друга, чтобы не потеряться. Но нас продолжали гнать вперед. Видимо, мы не дошли еще до назначенного приказом пункта, т.е. не выполнили задачу дня. Наконец: «Вправо, привал!» Командование поняло, что к исходу суток непрерывного марша солдаты начали выбиваться из сил и продолжать движение под проливным дождем вслепую уже не могли. Благодатный сон на залитой земле под промокшей, поливаемой дождем плащпалаткой. Утром – вперед! Мы уже почувствовали тяжесть снаряжения. Выбрасываю из сумки противогаз и тяжелую стеклянную флягу. В сумку кладу пулеметный диск, чтобы несколько облегчить ношу второго номера. Бабин, мой второй номер, опасается последовать моему примеру: «Заругают! Ладно! В случае чего вали на меня. Приказал!»

С утра продолжаем поход натошак. Никакой полевой кухни нет, утопает в грязи на размокшей дороге. Впрочем, буксует вся техника, шагает одна пехота. Пока не отстают два 45 мм орудия батальонного артвзвода на конной тяге. Станковый пулемет нашей роты на подводе безнадежно отстал, лошадка не артиллерийская. За кухней посылаются выпряженные из-под орудий артиллерийские кони. Бесполезно, не догнали. А обед приготовили славный, теперь можно было закупить или конфисковать у китайцев бычка или свинью. Пока вырывает НЗ, неприкосновенный запас. Он состоит из банки тушенки 338 г, сколько-то сухарей и сахара, расходуется по приказу, но съедается стихийно и, как правило, за один прием.

Удивительную для западной психологии стоическую неприхотливость нашего солдата не совсем корректно комментирует немецкий генерал: «Проблема обеспечения войск продовольствием для русского командования имеет второстепенное значение, так как русским фактически не нужно централизованного армейского снабжения. ... Русский солдат вполне удовлетворяет-

ся пригоршней проса или риса, добавляя к ним то, что дает ему природа». ... «В Красной армии органам тыла не приходится беспокоиться об обеспечении войсковых частей обмундированием, палатками, одеялами и другими предметами, столь необходимыми для солдат армий Запада. Во время наступления они могут позволить себе забыть о снабжении войск даже продовольствием, так как войска находятся “на подножном корму”» (Меллентин Ф. Танковые сражения. 1938–1945). Начальник отдела военно-исторической службы армии США: «Советский солдат, кормившийся почти исключительно тем, что мог унести с собой в вещевом мешке за плечами, ... был одним из самых неприспособленных в мире». Его же цитата из одного приказа нашего командования: «Опыт... показывает, что пехота так же нуждается в снабжении продовольствием и боеприпасами, как и артиллерия» (Земке Э. От Сталинграда до Берлина). Действительно, в походе от Фуцзина до г. Цзямусы мы довольствовались сваренным в солдатском котелке рисом, которого теперь было в изобилии. Да и в Харбине еще не было полевых кухонь, и мы пользовались трофейным продовольствием. Палатки составлялись из плащпалаток, а одеял в походном снаряжении нашего солдата никогда не было. Нам было не привыкать, и мы шагали вперед не унывая.

На одном из переходов к нам пристроился какой-то генерал-майор, как он отрекомендовался, Иванов. И он начал нам вещать: «Сейчас демобилизованный солдат приходит домой и ему уже готов новенький дом-пятистенка, дается корова и что-то другое на обзаведение хозяйством». По молодости и неопытности и верилось, и как-то не очень. С одной стороны, думалось: «Ведь так и должно быть, воины-победители возвращаются к сожженной хате и заслужили поддержки». С другой же стороны, брало и сомнение – а где все это взять? Вряд ли такими лежковерными были все, как я. А мы все идем. На третьи сутки нашего продвижения по китайской территории мы приближались к г. Фуцзину, лежащему в 120 км от границы. Оттуда подвезли и раздали японские галеты

в виде мелкого печенья в марлевых кулечках грамм по 200 и 14 леденцовых конфеток при них, похожих по форме на ягодку ежевики. Грызём эти галеты на ходу. Один солдат возмущается: «Когда же нас кормить-то будут? Мы же ничего еще не ели». А из-за города все явственнее доносятся отголоски боя, интенсивная ружейная и пулеметная стрельба. Стали подтягиваться и готовиться к бою и мы. Самовольно выбрасываем все, кажущееся нам лишним. В первую очередь побросали шинели в скатках, хомутом опоясывающие солдата. Приказ: «Сдать шинели на склад». Набросали кучу «склада». Там этими скатками было усеяно все пространство. На грузовых машинах наши девушки в форме возбужденно перекликаются:

- Трофеи не успеваем собирать!
- Трофеи японские что ли?
- Какие японские! Наши солдаты все побросали!

Бой шел за крупный укрепленный узел обороны за городом Фуцзинь. Сам город японцы оставили и отошли к военному городку и горе Вахулишань, лежащими в 6-8 км к югу от города. В оборонительную систему включались постройки военного городка, приспособленные под оборону, в предполье и на территории развитая система траншей и ходов сообщения, доты и дзоты. Трудно просматриваемые участки прикрывали металлические вышки с бронеколпаками наверху. Сидевшие в них снайперы и пулеметчики были прикованы одной рукой цепью. Территорию военного городка окружали противотанковый ров и вал. Оборону держало специальное формирование из трех батальонов. Наши солдаты говорили о смертниках. Во всяком случае, сражались они фанатично, до последнего. В историко-мемуарном очерке «Финал» (М.: Наука, 1969) говорится о штурме огромного двухэтажного дота длиной 100 м, в котором было около 10 амбразур. Лично я видел два обширных бункера длиной, по моим оценкам, до 50 м каждый. По трем углам одного из них были мощные куполообразные доты с амбразурами, у второго, не помню, все было обрушено.

Вот эти укрепления и штурмовали два передовых полка нашей дивизии без артиллерии. Потом сюда прорвались по раскисшей дороге два или три танка. Полки вошли в Фуцзинь 11 августа и сходу без всякой подготовки были брошены на штурм укрепленного городка, но атаки захлебнулись. Бесперывные атаки 12 и 13 августа, с большими потерями в личном составе, не принесли ощутимых результатов. Обстрел укреплений начал подошедший по реке монитор, имевший на вооружении трехорудийную башню (120 или 153 мм калибра?), но стрельба с закрытой позиции из-за города и с воды была неэффективна. Между тем пехота просочилась через пулеметный огонь, нащупала мертвое необстреливаемое пространство на подступах к бункерам, оседлала их и окопалась на их вершине. А тут просвет в тучах. Налетели штурмовики и ударили по своим. Не попали. Решили все просто. По изведанным путям просочившихся солдат за ночь обложили бункеры взрывчаткой и подорвали. По виду развалин мне тогда показалось, что толщина стен и перекрытий бункеров была не менее 2 м, но за точность своей оценки ручаться не могу. Ожесточение боя было велико. По словам солдат, потери в полках убитыми и ранеными достигали 70%. Окончательно сопротивление японского гарнизона было сломлено к вечеру 14 августа. Пленных не было. Наш полк подошел к месту боя около 12 часов дня. Тогда я встретил там знакомого по сержантской школе разгоряченного боем Кошкина. Он и сказал мне о гибели Вальки Дудина. Посланную для него самого пулю поймал болтавшийся у него на поясе трофейный алюминиевый котелок, когда он броском перебежал противотанковый ров. Ну, Кошкин был солдат шустрый, хорошо физически развитый, хотя и тут, как повезет.

Бой под Фуцзином в военно-исторической публицистике подается как прорыв укрепленного района. На самом деле это был изолированный укрепленный узел. Он лежал в стороне от дороги и не мешал нашему продвижению. Глядя с современного «просвещенного» высота, я полагаю, что штурмовать фуцзин-

ские укрепления не имело большого смысла. Достаточно было их блокировать силами не более одного полка, дожидаться условий для подхода тяжелой техники (по окончании дождей не более 10 дней) и разбить их артиллерийским огнем. Сейчас все знают, как надоть, грамотные. Это малограмотный Жуков не умел воевать. А представители «прогрессивной общественности» – о-го-го! Но война вся состоит из событий не предсказуемых или трудно предсказуемых и, по мнению некоторых философов войны, во многом носит карнавальный характер независимо от ее устроителей. И такое здесь было. И здесь под Фуцзином водили батальоны с развернутым знаменем на пулеметы. Было, было. Но кто в тот момент мог предсказать, как развернутся дальнейшие события и что нас ждало впереди? А укрепрайон лежал на осевой линии нашего наступления. Потому и штурмовали.

Мы подошли, когда бой был еще в полном разгаре, и наш батальон развернули в боевой порядок за тылами укрепрайона (про весь полк не знаю, не видел). Состояние нервное из-за неясности. Обстановку не объясняют, задачи не ставят, противник вне видимости, куда стрелять, и стрелять ли, не знаем. Наш командир роты, почему-то пьяный, бестолково бегаёт вдоль цепи, орет: «Бей японцев!» А сам швыряет в трупы прессованные круги соевых жмыхов. Откуда они там и взялись-то? Да там много валялось всякого разного. В общем, ротный бьет японцев. И нам теперь с ним воевать? Но пока не пришлось. Команда «Отбой». Батальон снова строится и в ночь продолжает движение в заданном направлении. Около полуночи привал на ночлег. Справа поле со сжатой пшеницей в снопах. Дождь проливной, тьма непроглядная, поле залито водой. Укладываем растерзанные снопы под лежбища и спокойно засыпаем. Утром я видел горем убитое лицо китайца, пришедшего осмотреть свое поле, разоренное и затоптанное.

Наш марш походным порядком продолжался, кажется, 10 дней со скоростью 35–45 км в сутки. По размытой дождями до-

роге строем идти невозможно. Батальон растянулся цепочкой по обочинам. Намокшие плащпалатки от всепроникающей сырости не спасают, в ботинках хлупает вода. На ночлег батальон располагается плотной группой, состоящей, в свою очередь из более плотных ротных и взводных групп. По окружности часовые. В одном из наших батальонов произошел несчастный случай. Солдат отошел по нужде, не предупредив часового, а тот заметил его только на обратном подходе. По опыту знаю – часовой редко промахивается. При проходе населенных пунктов нас встречали толпы китайцев, обступавших колонну с обеих сторон. Восторженные крики, понятное «Шанго!» У многих на левом рукаве белые повязки с надписью «Демократическая лига Китая» и иероглифы, есть и красные повязки. Мы устали, но здесь приободряемся. Для китайцев наш вид, видимо, представляет внушительное зрелище. Но усталость дает о себе знать и постепенно накапливается. Появляются отставшие. Солдатская смекалка проявляется в случаях «реквизиции» у зазевавшегося китайца лошадки, но чаще всего ишака. В роте ПТР погоняют ишака со своеобразным вьюком из двух связанных плащпалаток с противотанковыми ружьями. Как ни говори, а ружье 17 кг, целый пуд. Был, как я уже говорил, пулемет на колесиках, привязанный к хвосту ишака. Были и верховые. Такие случаи мародерства особо не возбранялись и не преследовались. Солдаты совершали многодневный марш и в отсутствии какого-либо транспорта все вооружение несли на себе: станковые пулеметы со снаряженными лентами в коробках, ПТРы, 82 мм минометы (труба, опорная плита, двунога-лафет, запас мин). Не намного легче было и простому пехотинцу. У меня ручной пулемет с диском около 12 кг, гранаты, лопата; у второго номера автомат 5,4 кг, запасной диск, гранаты, лопата на поясе, коробка с тремя снаряженными дисками для моего пулемета 9 кг. Один диск, как уже говорил, я взял у него из коробки и несу в сумке из-под выброшенного противогаза, стараемся уравновесить нагрузку. Да на нас еще и каски – 1,5 кг.

На подходе к городу Цзямусы наш путь пересекала невысокая гористая гряда. На ее склоне у правой обочины дороги сидела группа японских солдат численностью до роты. Оружие, винтовки, свалено в кучу. Ожидали нашего подхода для сдачи в плен. Задержать нас они не могли, но были способны нанести нам некоторый урон. В это время наши командиры в жажде сравняться в славе с победителями на западном фронте предпочитали решать задачи силовым методом, напором. От нашего взвода выделили несколько солдат конвоировать пленных в тыл. Внешний вид плененных нами японцев, мягко говоря, был не очень внушительным, скорее жалким. Это были осколки грозной прежде Квантунской армии. Боеспособный контингент и целые соединения были востребованы на защиту метрополии и прилегающих островов, куда, наконец, подбирались американцы. «Эта огромная армия по своей подготовке и снаряжению имела мало общего с прежней отборной Квантунской армией» (История войны на Тихом океане. Т. IV. М., 1958. С. 267, 268). Стрелковое вооружение было разнотипным, пулеметы разных систем и калибров. Видимо, только в укрепленных узлах были посажены кадровые войска, подкрепленные смертниками.

Дожди кончились, дорога подсохла. «Пехота, не пыли!» На десятый день мы протопали уже не менее 400 км. Наша выносливость близится к пределу. Но кто и когда измерил предел солдатской стойкости? И тут откуда-то появляется автоколонна ЗИС-5, и наш батальон на колесах входит в Цзямусы, довольно крупный город с постройками европейского типа. Ощущение пустоты и признаки небольшого погрома – следы набега Амурской флотилии. Мы передовые, но город уже освобожден ее действиями. Приказ: «Сутки – отдых, почистить оружие, привести себя в порядок написать письма домой». Отдыхаем. В годы «перестройки» Жора Пронин спрашивал меня с ехидцей:

- А ты-то зачем поступал в партию?
- Жора! Ты наивный человек! Это же было еще во время войны.

Во время отдыха пришел к нам какой-то молодой лейтенант, наверно, из политотдела дивизии, и приступил ко мне с вопросом:

– Нам рекомендовали вас для принятия в партию.

Ну что же, в бой иду коммунистом. В полном здравии, не маленький.

Мне уже шел 19-й год. А письмо мое было получено матерью где-то в конце февраля или начале марта 1946 г., когда она в тревоге стала писать запросы во все доступные ей инстанции. Конечно, с нашей полевой почтой могло происходить всякое, но все-таки даже в условиях военной неурядицы в целом она действовала исправно.

Полдня не прошло нашего отдыха, новый приказ – строиться. Ведут на пристань. Там уже стоят корабли Зейской бригады Амурской флотилии, подошедшие из-под Благовещенска. Два монитора с бронекатерами. Нам предстоит десантом двигаться на Харбин. Ждем команды на посадку. Но тут солдаты пронюхали поблизости завод по производству ханжи (спирт-сырец) и побежали запасаться в дорогу горячительным. Бегут назад с добычей в котелках, в бутылках, а у кого и в касках. Но на их пути уже образовался непреодолимый заслон в лице командира полка с командиром батальона. Поносная ругань, пинками опрокидывают котелки и каски. Младший сержант Джима (фамилия) из нашего взвода бежит с двумя бутылками подмышками, поменьше нашей четверти, прозванных у нас гусихами. Командир полка обрушивает на него поток своего красноречия, в раже выхватывает у него из-под рук бутылки и вдребезги разбивает их одну за другой об его голову. Но мы все в касках! С Джимы вместе с осколками стекла струится драгоценная жидкость, но он стоит по стойке смирно, не шелохнется, мужественно переносит командирский гнев. К счастью, солдатский промысел с ханжой был пресечен вовремя. В пьяной массе обязательно появились бы какие-нибудь буйные или другие невменяемые и неуправляемые личности.

Корабли идут полным ходом. Мы во власти моряков. Нам, пехоте, приказано смирно сидеть в трюмах и не высовываться, но мы временами выглядываем. На одном из кораблей тогда оказался и наш Юрий Владимирович Кухаренко (будущий коллега-археолог). Однажды при обмене воспоминаниями он воскликнул: «Комар-Комаров! Оказывается, мы вместе с тобой вошли в Харбин». Под вечер от противоположного берега пересекает наш путь весельная лодка с белым флагом. Ее направляют к командирскому кораблю. Матросское радио доносит: «Японский полковник предлагал принять капитуляцию своего полка». Позже стало известно, что уже 14 августа японское правительство объявило о своем решении принять условия капитуляции. До нас дошло разъяснение нашего командования от 16 августа: общая декларация японского правительства не сопровождается приказом о прекращении военных действий, поэтому мы должны не прекращать наступления и действовать в полную силу.

Надо сказать, рескрипт императора о согласии на капитуляцию был принят 14 августа и 15 августа отправлен в США. 16 августа Макартур отдал приказ о прекращении военных действий на всех фронтах. Сталин направил Василевскому директиву: «Приказ Макарута нам не указ. Продолжать наступление для разоружения японцев силой». Дело заключалось в том, что к этому времени наши войска еще не овладели главными городами Маньчжурии и нужно было успеть прочно обосноваться на всей ее территории для обеспечения более весомых позиций на мирных переговорах. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата нервничает. 16 августа он преодолел сопротивление «ястребов» в своем штабе и 17 августа обращается за содействием советского консула в Харбине. Василевскому удается оттянуть встречу до 19 августа, когда Хата со свитой доставляется на самолете в штаб 1-го ДВФ и подписывает акт о капитуляции. 19 августа в Чанчуне подписывает акт о капитуляции и командующий Квантунской армии Ямада.

Считается, что только 19 августа началась массовая сдача японских войск. Но события на нашем направлении свидетельствуют о том, что в массе своей японцы раньше убедились в бесполезности сопротивления, как это видно по эпизодам с заградотрядом на подходе к г. Цзямусы и предложением о капитуляции японского полковника на нашем пути в Харбин. Нам некогда. Наша цель – Харбин, и мы спешим. Полковнику приказано сложить оружие и ожидать подхода наших войск. Броском на кораблях мы миновали г. Сансин (Илань), лежащий на правом берегу реки. Это примерно 80 км от г. Цзямусы по пути к Харбину. По невысокой горной гряде на его подступах японцы выставили заградительный отряд, оказавший серьезное сопротивление группе наших войск, продвигавшихся по сухопутью. Оставались еще фанатичные отряды. Здесь погиб экипаж нашего танка. Он провалился через рубеж в долину и провалился на мостике через болотистый ручей. Мы осматривали этот рубеж во время возвратной передислокации нашего полка из Сансина в Фуцзинь пешком порядком. В составе почетного караула мне довелось отдавать салют при открытииobelиска на могиле погибших здесь солдат.

20 августа, может часов около 10 утра, подходим к Харбину. Матросы нервничают. Приказ: «Полная боевая готовность, парадная форма одежды». Не понятно, идем в бой или на парад. Мы не унываем. Наша «парадная» одежда на нас, а все наше в нас. Воевать не с кем. На пристани толпы народа. Харбин тогда был город русский, и нас высыпало встречать буквально все население. Восторженные крики. Помнится небывалый энтузиазм, высокое чувство гордости за нашу страну-победительницу, за Россию, охватившие нас и искренне проявляемые встречающими харбинцами. Вместо рисуемой японской пропагандой нашей армии, составленной из недорослей, они увидели вполне зрелых солдат. Неизбежно возникает память о поражении 1905 года, взывавшая об отмщении. Позже эту мысль четко выразил Сталин: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого

времени». Надо сказать, что и мы сами испытывали чувство зло-
радного удовлетворения.

Мы смешиваемся с толпой. Кучкуются группы собеседников. Вятский попик повествует о своем житье на чужбине. Мы советуем ему возвратиться на родину – гонения на религию прекратились, будет свобода. Один гражданин бьет себя в грудь: «Какой я белогвардеец? Я здесь живу с 1905 года!» Он инженер на железной дороге. Нежданные встречи. К нашей группе подходит человек и спрашивает, нет ли случайно среди нас Брагина. Взводный (тот самый иркутянин):

– Какого? Авдея?

– Да, есть. – Брагин, иди сюда.

Подходит, узнал, насупился.

– Что же, племянник, мы с тобой ради такой встречи и не поцелуемся?

– А ты чего от колхоза сбежал!

– Ну, теперь старое можно бы и забыть.

Надо сказать, что Брагины жили на Амуре близ границы и в начале 30-х годов такие явления там были не редки. Потом во время нашего краткого пребывания в городе взводный отпустил его к дяде в гости.

Потехе время и делу час. В полной уверенности, что именно мы первые заняли город, действуем по приказу своих командиров, берем под охрану главный стратегический пункт – мост, один на важнейшей магистрали КВЖД через р. Сунгари. Мы заняли город Харбин! Утром 20 августа «в Харбин вошли соединения Краснознаменной Амурской военной флотилии с десантом от 15-й армии, которые приняли капитуляцию Сунгарийской флотилии, а десанты – гарнизона Харбина» (История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 11. С. 250). Всем солдатам раздали отпечатанные на газетной бумаге листовки с приказом Сталина, в котором мы, войска 2-го ДВФ, поздравлялись со взятием Харбина. Не тут-то было! Закулисные интриги командных кругов меняют ситуацию с точностью до наоборот. 1-й ДВФ маршала

Мерецкова застрял в попытках сходу прорвать Муданцзянский укрепленный район и с трудом преодолел Восточно-Маньчжурские горы до выхода на равнину. Дивизия, штурмовавшая г. Муданцзян, едва не наполовину во главе с командиром была истреблена массированным налетом наших пикирующих ПЕ-2. Мерецков спешит и организует десант в г. Харбин. 19 августа нач. штаба Квантунской армии генерал Хата со свитой доставляется на командный пункт 1-го ДВФ и подписывает условия капитуляции. Вскоре стало известно, что город Харбин взяли войска 1-го ДВФ, а наш 2-й ДВФ тут не причем. Но я твердо знаю, что физически Харбин взяли мы, т.е. 2-й ДВФ. Приказано войскам оставаться на занятых позициях в достигнутых пунктах, а нас там не было и быть не должно. В который уже раз подтвердилась истина из гениальной поэмы Твардовского «Василий Теркин»:

«Города сдают солдаты,
Генералы их берут».

Авиадесант 1-го ДВФ в Харбин подается как высадка более 300 человек двумя эшелонами. Для этого потребовалось бы не менее 20 самолетов Ли-2. А было ли их столько в распоряжении командующего 1-го ДВФ? Стоило бы проверить. По нашему широкоэшелонному солдатскому радио, в Харбине приземлялся один самолет под командованием члена военного совета 1-го ДВФ генерала Штыкова в сопровождении 13 автоматчиков. На снимке в одном иллюстрированном издании (Великая Отечественная. 1941–1945. М.: Планета, 1997) маршал А.М. Василевский и командующий 1-й ОКА (Отдельная Краснознаменная армия) генерал-полковник А.П. Белобородов обходят строй десантников на японском аэродроме в Харбине. Такую сцену можно было организовать только после освобождения города. Кадр постановочный и, возможно, смонтирован. Явно постановочным выглядит и другой кадр: «Советские десантники захватили японский аэродром в Харбине». Никаких самолетов, кроме нескольких неисправных, там не было. Никто его не оборонял и никто не штурмовал. Нужды не было. И солдаты там чистенькие, без са-

перных лопат, без подсумков с гранатами и патронами на поясе, с противогазными сумками почему-то на правом боку (правильно на левом боку с лямкой на правом плече). Да и противогазы мы выбросили на другой же день, как только перешли границу. Искажение (теперь говорят фальсификация) истории войны – явление обыденное. Победоносное продвижение 1-го Дальневосточного фронта характеризуется как серия смелых десантных операций по взятию Харбина, Гирина, Чаньчуня и некоторых других крупных городов. На самом деле это была выброска на одном самолете уполномоченного генерала с охраной из отделения автоматчиков для принятия формальной капитуляции от командования японских гарнизонов. Никакой боевой нагрузки эти «десанты» не несли. Василевский неукоснительно исполнял приказ Сталина и тянул с капитуляцией. «Выигрыш во времени советское командование, отказавшееся от масштабных операций, использовало для заброски мелких воздушных и морских десантов, захватывавших “бесхозные” города и базы» (Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.) Рассекреченные архивы. М.: БИМПА, 2006. С. 284). «Десант» на Харбин должен был доставить генерала Хата в штаб 1-го ДВФ, в ставку Василевского, и ничего более. Наши солдаты в простоте сожалели, что в Харбине у нас не оказалось подходящего генерала, могущего прижать к ногтю щепетильных японских генералов. Но куда нам? При штабе 1-го ДВФ у Мерецкова находился сам Главнокомандующий маршал Василевский.

Но пока в Харбине хозяева мы. На какое-то время наш батальон был размещен изолированно за забором в небольшом городском саду и солдаты никуда не выпускались. Оглянулись, а наш Брагин в обмундировании, несущем явные признаки бивачных ночлегов под проливными дождями на земле и в обтрепанных обмотках, степенно шествует по улице под ручку с принаряженной девицей. Взводный обомлел: «Брагин! Твою...!» Как это ни странно, нашлось время и для обыска покинутых квартир в япон-

ском квартале в надежде разжиться какими-нибудь «трофеями». В один из дней ходил туда и я с группой товарищей. Все было готово к бегству, собранные чемоданы с костюмами и другой одеждой, целые куски-рулоны шелковой материи и прочая чепуха. А взять было нечего. Не понесет же пеший солдат чемодан с барахлом. Искали какую-нибудь мелочь: авторучки, бритвы, часы (последнее редко, не Германия). Заходим, а там уже двое-трое солдат роются, один сосредоточенно и бездумно разматывает из комода кусок шелкового полотна. Волны шелковой материи растилаются по полу. Ходим по ним в грязных ботинках.

– Ну, что тут хорошего?

– Да видишь, ничего.

– О! Коробочка! Годится под махорку.

В карман ее. Больше того, что можно положить в карман, не брали. Я потом выменял на что-то у одного солдата бритву, которой очень гордился. Вообще-то мародерство наше было скромным, и кроме обысков покинутых квартир в японском квартале я ничего не знаю. Не Германия! Японцы в нищей Маньчжурии были инородным элементом, и было непонятно, где можно пограбить, а где нельзя.

По приказу войска остаются в занятых ими пунктах, и мы в Харбине пребываем незаконно. Через несколько дней подходят войска 1-го ДВФ, и нас выгоняют из города. Среди вошедших частей был 33-й гвардейский минометный полк, в котором мне пришлось служить в 1946–1947 гг.

Все барахло как «трофеи» из японского городка стало добычей сменивших нас частей 1-го ДВФ. У солдат полностью механизированного 33-го гвардейского минометного полка, как и у других механизированных частей, была полная возможность прихватить все, что попадалось под руку. В бытность мою в 33-м полку после войны эти «трофеи» хранились в полковом складе под личными бирками. Владелец таковых, уходя в увольнение, отрывал от куска подходящий отрез шелка и благополучно прогули-

вал его в меру своего разумения. Не брезговало барахольством и начальство. Рассказывали, у нач. штаба майора Сенаторова, человека необычайно вспыльчивого, но так же щепетильно честного, в кабинете оказалось шикарное зеркало. Командир полка подполковник Панков заметил: «Да, Сенаторов, зеркало-то у тебя не по чину, придется уступить». Сенаторов вспылил: «А! Нахватали! А у меня ничего, кроме этого зеркала, нет!» И тут же в гневе разбил его вдребезги. Остановить его в таких случаях было нельзя, сам свидетель.

Стало модным изображать нашу армию в поверженной Германии сборищем мародеров и грабителей. Злословят по этому поводу некоторые подпевалы нашей «демократической» общестственности. Грабеж всей Европы и оккупированной территории Советского Союза воинством нацистской Германии вроде бы и не в счет. Он совершался по-европейски, цивилизованно. А тут на Германию нахлынули орды азиатских варваров. Но вот офицер шотландской гвардии замечал: «Операцию по форсированию Рейна точнее было бы назвать “операцией Грабеж”. ... Я стал кричать на солдат своего взвода, которые грабили дом вместо того, чтобы провести в нем зачистку. Но внезапно я обнаружил, что на мне самом уже висят два прихваченных где-то бинокля!» Настоящий грабеж проводили специальные команды, действовавшие в составе американской армии. Командир такого подразделения ограбил запасник произведений искусства жены Геринга и позволил подчиненным воспользоваться остальным по выбору. «Холсты были вырезаны из рамок, свернуты и положены в стволы минометов». Вполне демократически. Еще демократичнее мы в стволы 82 мм минометов заливали ханжу, чтобы не догадалось начальство.

Перед выходом из Харбина нас водили строем по его улицам с песнями, демонстрируя наш бравый вид и военную мощь. Харбинцы на улицах и с балконов нам аплодировали. Взвод, к которому прикомандировали и меня со вторым номером при

ручном пулемете, был выделен для сопровождения командира дивизии с несколькими офицерами его штаба. Кортёж двигался на трех автомашинах Додж. На ночлег остановились прямо на дороге. Нас для охраны рассыпали цепью вокруг и мы пролежали ночь в траве, не смыкая глаз. Днем достигли большого китайского селения, и командир дивизии оставил нас в нем с приказом: «Нести комендантскую службу, помогать нашим проходящим частям, постараться выявить и изъять у китайцев возможное оружие, отдохнуть». Мы расположились в бывшем полицейском правлении. Правление представляло собой крепкое кирпичное строение. Центральную часть строения занимал просторный зал, разделенный деревянным барьером на две неравные части, с выходами на улицу и во двор – видимо, своего рода «присутствие». По углам было четыре комнаты с дверями в зал. В одной комнате помещались мы на полу вповалку, в соседней – взводный, напротив через зал по диагонали от нас – помкомвзвода и командиры отделений, унтера. В комнате против нас обитало несколько китайцев от назначенной новой властью полиции, номинально подчинявшейся Чан Кай Ши. Возглавлял полицию пожилой китаец высокого роста, видимо, из прежней полиции «государства» Маньчжоу-Го. Он был облачен в форму под ремнем с портупеей и ботинки с высокими кожаными гетрами, держался прямо, строго, с достоинством, но с большим почтением к нашему взводному.

С улицы перед зданием был барьер в виде глинобитной стенки высотой около 1 м, с тыла довольно обширный двор, огражденный стеной, кажется, выложенной дерном, высотой около 3 м. В углу двора стояла деревянная вышка с караульной будкой наверху, во дворе несколько легких строений. В одном из них оказалось приспособление для кухни, в другом что-то вроде магазина с некоторым запасом разной дешевой материи и еще какой-то чепухи. Кормились мы из своих запасов. У нас было с собой мешка два риса, мука, японская особая лапша в жестяных коробах под ящик, мясные консервы, соевое масло в бутылках и что-то

еще. Поваром взводный определил пожилого солдата Плаксина, и он неплохо кашеварил. Потом я увидел, что селение было обложено данью. По утрам китаец приносил овощи (про хлеб или пампушки что-то не помню, но они были) и обязательно кусок мяса. Норму мяса он демонстрировал нашему повару на безмене, а тот возмущался: «Что ты тут мне трясешь его? Я же вижу – кусок хороший, ну и иди отсюда!» Недостатка в питании у нас не было, даже наоборот. Ребята ходили на рынок и обменивали некоторые запасы из оказавшегося у нас магазинчика на что-нибудь съестное. Приготовленное нашим поваром часто не съедалось, и взводный возмущался: «Плаксин! Ты их уворишь, они у нас дойдут». Тот лениво отговаривался. В этом селении на крупном заводе производился спирт-сырец, по-китайски, как я уже говорил, «ханжа», по нашему «ханжесовхоз», и мы могли пользоваться его продукцией невозбранно. Однажды даже пробовали заправить ханжой остановившуюся у нас без горючего автоколонну. Мотор работал, но не тянул. Сначала я не мог проглотить эту вонючую жидкость. Брагин со своим характерным заиканием уговаривал: «Перед обедом! Для аппетитацу!» Наконец натура и патриотизм превозмогли, и я научился наравне со всеми причащаться не только «перед обедом».

Однако особо благодушествовать и расслабляться не приходилось. Появились случаи нападений не только на отдельных солдат и офицеров, но и на небольшие подразделения. В одном пункте ночью вырезали комендатуру из 3-го батальона нашего полка. Говорили о хунхузах, об остатках японских диверсантов или их прихвостней из бывшей армии Маньчжоу-Го. А может это были невоенные формирования, негласно направляемые центральным правительством Чан Кай Ши? По внешним признакам они ничем не выделялись от остального населения. Я и теперь не знаю, кем они были. Но все эти события заставили нас насторожиться. Как и всегда на ночь у нас выставлялось двое часовых, в помещении и во внутреннем дворе. В тот день кто-то из нас

случайно обратил внимание еще на одну дверь в наше строение со стороны двора, на которую раньше не обращали никакого внимания. Вскрыли, а там оказался небольшой склад разнообразного оружия: охотничьи ружья от хороших двустволок до тяжеловесных старинных «фузей» с шомпольным заряданием с дула, пистолеты разных марок, скорее, револьверы невыразимых форм и маузеры. Позже взводный подарил один маузер начальнику полиции для представительства. Прихваченные в Маньчжурии маузеры были припрятаны и у некоторых солдат и офицеров в 33-м гвардейском, и они забавлялись, постреливая во время выходов в увольнение. Я же потом жалел, что не взял ружья, оно очень пригодилось бы впоследствии, когда я увлекался охотой. Но это потом. А сейчас? Мы пытаемся собрать сведения об оружии у местного населения, а оно у нас под боком. Если не расквартированные при нас так называемые полицейские, то их начальник должен был знать об этом складе. Почему не сообщил, скрытничал? Вероятно, на кого-то из нас это произвело неприятное впечатление, которое обернулось, как говорил в таких случаях генерал Ермолов, странным происшествием.

Вечером все было спокойно, скомандовали отбой, и мы мирно отошли ко сну. Глубокой ночью в залу вбежал внешний часовой и прохрипел не своим голосом: «Стреляют!» Внутренний часовой выстрелов не слышал, но при виде испуганного и дрожащего от страха наружного часового испугался сам и прокричал:

– Тревога! Всканиваем.

– Бабин, диск!

– Есть!

Лихорадочно соображаю: а если кончатся патроны в дисках? Надо взять запас.

В головах у нас стояли коробки со снаряженными лентами для пулемета «Максим», взятые на всякий случай, благо мы были на машинах. На «автомате» решаю прихватить одну из них, но вместо ручки ухватываю конец ленты из открытой ко-

робки. Лента длиной в два с половиной метра потянулась змеей, гремит по полу. Соображаю: выдергивать по одному патрону из матерчатой ленты и по одному же пытаться вставлять их в непригодный для этого приемник ручного пулемета – бессмысленно. Бросаю. Затылком вижу, как ленту подхватывает и через секунду бросает следующий, а за ним еще и еще. Никакой стрельбы нет, а мы бестолково мечемся по залу. Думаю поставить пулемет сошками на подоконник, изготовиться к стрельбе. Но оттуда не ощущается никакой опасности. Стреляли бы в нас – опомнились бы быстрее. Выбегает взводный с пистолетом в руке: «Куда!? Стой! Вашу...!» Круговерть суеты начинает спадать. Оглядываемся друг на друга – где, что? А ничего. Это сейчас, восстанавливая в памяти детали происшествия, можно говорить, будто я что-то соображал. Все делалось импульсивно, суетно, рефлекторно. Главное – непонятно, откуда исходит опасность, как и какой организовать отпор. Типичный источник и повод для паники – неизвестность, неясность обстановки. Взводный посылает нас с Лариным с пулеметами пройти на двор и посмотреть со стены обстановку. Смотрим. «Тиха украинская ночь». Ларин на всякий случай слезил на вышку: «Ладно, пойдй скажи там, может, берег обвалился в реку, ему и померещилось». Ларину приказано остаться покараулить, мы с Бабиным идем досыпать свой сон. Утром разбор события. Смеемся друг над другом, кто больше всех испугался, а кто и вовсе струсил. Больше всех достается самому пожилому, помкомвзвода. Да еще и лента пулеметная оказывается у них в комнате. Протащили по диагонали через весь зал. Брагин насаждает на него: «Это ты утащил, а зачем?» Действительно, зачем им винтовочные патроны? У них же на вооружении автоматы.

На следующий день нас посетили связисты, восстанавливающие телефонную связь от границы на Харбин. У них кончился провод, и они встали лагерем под нашим селением. Предлагаем взять у нас японский провод, да и ночевать остановиться у нас,

безопасней. Отказались. Привыкли, все отработано, а провод завтра доставят. Ночью, когда мы готовились ко сну, из-за села, где остановились связисты, послышалась стрельба. Собираем команду к ним на выручку. С улицы заходит сержант Нурғалиев:

– Ну, тут теперь у всех полные штаны!

– Да нет, мы ничего. А с чего бы?

Дело ясное и никакой паники. Бежим вдоль села. Ночь темная, а впереди слышно кто-то бежит, шлепает босыми ногами. «Стой! Стой, стрелять будем!» В ответ только шлепанье босыми ногами. Помкомвзвод дает на звук автоматную очередь. Что-то вроде как взвизгнуло. Наскоро шарим ощупью по кювету, ничего не находим, бежим дальше. У связистов действительно была тревога, которую поднял их старшина. Ему понадобилось отойти в сторонку от лагеря. Он заметил подползавших лазутчиков и поднял стрельбу. Утром на траве были найдены следы крови, кого-то задело. А в кювете был найден убитый крупный черный пес, убежавший от нас «босиком».

После снятия нас с комендантского наряда мы опять в своей роте, а я в своем родном взводе. В какой-то момент роту возили или перевозили на какой-то барже непонятно зачем и куда. На палубе прилег на соломенный мат вздремнуть и тут же вскочил от укусов бесчисленных блох. Скидываю гимнастерку, брюки, трясусь. Китаец-лоцман смеется. Там этих блох и на земле полно. Недаром японцы именно с блохами проводили свои опыты по распространению чумы и другой заразы. В этой поездке оказалось, что и от нашего ротного можно получить пользу. На пристани в Сансине он разнюхал склад и через своих знакомых и друзей из армейских интендантов одел роту в новые шинели. Шинели были пошиты по нашему образцу из канадского сукна красивого стального цвета. Наша рота выделялась блеском шинелей во всем полку. Ни у кого больше таких не было. Некоторое время полк простоял в Сансине в полном составе. В Сансине были захоронены наши воины, погибшие на подступах к городу и в ближайшей округе. На от-

крытие мемориального обелиска в почетный караул выделили взвод из нашей роты. Шинели! При отдаче салюта у стоявшего передо мной в первой шеренге сержанта Своровского (1912 г.р.) холостой патрон при досылке в патронник встал торчком и заклинился шляпкой в затворной коробке. Мы стреляем по команде залпом, а Своровский ковыряет пальцем заклинение и тихо матерится, а я с усилием сдерживаю смех. Отстрелялись. «Напра-во! На пле-чо! Шагом марш!» И всю дорогу Своровский ковыряется пальцем в затворной коробке и матерится, а я не могу перестать смеяться. Виной всему был патрон. По требованию заказчика Мосин был вынужден приспособить свою винтовку под патрон для винтовки Бердана, у которого шляпка выступает за края гильзы. Эта особенность патрона создавала серьезные проблемы нашим конструкторам автоматического оружия.

В октябре полк в полном сборе двинулся походным порядком с задачей выйти на свою территорию, но очень скоро был остановлен. По слухам, это было вызвано участвовавшими случаями нападений на наши комендатуры и некоторые воинские подразделения. Полк перешел на казарменное положение с местом базирования в г. Фуцзинь. Скучное казарменное существование перебивалось назначением в комендантский патруль. С автоматами и красными повязками на рукаве мы парами важно шествовали по улицам, одним появлением предупреждая возможное нарушение порядка. В случае чего китаец мог закричать: «Сулимба!» – комендатура. То же, что наше – милиция! В то время солдатам платили неплохие, по нашим меркам, деньги оккупационными марками. По договору с Чан Кай Ши наше государство напечатало договорное количество этих денег (а, может, и не договорное?) в счет оплаты расходов по освобождению от японской оккупации. Эти бумажки китайское правительство должно было впоследствии выкупить у населения. Как оно выкупило их в связи с начавшейся гражданской войной неизвестно, но китайцы брали эти деньги охотно. Мы могли свободно зайти в ресторанчик-

чайхану и употребить там не только пельмени, но и коньяк, и виски, конечно, не настоящие. Однажды мы с Володей Дегтяревым (ему я передал свой ручной пулемет после назначения меня командиром отделения) обедали в такой чайхане с кабинетиками по сторонам коридора. В кабинете напротив оказалась пирующая китайская свадьба. Оттуда к нам зашел подвыпивший, как он отрекомендовался, сватка и пригласил нас к себе. Освободили место и стали угощать ханжой из фарфоровых чашечек чуть более наперстка. Возмущаюсь:

– Ты что же, сватка, а не знаешь.

– А! Моя все понимаю!

И нам подают пиалы немалого размера. Мы встали, провозгласили словами и жестами здравницу и почтение молодым и выпили по одой, а потом и по второй. Надо было видеть, с каким ужасом смотрели на нас сидящие напротив китайячки. Поблагодарив честную компанию за прием и ласку и поздравив жениха и невесту третьей, мы на твердых ногах пошли продолжать патрульную службу.

Через некоторое время 1-й взвод нашей роты, куда я опять был прикомандирован из своего 3-го взвода, был направлен в пригородную деревеньку в качестве сторожевого охранения. Откуда-то поступила информация о хунхузах в одном довольно удаленном селении. По своей инициативе или по приказу свыше мы организовали туда экспедицию небольшим отрядом от взвода. Никаких хунхузов мы там не нашли, а нашли бывшего офицера бывшей армии Маньчжоу-Го. В той же фанзе мы увидели сидящих на кане двух молоденьких китайянок необыкновенной красоты. Офицера мы взяли в плен, а китайянки мгновенно были спрятаны с наших глаз. В соседней фанзе Брагин полез на сеновал и достал оттуда винтовку. Китайца немного потрясли и оставили за неимением серьезных улик. По возвращении за ужином мы предложили продрогшему в легком летнем обмундировании пленному выпить с нами по чарке. Он благодарил, но попросил содержимое его чарки подогреть. Спать уложили его рядом с собой на кане без всякой охраны.

На другой день пленный был сдан в городе в комендатуру. При комендатуре оказался старый знакомый Володя. Так мы звали молодого китайца, который каким-то образом вращался в полку и дивизии еще на нашей территории до начала военных действий, и воспринимали как хорошего друга-китайца вроде юродивого. Оказывается, Володя под прикрытием нашей комендатуры формирует некий отряд и нашего пленного сразу взял к себе. Я даже заметил, что к нему поступает всякое оружие, в то время только японское, какая-то пушченка и т.п. Это потом стало понятно, как много сделала наша страна для победы народно-революционной армии Мао Цзе Дуна в гражданской войне в Китае. Задержка с выводом наших войск из Маньчжурии была связана с необходимостью дать время коммунистическому фронту собрать силы для борьбы с правительственными формированиями Чан Кай Ши.

После отзыва взвода из сторожевого охранения нашу роту стали готовить для проведения карательных акций против так называемых хунхузов. Черт их знает, кто они были на самом деле. Присланные оружейные мастера тщательно осмотрели наше оружие и устранили мелкие неисправности, заметить которые мне и в голову не приходило. Поступило тревожное сообщение: в засаде погиб взвод разведроты дивизии, проводивший поиск. Там как раз и погиб наш товарищ по сержантской школе Вшивков. По следам в направлении г. Боли была послана на автомашинах наша рота. Наш рейд не дал никаких результатов. А был ли он обеспечен настоящей агентурной разведкой? Рота вернулась в расположение с изрядным запасом ханжи и всю ночь блудила в пьяном угаре. Буянства не было, а было безудержное веселье. Сержант Своровский как подрядился на танцы. Вот он в одних кальсонах неподвижно лежит ничком на нарах. Сержант Суровикин вдруг вспоминает о нем, командует: «Боря! Вальсок!» Боря подкидывается пружиной и начинает выделывать па под одобрительные крики и хлопки зрителей. Новая команда: «Боря! Ша!» Боря ныряет на нары и опять лежит ничком недвижимо. Вновь вспо-

минают и командуют: «Боря! Вальсок! Боря! Ша!» Утром Боря жаловался: «Пятки болят, отшиб». Всю эту катавасию с завистью наблюдала соседняя 4-я рота и утром насмехалась: 6-й роте сегодня как будто чего-то приснилось. Мы возражали. А 4-я рота заснуть не могла.

Очередной задачей нашей роты в Фуцзине стала караульная служба. Одним из объектов охраны был огромный бурт сои на берегу реки. На вершине – фанерная табличка на колышке с надписью: «Принадлежит экспортхлебу СССР». Сомневаюсь, чтобы эту сою успели вывезти. Рота квартировала отдельно в помещении с замкнутым двором. Топили старыми досками, раскалывая их двухпудовой гирей. В тамбуре на морозе у нас лежала свиная туша, и мы по мере потребности срезали с нее стружку и жарили на плите. Свинья была добыта путем незаконной конфискации в отдаленной деревне, и старшина по доносу пострадал своей должностью. Однажды на скорую руку сообразили выпить, и закуска жарится. У всех кружки, а у Джимы нет. И ему попадает хорошая пузатенькая стопка:

– Ну, а мне в эту.

Разливаем, чокаемся. Влетает старший сержант Ячнев:

– Эй! Вашу...! Такую...! Не пейте из этой рюмки!

А мы уже пьем. Выпили.

– А? Чего?

– Мы же дезинфицировались в ней после походов по китайкам (слова другие).

Утерлись. Ладно. Спирт тоже дезинфицирует, пройдет.

Караульная служба – последний мой подвиг в маньчжурском походе. Исход из Маньчжурии происходил в самом конце марта или начале апреля. Амур переходили по льду сумрачным вечером. Мне нездоровилось, подхватил грипп. Ночлег в этот раз оказался какой-то неустроенный, и я ослаб. Два дня провалялся в палатке медсанбата при терпимой температуре и от того выздоровел. Вскоре мы оказались при железнодорожной станции Биро-

биджан. Полк бивачным порядком расположился чуть ли не среди путей. Женщины нас жалели: «Ой! В чем они воду-то носят. В касках!» И тут наш полк стали растаскивать по частям – расформирование. Нашими покупателями (армейский жаргон) оказались представители 33-го гвардейского минометного полка. Для них отобрали 70 сержантов с образованием не менее 7 классов. В эту команду попал и я. Полк располагался при станции Среднебелая на половине дороги от станции Куйбышевка Восточная на Трансамурской магистрали (теперь Белогорск) до Благовещинска. На этот раз нас везли в пассажирском вагоне. По условиям нас брали со своим оружием. У всех ППШ. В Архаре наше начальство спохватилось, что мы вооружены до зубов, у нас еще полно патронов и в дисках, и россыпью. Попытались отобрать, но это удалось только по прибытии на место.

С нами беседовали, спрашивали кем, по какой специальности мы, пехотинцы, желали бы служить в артиллерийском полку. Один грузин заявил: «Хочу быть командиром батареи». Меня определили во взвод топографической разведки, отдельное подразделение в полку. Взвод состоял из двух отделений с двумя вроде бы равноправными командирами отделений, один из которых был еще и помкомвзвода. К этому времени я состоял в звании сержанта, полученном в период квартирования полка в Сансине. Меня и назначили исполнять эту должность. Командиром другого отделения стал тоже сержант, вскоре прибывший из расформированной гвардейской минометной бригады. Володя Крупенков был 1927 г.р., последнего года, призывавшегося в войну в возрасте 17 лет. Как городской житель (г. Карабаново Александровского р-на Владимирской обл.) по сравнению со мной, парнем деревенским, он был развязнее в общении и более развит в культурно-бытовом отношении. В характере его была некоторая черта авантюризма и та напористость, что в просторечии называется «брать на арапа или на понт». На этой почве чуть ли не в первый день знакомства у нас произошло небольшое столкновение. Буквально через день

или два недоразумение было улажено и мы стали неразлучными друзьями.

Новый полк по сравнению с прежним был много богаче в материальном отношении. Как уже говорилось, он сменил нас в Харбине и простоял там весь срок пребывания наших войск в Маньчжурии. Механизированный полк вывез на своих машинах много разного имущества. Личный состав был снабжен трофейными полушерстяными одеялами, правда, качества невысокого, но много лучше наших изношенных байковых. Из трофейного брезента на весь полк были пошиты палатки в форме домика на сборном деревянном каркасе. Были и японские шатровые со специальной печкой и сборной трубой. В них мы устраивались с комфортом не только в летнем лагере на берегу р. Зеи, но и морозной зимой 1946–1947 гг. на полигоне при проведении учебных стрельб. Тогда же солдаты соседней артиллерийской бригады грелись у костров в открытом поле. В основном трофейными продуктами обеспечивалось питание (котловое довольствие по-армейски). Вместо махорки выдавались японские сигареты. В столовой вместо котелков употреблялись трофейные эмалированные миски, стандартные алюминиевые ложки. Миски заменялись новыми из, казалось, неисчерпаемого запаса в случае отбития и выщербления эмали у старых. Запасено было множество разных красок и натуральных лаков, которыми, не жалеючи, красили полы, нары и все другое, что можно было покрасить. Однажды начальство решило покрасить нары в нестандартную и более благородную, по его мнению, голубую краску. Наши матрасы были растелены на плацу под открытым небом. Переночевали на плацу, а краска не сохнет. Добавили быстросохнущего лака – не сохнет. Тогда было приказано протереть от голубой окраски все нары до суха и покрасить их обычной темно-красной краской. Около недели мы провалялись под открытым небом, благо погода стояла сухая и солнечная. Почти у каждого солдата, как я уже говорил, в складе хранились чемоданы с трофейным барахлом. Все подраз-

деления полка были обеспечены телефонной связью. Аппараты американские с пластмассовыми корпусами в отличие от наших деревянных.

Самой замечательной личностью был начальник штаба майор Сенаторов. Небольшого роста, стройный, подбористый, он отличался взрывным холерическим характером, впрочем, не злобным и не злопамятным. Он становился довольным, когда после разноса вызвавшие его гнев недостатки исправлялись немедленно и чем скорее, тем лучше. Вот он заходит к нам в казарму. С краю на нарах солдат Хмелев 1922 г.р. спит ногами к подушке, головой к ногам. Явный признак – Хмелев пьяный и еще спит днем. Сенаторов взрывается: «10 суток!» Мы вчетвером на одеяле как на носилках несем Хмелева на гауптвахту под смех всего полка. Сенаторов на пороге казармы следит за нами с гордым и довольным видом. Однажды на учениях командир полка решил похвалиться перед инспектирующим нас генералом солдатским обедом. Если бы он предложил ему коньячку с осетринкой, с икоркой... Генерал покосился в нашем вареве и игнорировал его. Панков (комполка) помрачнел. Ему показалось, что причиной была отбитая эмаль на миске. После учений он приказал все миски из столовой доставить к себе в кабинет и там с руганью стал швырять эти миски об пол перед своим заместителем по материально-техническому обеспечению, тоже подполковником. Вокруг двух не малых ростом плотных подполковников петушком бегают изящный Сенаторов и восклицает: «Товарищ подполковник! Разрешите, я его изобью, отдубасю!» – слова соответственно непечатные. Он горой стоял за честь полка и за своих солдат. При обустройстве летнего лагеря на р. Зее утащили несколько бревешек и массивных горбылей из облицовки окопов и ходов сообщения, устроенных еще в военное время для охраны железнодорожного моста через реку. Начальник охраны капитан пришел жаловаться и на его беду попал на майора Сенаторова: «Кто? Наши?! А ты поймал? Моих солдат позорить! Распушу!» – его любимая угроза. Но тут он, отозван-

ный на другое место, уже сдавал дела новому нач. штаба. Этот по характеру был спокойным, выдержанным и корректным в обращении.

Взвод топографической разведки выполнял задачи по определению координат и привязке огневых позиций, наблюдательных пунктов, выявлению и засечке целей на позициях противника. Почти весь взвод теперь был укомплектован вновь прибывшими пехотинцами. Опытный вычислитель Яша Карпуцин, бывший маркшейдер в одной из шахт под Карагандой, работал при штабе. Нашим обучением занимался начальник топографической службы полка в звании капитана. Мы учились работать с теодолитом, кипрегелем, стереотрубой, буссолью, обязательно с выходом на местность. Решали задачи по определению координат точек: теодолитный ход, прямая и обратная засечка, задачи Потенота и Ганзена. Упор делался на аналитические методы решения, с графическими методами только знакомили. Формулы для решения запоминали до автоматизма. Сложную задачу Потенота наловчились решать немногим более получаса. Нашу выучку мы неплохо продемонстрировали во время учебных стрельб на полигоне. Кабинетные занятия включали ознакомление с основами военной топографии, чтение карт, составление схематических планов местности и т.п. Запомнилась сакраментальная фраза из учебника военной топографии, которую неизменно громко цитировал ст. сержант Миша Балакшин из Муромы: «Лес молодой не менее 6 метров».

Наш полк входил в состав 1-й ОКА (Отдельная Краснознаменная армия). Штаб армии располагался на ст. Куйбышевка Восточная – г. Белогорск. 1-я ОКА в результате войны перебазировалась из Приморья в Приамурье. В армии полк, как теперь принято говорить, считался элитным. Его нередко посещали высшие чины из армии, благо и не далеко, и дорога – приличный грейдер с гравийным покрытием. Особенно памятен один генерал, которого мы, солдаты, звали генерал Малина. Вот вбегает к нам дежурный

по полку: «Ребята, срочно суконку». Драит сапоги до блеска и встречает генерала на плацу: «Товарищ генерал...!» Но генерал не так-то прост, в заднем шву голенища сапог он замечает некую пыльцу: «Капитан! Распороть, вычистить, зашить и доложить!» При входе в казарму дежурный по батарее сержант и дневальный вопят: «Батарея! Встать! Смирно!» Но для генерала это слабовато, недостаточно громко и грозно. Открывает дверцу печки и заставляет в нее орать: «Развивай храп!» Чем грубее и нелепее, тем остроумнее, с налетом великого юмора. И всегда чувствовалось некое глумление, стремление уязвить и унижить младшего по званию. Говорят, маршал Жуков был грубым. Видали мы всяких. Но тот хоть за дело, а эти удовольствия ради. Что-то я не встречал сладкоречивых генералов, если их не вынуждала к этому тема разговора, как это было в упоминаемом мной эпизоде с генералом Ивановым. Одно слово – Генерал! Обязывает!

К весне оказалось, что наш полк, хоть и гвардейский, тоже подлежит расформированию. Вскоре личный состав стали растаскивать по другим частям. Мы с Володей были на особой примете у командира полка, он намеревался взять нас в свой новый полк, который должен был получить после сдачи дел по старому. Народу в полку остается мало, а мы все сидим и уже тоскуем. Тут появляются новые покупатели из военно-топографического отряда. Совсем не представляя себе, что это такое, мы запросились в топографы. Оказал содействие полковой писарь, с которым мы подружились в последнее время, а командир полка, видимо, не уследил. Топографический отряд имел специфическую организацию, не похожую на обычные воинские формирования: отделение, взвод, рота, батальон, полк. В нашем 46-м отряде было 6 отделений, возглавляемых начальниками отделений в звании майора, подполковника. В отделении было 10–12 офицеров-топографов. Эти отделения и были основой отряда. К ним придавалась рота топографического обеспечения. На топографические съемки в весенне-летний период каждому топографу из состава роты вы-

делялась команда из 4–6 солдат. По окончании съемок солдаты вновь собирались в роту. По штату в роте на постоянной основе полагался только командир и пять сержантов: старшина и четыре помкомвзвода. Командиры взводов назначались временно из молодых топографов.

Мы на новом месте, в г. Свободный, где квартирует 46-й топографический отряд. Казарма вроде благоустроенного сарая. Вечером нас, новоприбывших, навещает командир роты капитан Езовит, из белорусов, и говорит с соответствующим акцентом, очень явственным. Перед нами он расписывает прелести службы летом на съемках. Приглядываюсь, и, как отец Варлаам Гришке Отрепьеву: «Постой! Да это, брат, уж не ты ли?» Точно! В 1941 г. он работал на съемках в нашем районе. Несколько дней он с командой из четырех солдат с сержантом квартировал в нашем доме. Потом его перевели в хату к Бугаю (фамилия). Он заставлял сержанта ночью караулить его «скретные» материалы, а днем же ему работать вместе со всеми. Мать жалела сержанта и считала его начальника ст. лейтенанта нехорошим и вредным человеком. Вот я и говорю: «Знаю я прелести вашей работы и вас знаю, лично видел в нашей деревне». Вспомнил деревню и все спрашивал про Бугая. Бугай мог его удовлетворить, не то, что мы, только начинавшие жизнь на новом месте. На колхозном отчетном собрании он как заведующий МТФ отчитывался так: «Что хотите робите. Бисово теля вси документы зьило». А старший лейтенант Езовит именно на этих съемках и проштрафился. После нашего вступления в Маньчжурю выявилась нестыковка некоторых топографических ориентиров по разные стороны границы. За неспособность к топографии он был определен на должность командира роты. Это была единственная штатная офицерская должность в роте, командирами взводов на зимний период временно назначались прибывавшие из училища молодые топографы. Обязанности ротного заключались в поддержании относительного порядка, «дисциплины» по его словам, во время казарменного содержания роты.

Совершенно безграмотный в общевойсковой подготовке наш ротный любил вообразить себя великим полководцем. В это время в роте стихийно образовался изрядный излишек сержантов человек в 15-20, когда по штату полагалось, не считая старшины, всего четыре сержанта. Освободившихся из расформированных частей сержантов просто девать было некуда. Этим приливом сержантов ротный очень гордился. Обычно, придя в расположение, он говорил с белорусским акцентом:

– Саржантский состав. Заходите ко мне в канцелярию на совещание.

Там он начинал разглагольствовать на самые разные темы:

– Что мне рота? Роты мне мало. Ротой командовать трудно. Вот если бы мне полк, там легко. Пришел, сказал и все.

Мы с Володькой подхватили эту тему:

– Товарищ капитан, а дивизией вы смогли бы командовать?

– Ха! Дивизией! Дивизией я, хоть сейчас, стал бы командовать.

– А армией?

Так мы дошли, кажется, до командующего фронтом, предложить ему командование в мировом масштабе, как у Чапаева, мы не рискнули, хотя он и упивался своим величием. Как-то он затеял разговор об атомной бомбе. Вещь загадочная, таинственная. О принципах распада радиоактивных элементов по школьному курсу, кажется, из всей компании имели некоторое понятие только мы с Володькой. Я при его поддержке начал импровизировать:

– В процессе развития материи конечным продуктом распада урана является свинец, так же, как высшим, конечным продуктом развития живой материи является человеческий мозг. И вы не обижайтесь, если я скажу, что у вас в голове свинец как конечный продукт развития материи.

– Ну, зачем же обижаться, я же понимаю.

Командирский зуд подвигнул его провести с нами тактико-строевое учение. Такое учение обычно проводится в батальонном составе. Батальон идет в походной колонне и по тревожной ко-

манде разворачивается последовательно поротно, повзводно, по отделениям веером в указанном направлении. Команды уставные, ни слова лишнего: «Танки с фронта! Укрытие справа! Воздух!» – авиационный налет и т.д. Вначале все шло нормально, опытные сержанты умело исполняли задачу, сглаживая огрехи командования. Но тут он вместо штатной команды «Воздух!» возгласил: «Ерапланы!» Надо бежать врассыпную, а нас душит смех. Поразвлекались.

Летом, как обычно, на топографические съемки роту разбили на команды. Я попал в отдельную группу из трех топографов, которая была выброшена на участок по западным склонам Сихотэ-Алиня. В группе было три топографа: капитан Черемнов и лейтенанты Гусев и Лябин. Опытный капитан Черемнов возглавлял группу, лейтенанты из училища в поле были впервые. Каждому топографу была задана трапеция на лист карты масштаба 1:100000 (трапеция – фигура, сужающаяся к северу по меридианам). В тех широтах сторона близкой к квадрату трапеции равнялась примерно 38-40 км. Наш участок был обеспечен геодезической съемкой, триангуляцией, с обустройством соответствующими вышками и аэрофотосъемкой. Топографы всю зиму работали с аэрофотоснимками и должны были по ним изготовить схематическую карту своей трапеции, по которой можно было бы ориентироваться на местности. В нашей команде, прикрепленной к лейтенанту Лябину, вместе со мной было шесть человек: Володя Кривов, Вася Лялюхин (они из Чернского р-на Тульской обл.), Чумаченко – Харьковской обл., Рогачев – Рязанской, Бублик – Полтавской. Солдаты призыва 1943 года, опытные. В команде капитана Черемнова была радиостанция для связи со штаб-квартирой в г. Свободный. Друзья-радисты, на стационаре в г. Свободный и таежный из нашей группы, кроме штатной связи на другой согласованной волне переговаривались на свободные темы. Впоследствии эта самодеятельность обернулась крупной неприятностью для начальника, да и для них самих.

Наш путь к месту назначения проходил в товарном вагоне до моста через р. Амур перед г. Хабаровском. Там мы увидели начало тоннеля под р. Амур, построенного на случай разрушения железнодорожного моста во время войны. Он еще содержался в глубоком секрете, хотя вряд ли об этом не знали заинтересованные структуры. От моста мы сплавились на лодках вниз по Амуру до с. Найхин, вроде столицы нанайской этнической группы. Отсюда наши пути разделились. Две группы пошли по р. Анюй на лодках, а мы на нанятой подводке по лесной дороге до ближайшего населенного пункта Арсеньевка. Довольно большой поселок располагался в 30-40 км к востоку от Найхина. Население составляли спецпереселенцы из бывших кулаков и других, как теперь говорят, репрессированных элементов. Основное занятие – лесозаготовка и лесосплав. Для жителей поселка был установлен комендантский режим. Без разрешения коменданта никто не мог отлучиться из этого района, хотя дети некоторых поселенцев в это время уже учились в Хабаровске.

Дальнейший путь наш к границам нашей трапеции шел вглубь тайги по рекам, последняя из которых называлась Мади. Для транспортировки груза (инструмент, снаряжение, продукты питания) были наняты две лодки-плоскодонки. Кормчими на них были местный житель со своим взрослым сыном. Мы еще в предгорьях Сихотэ-Алиня, но реки с многочисленными, иногда затяжными, порогами, нередко чуть ли не через каждые 100-300 м. Двигаемся, отталкиваясь шестами. Главный пост на корме и опытный лодочник искусно удерживает лодку против течения, не давая ей развернуться боком и опрокинуться. Мы по двое по сторонам в каждой лодке усиленно толкаем ее вперед. Неопытные, иногда мы не справляемся на затяжном пороге, выпрыгиваем в воду и по камням толкаем лодку руками за ее борта. Вода холодная, но мы как-то не обращаем на это внимания. Наконец причаливаем у группы построек вроде какого-то поселка. Поселок из бараков или казарм с необходимыми службами (пекарня, столовая с кух-

ней, баня и т.п.) еще совсем свежий, но совершенно пустой. Говорят, что здесь работали пленные японцы. Неизвестно, где они теперь? Репатриация маловероятна. Я видел пленных японцев на стройках в Комсомольске в 1949 г. Мы обосновались в отдельном домике, видимо, комендантском. Перед домиком высоко к сосне прибита жестянка с настораживающей надписью: «Осторожно! Согнем!»»

Дальше мы должны были добираться пешком. Проводником согласился быть охотник из Арсеньевки, тоже административно высланный. По договору с ОРСом (Отдел рабочего снабжения) леспромхоза он снабжал мясом бригады лесорубов на участках. Орудием добычи у него была берданка под винтовочные патроны. При нем была собачка лаечной породы, небольшая, но очень цепкая. Она находила и останавливала зверя, лаем привлекая охотника, и могла остановить даже медведя и не дать ему уйти. Охотник по тропе довел нас до своей небольшой зверовой землянки – базы его промысла. У нас она стала перевалочным пунктом. Сюда мы за семь или восемь ходок перетасили свое имущество. Оставался еще один рывок, но наш лейтенант дальше от услуг охотника отказался. Он мотивировал свое решение опасением за сохранность неких секретных материалов, в частности аэрофотоснимков, и ненадежностью нашего спутника как ссыльнопоселенца. Белогвардейцы, кулаки, шпионы и черт знает что еще гнездились в его мозгу. По нашему солдатскому мнению, он просто сэконо-мил деньги, которые ему были отпущены на наем проводника. С проводником мы не испытали бы того блуда, которого мы потерпели с нашим лейтенантом. Даже не в пример опытный путешественник Владимир Клавдиевич Арсеньев всегда прибегал к помощи проводника.

Последний переход лежал к западной границе нашей трапедии, обозначенной сопкой «Сухая», как называл ее наш лейтенант. В Атласе Хабаровского края 2004 г. она обозначена как «вершина Сооли» высотой 1092 м. На ее вершине был установ-

лен тригонометрический знак – высокая свежесрубленная вышка, с которой открывался широкий обзор с двумя или тремя такими же вышками на вершинах в пределах прямой видимости. Путь наш проходил по долине к верховьям речки, гремящей по каменистому руслу довольно широким, но мелким потоком. Базу мы устроили на мысу немного выше впадения в нее другого потока поменьше. Среди деревьев, окружавших нашу полянку, выделялся огромный кедр. Мы втроем не могли охватить ствол этого великана.

«Некоторые деревья поражали своей величиной. Измеренные стволы их в обхвате на грудной высоте дали следующие цифры: кедр – 2,9, пихта – 1,4, ель – 2,8, береза белая – 2,3, тополь – 3,5 и пробковое дерево – 1,4 метра» (Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю).

На площадке мыса была поставлена палатка с самодельными нарами у одной из стенок для всей компании. Под продукты мы устроили лабаз – помост на четырех близ стоящих деревьях на высоте около 3 м («на сваях») и обшили его по бокам и крыше корой с ободранных елок. Для предохранения от грызунов деревья, служившие опорами для лабаза, также были ободраны. За все лето наши продукты не потерпели ни малейшего урона и порчи ни от зверья, ни от проливных дождей. Запас продуктов у нас был рассчитан на три месяца по солдатской норме того времени. Сюда входили сухари (часть пайка была выдана мукой), крупа (пшено, овсянка, пшеничная сечка), концентрат для щей в виде спрессованных брикетов, сахар, чай, соль, мясные и рыбные консервы. Моей задачей было суметь растянуть этот запас на весь срок, выделяя продукты ежедневно строго по норме. Как это ни странно, я сумел это сделать. Только последнюю неделю пришлось подтягивать животы и сокращать паек вдвое, хотя и все остальное время было негусто.

После небольшой передышки мы стали готовиться к выходу. В первую очередь нужно было определить набор необходимого

снаряжения и продовольствия на 10 дней похода. Груз набирался изрядный, и его надо было распределить по душам более или менее равномерно, учитывая убыль продуктов в походе. Первоначальная ноша доходила до 40 кг на брата. Рюкзаками служили котомки из обычных мешков. Сложенные широкой лентой плащпалатки привязывались к ним вместо лямок – и подстилка, и крыша на биваках. Сверху на «сидор» надевалась телогрейка. Винтовка как дополнительный груз носилась по очереди. Была у нас и еще одна винтовка, японская. Она была полегче, и ее вызвался носить сам лейтенант. Никаким другим грузом он не был обременен, кроме полевой сумки в солдатском вещмешке. На этот «груз» его хватило только на первый выход и то не до конца. Мне же эта винтовка казалась непривычной, не по руке и потому не нравилась. А наша оказалась очень хорошо пристреляна, я попадал из нее стоя в доннышко консервной банки на расстоянии 100 м, а потом успешно подстреливал отдельных рябчиков, которых по свисту удавалось выследить в лесной чаще.

Однако сразу обнаружилось, что главная трудность состоит в определении порядка и способа нашей работы. Как уже было сказано, наш участок был обеспечен аэрофотосъемкой. У нашего топографа имелся полный комплект аэрофотоснимков и, как я узнал позже, хорошего качества, без существенных пробелов или разрывов. Топограф просидел над ними целую зиму со стереоскопом и составил предварительную схему карты. Как я понял, нам предстояло от существующих тригонометрических пунктов определить точные координаты узловых точек на трапеции и их высоты по измерению вертикальных углов, обеспечивающих привязку к ним общего рельефа местности. И тут выяснилось – наш топограф не знает, что делать и с чего начать. Со своей стороны я соображал, что эту работу можно сделать двумя способами. Можно было обойти трапецию, на выдающихся высотах установить хорошо заметные вехи и потом засечь их с тригонометрических пунктов. Но это трудоемко, практически двойной обход. Я пред-

ложил способ, известный мне по службе в арtpолку во взводе топографической разведки как задача Потенота. От намеченной точки замеряются углы между тремя известными, благо вышки тригонометрических пунктов отовсюду просматривались хорошо, и по ним решается соответствующая задача по определению ее координат. В этом случае трапецию достаточно обойти один раз. По наивности я еще плохо усвоил или совсем еще не усвоил истину: инициатива наказуема.

Дополнительная трудность заключалась в особенностях рельефа. Сопки западного склона Сихотэ-Алиня имеют вид холмов с довольно пологими склонами, не выступающими сколько-нибудь заметными пиками вершин. Даже более рельефно выраженные восточные склоны хребта В.К. Арсеньев описывает почти так же: «Я ожидал увидеть громаду гор и причудливые горные вершины, но передо мной был ровный хребет с плоским гребнем и постепенным переходом от куполообразных вершин к широким седловинам». Покатые вершины покрыты густым первобытным лесом, закрывающим обзор. Для этого надо подняться на самое высокое дерево, растущее на вершине сопки. Опять же мне пришлось предложить лейтенанту: «Давайте мы вам будем устраивать гнездо на дереве, на спиленной верхушке устанавливать теодолит, и там вы будете работать». Результаты измерений записывал кто-нибудь из нас внизу с его голоса.

Точность измерения углов теодолитом относительная: в любом случае дерево покачивается, что искажает результат измерения. Ошибку отчасти можно исправить троекратным (не менее!) измерением параметров и выводом средней величины, но наш топограф этого не делал. Высоту дерева (чаще всего это были елки) измеряли с помощью связанных обмоток. Обычно она достигала 32–35 м.

Первый наш выход (впрочем, как и все последующие) нельзя назвать удачным. В тайге можно передвигаться только вереницей, гуськом. Путь всегда извилист. Приходится обходить

многочисленные лесные завалы и другие препятствия, петлять. Иногда перед нами вставал завал, сплошь устилавший весь склон сопки поваленным лесом. Случалось продираться и через такой лесоповал.

«В горах растительный слой почвы очень незначителен, поэтому корни деревьев не углубляются в землю, а распространяются по поверхности. Вследствие этого деревья стоят непрочно и легко опрокидываются ветрами. Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшие деревья поднимают кверху свои корни вместе с землей и с застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядом такие баррикады достигают высоты до 4–6 метров. Вот почему лесные тропы очень извилисты» (В.К. Арсеньев).

Попадались звериные тропинки. По тропинке, какая бы она ни была, идти всегда легче и быстрее в два-три раза, но она не всегда совпадает с нашим маршрутом и может незаметно отклониться далеко в сторону. Во всех случаях было необходимо выдерживать общий курс. За этим должен был следить наш лейтенант. Я всегда шел первым, и он, идущий в колонне третьим, должен был задавать мне направление. Иначе первый сразу собьется с пути истинного, станет кружить. Тут-то и выявилась неспособность нашего лейтенанта выдерживать направление и более или менее сносно ориентироваться, и Володя Кривов, четвертый в колонне, иногда с ним спорил: «Не туда мы идем!» Тайга не прощает легкомыслия. Это сплошной лес с густым непроницаемым для глаз подлеском; стеной стоят вековые ели и сосны, покрытые свисающим с ветвей и стволов мхом, густая хвоя ветвей наглухо закрывают небосвод. Можно днями брести по мрачному темному лесу без всякого просвета наверху. Такой лес постепенно наводит какое-то тоскливое, гнетущее чувство.

«Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга – это девственный и первобытный лес» (В.К. Арсеньев).

Ориентироваться в тайге действительно было трудно. Взойдя на очередную сопку, нужно было влезть на дерево, чтобы обозреть окрестности. Обычно это приходилось делать мне и Володе по очереди, и мы, естественно, уставали больше. Пробовал посылать других – бесполезно, не разбирались в обстановке. Смотрящий сверху голосом докладывал увиденное, начальник внизу по его ориентировке на своей схеме пытался определить настоящее местоположение и направление дальнейшего маршрута. Сам наш топограф избегал такой гимнастики.

Он часто говорит, что особенно хорошо у него сделана гидросхема. Может и так, но там нередко можно было слышать журчание ручья в глубине под камнями на середине склона сопки. Иногда, слезши с дерева, я тоже рассматривал его карту-схему и понял, что рельеф у него был отображен неудовлетворительно. Все-таки сам по себе он там был довольно выразителен. Гряды сопок иногда перемежались довольно обширными заболоченными низинами – марями, но по его схеме понять это было нельзя. Поэтому мы нередко блудили. Я удивлялся его неумению выдерживать направление, а Володя Кривов опять кричал: «Не туда мы идем!»

«Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться» (В.К. Арсеньев).

В первый выход мы попали на обширную марь. Вся поверхность ее была густо истоптана копытами оленей или изюбрей, а, может, и тех и других. Мы решили поохотиться и вдвоем с Васей Лялюхиным всю ночь просидели в засаде, но ничего не обнаружили. Были и ушли. А где они теперь? Здесь нас особенно жестоко атаковала мошка. Комара и всякого иного гнуса было и до этого более чем достаточно, но тут было что-то особенное.

«Мошка слепит глаза, забивается в волосы, уши, забивается в рукава (и под обмотки в ботинки) и нестерпимо кусает шею. Лицо опухает, как при рожистом воспалении» (В.К. Арсеньев).

Для приготовления пищи у нас была одна объемистая кастрюля, в которой готовилось что-нибудь одно, нечто среднее между супом и кашей. Не успело свариться, а уже покрылось пепельным слоем мошки. Пробовали отчерпывать – еда убывает, а мошка прибывает, обданная паром, она продолжает валиться в наше кушанье.

«Меня мучила жажда, и я попросил чаю.

– Пить нельзя, – сказал казак Эпов, подавая кружку.

Я поднес ее к губам и увидел, что вся поверхность чая была покрыта какой-то пылью.

– Что это такое? – спросил я казака.

– Гнус, ответил он. – Его обварило паром, он нападал в горячую воду.

Сначала я пробовал сдуть мошек ртом, потом пришлось снимать их ложкой, но каждый раз, как я прекращал работу, они снова наполняли кружку. Казак оказался прав. ... Я выплеснул чай на землю» (В.К. Арсеньев).

Мы пренебрегли чувством брезгливости и бодро доели наше кушанье вместе с мошкой. Недавно один несостоявшийся «рекордсмен» американец проглотил несколько тараканов и тут же скончался в мучительных корчах. Наша натура и патриотизм превозмогли, и ничего с нами не было. Разыгрывались сцены, буквально повторявшие заметки В.К. Арсеньева. Все пытаются уснуть, закутываясь в плащпалатки как можно плотнее, но мошка неумолимо гложет. Тишина. Каждый думает, что все спят, а он один мучается. Вдруг один (это был сержант Зиновенко из команды капитана Черемнова) вскидывается с распахнутой грудью: «Нате, жрите меня, сволочи!» Общий хохот. Никто не спит, но вставать к костру не спешит.

«Нате, ешьте, черт вас возьми! – крикнул он, раскрываясь, и раскинул в сторону руки. Раздался общий смех. Оказалось, что не он один, все не спали ...». «На месте костра поверх золы лежал слой мошкары. В несметном количестве она падала на огонь до тех пор, пока он не погас».

«Нетерпеливого человека гнус может довести до слез»
(В.К. Арсеньев).

Местные таежники спасаются от комара и мошки под бязевым пологом. У нас таких не было, и мы придумали на сон грядущий залезать с головой в матрасные наволочки, предварительно тщательно заштопав все дырочки. Но это было уже в следующие выходы.

«Я невольно обратил внимание на окна. Они были с двойными рамами в четыре стекла. Пространство же между ними почти до половины нижних стекол было заполнено чем-то серовато-желтоватым. Сначала я думал, что это опилки, и спросил хозяйку, зачем их туда насыпали.

– Какие это опилки, – сказала женщина, – это комары. Я подошел поближе. Действительно, это были сухие комары. Их тут было, по крайней мере, с полкилограмма.

– Мы только и спасаемся от них двумя рамами в окнах, – продолжала она» (В.К. Арсеньев).

В первый наш выход мы были еще свежими, полными сил и сходу преодолевали по два, три перевала подряд. При правильно спланированном маршруте могли бы много сделать. Маловероятно, чтобы за 10 дней мы прошли менее 100 км. Думаю, гораздо больше, отряд В.К. Арсеньева проходил за день 15–25 км. Каждый час у нас был привал на 10 мин., мы осматривались и обирали клещей. Впившихся вытаскивали. Старались не оборвать и не оставить оторванной головки под кожей. «Через спину его тащи, через спину!» Тогда энцефалит, называвшийся японским, был только в приморской тайге, и мы были от него привиты. Операция болезненная, но не гарантирующая от последствий укуса клеща. В 1949 г. на съемках в районе Комсомольска-на Амуре от энцефалитного клеща пострадал наш сержант Женя Желтов. Больше месяца он находился на излечении в военном госпитале, но возвратился в отряд с серьезными остаточными симптомами заболевания. При некоторой физической нагрузке болела голова.

Женя был комиссован по чистой и демобилизован – случай для того времени небывалый. Шел пятый год нашей службы в армии, а о демобилизации мы и не помышляли.

Ближе к северной границе трапеции, куда мы шли от высоты Сухая, наш лейтенант мечтал найти перевал, служивший водоразделом между притоками р. Анюй и верховьями р. Хор, правого притока р. Усури. Его упоминал в своих записках В.К. Арсеньев. Через перевал мы должны были повернуть с северного направления маршрута на юго-восток и, пройдя некоторое расстояние вдоль долины р. Хор, повернуть на запад с выходом на нашу высоту Сухая и завершить наш первый маршрут. Как-то сразу пошло все неладно. Идем, а перевала все нет, и не понятно, куда идем? А тут еще с выходом на полянку метрах в десяти передо мной из травы выскакивает медведь. По моей памяти, он был высотой в холке около 80-90 см, медвежонок, и довольно толстый. С винтовкой замыкающий, продирается через кусты и еще ничего не видит. Кричу: «Винтовку давай сюда!» А лейтенант, третий за мной, тоже с винтовкой, замер по стойке смирно с остекленелыми глазами. Володя Кривов с разбегу сдергивает у него с плеча винтовку, подбегает ко мне: «Где?!» А дальше по склону густой непроглядный молодой ельник, ищи, свищи. После все смеялись, что я кричал не своим голосом, а я отнекивался – своим, а еще – кто и как испугался. В таких случаях каждый оценивает ситуацию по-своему и обязательно с юмором. Это теперь медвежонок, а тогда – медведь!

Более трагично могла закончиться такая встреча в 1949 году. Отряд в полном составе тогда работал в районе Комсомольска-на-Амуре. Район топольеюк отряда примыкал с севера к нашему участку 1947 года и был таким же таежным. Команда одного топографа в походе потревожила медведицу с медвежатами (видели одного). Нет ничего опаснее медведицы с медвежатами. По счастью, она напала на замыкающего, и именно у него была винтовка, как у нас всегда получалось. Удар лапой пришелся по сидору

на горбу солдата, прикрывшему его затылок. Медведица рванула, солдат отлетел в одну сторону, котомка в другую. От удара солдат потерял сознание и не шевелился. Замерли на месте и остальные. Офицер достал пистолет, но стрелять воздержался. Матерого медведя и из винтовки не сразу убьешь, а из пистолета тем более. Раненая и разъяренная медведица покалечила бы всю команду. А тут никто не двигался. Медведица поревела над поверженным и удалилась в чащу за убежавшими медвежатами. Все кончилось благополучно, только кастрюля, уложенная в котомке вверх дном, была пробита когтями как пятью пулями.

Смех – смехом, а мы идем в непонятном направлении и выходим на реку, ровным довольно широким и быстрым потоком текущую, по моим прикидкам, приблизительно на запад-северо-запад. Тормасу, левый приток Анюя? «А иде мы есть?» Наконец, начинает прозревать и наш вожатый. Отзывает меня в сторону и как бы по секрету сообщает: «Сержант, кажется, заблудились!» А от кого секрет-то соблюдать? Ребята сбились в кучку, настороженно переглядываются. Подхожу.

– Что? Заблудились, да?

– Да, заблудились, и похоже, вышли уже довольно далеко за северный край нашей трапеции.

Еще со свежими силами легко перемахнули за ее пределы. Общее совещание. Предлагаются самые разные варианты. Самый радикальный – связать плот и по рекам добираться до какого-нибудь населенного пункта. А положение серьезное. Остаток продовольствия мы можем растянуть не более чем на полтора дня. Принимаем наиболее здоровое и реальное решение: без паники идти напрямик к высоте Сухая. Ее не видно, но мы знаем – она находится в южном направлении. Главное – не сбиваться с взятого курса.

На третий день утром доедаем крохи из остатков и идем напролом с короткими привалами. К вечеру выходим на небольшую порожистую речушку и некоторое время идем прямо по ее руслу, миную лесные завалы по ее долине. По камням, беспорядочно усти-

лающим дно реки, это тоже нелегко, можно запросто ноги переломать. В стороне, в нескольких метрах от нас с грохотом по камням поднимается и убегает какой-то зверь, но за переплетенной лианами густой порослью мы его не видим. Тут я замечаю в небольших разводах мелькающих рыбешек и стреляю. Я знаю, попадать точно не обязательно. Энергия пули создает в воде такое давление, которое глушит рыбу. Таким образом я добыл трех ленков, рыбок из породы лососей, длиной до 30-40 см. Вскоре мне под выстрел попадаются рябчик и горлица, тоже добыча. Под конец мы выходим на знакомую тропу и по ней достигаем зверовой землянки нашего охотника. На ужин три рыбка, голубь и буржуйский деликатес – рябчик.

«По пути мы раза два стреляли мелких птиц и убили трех поползней и дятла, но что значили эти птицы для пяти человек! ... После такого легкого ужина, чтобы не мучиться голодом, все люди легли спать» (В.К. Арсеньев).

Утром обнаруживаем, что наш лейтенант бесследно исчез. Японская винтовка, носить которую он гордо вызвался сам, оставлена прислоненной к деревцу. Видимо, он оказался неспособным переносить тяготы военной службы, сосущее чувство голода погнало его на базу без оглядки. Подбираю брошенную им винтовку. Ребята, возмущенные непристойным поступком лейтенанта, фактически бросившего нас на произвол, уговаривают меня не брать ее: «Брось! Не видели! Откуда мы знали?»

«Продовольствия у нас не было ни крошки. Через силу мы поднялись, и пошли дальше вниз по реке» (В.К. Арсеньев).

Но мы уже были на тропе к базе и бодро прошли оставшийся путь. На базе некоторое время отдыхаем. Заболел Вася Лялюхин. Он стал опухать, как от водянки. При движении от сотрясения он испытывает боль во всем теле. За ушами разведенные мошкарый болячки вроде экземы. Как я теперь понимаю, вероятно, это аллергия на укусы комаров и мошкарый. Стараемся обеспечить ему покой и ничем не нагружать. На следующий выход мы оставили его на базе. Других средств лечения у нас нет.

«Здесь я окончательно свалился с ног; меня трясла сильная лихорадка, и почему-то опухли лицо, ноги, руки» (В.К. Арсеньев).

Наш лейтенант принимается за вычисление координат обработанных нами точек. У него в запасе оказался тюлевый полог, и он засел под ним на полянке с толстыми книгами по геодезии и семизначными таблицами логарифмов. Сидит третий день, а результата не видно. Опять черт меня дернул: «Товарищ лейтенант! А давайте я попробую решить эти задачи по своему, артиллерийски». Я не знаю, может быть, он решает по каким-то более сложным формулам. А из своей артиллерийской практики формулы задачи Потенота я еще помнил прекрасно и такую задачу мог решить за полчаса, в этом случае примерно за час. Показываю решение:

– С вашими результатами сходится?

– Сходится.

Мои успехи вдохновили нашего топографа, и он переложил всю эту работу на меня. Мне не трудно, развлечение. Но! Инициатива наказуема, и я еще не предполагал, чем для меня все это может кончиться.

Следующие наши выходы на съемку не так памятливы. Хотя с нашим поводырем мы иногда опять блудили, но уже не так отчаянно. Однажды мы попали в полосу таких плотных туманов, что буквально уже в трех шагах видимость терялась. Идем по широкому гребню хребта и видим свежий след по росистой траве. Кто?! Где?! Оказалось, мы сами. И круг-то сделали диаметром не более 100 метров.

«По хребту, поросшему лесом, надо идти всегда осторожно, надо часто останавливаться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана» (В.К. Арсеньев).

«Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые на-

ходились в непосредственной близости от меня. ... Вдруг опять появился туман, и такой густой, что казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие» (В.К. Арсеньев).

Сказывался опыт. От мошки мы спасались быстрой ходьбой, а ночью в матрасной наволочке. Однако появился мокрец. Этот и на ходу не давал житья, а в накомарниках, заимствованных от пчеловодов, было душно. В этих походах я уже плохо представлял себе конкретные места нашей работы на трапеции, но уверен, что до восточного ее края мы не доходили и этот участок не был обеспечен надлежащей съемкой. Пережили короткий период дождей. Обильная влага с кустов непрерывно осыпает человека с головы до ног, он становится мокрее воды и начинает стынуть до дрожи во всем теле. Первым взмолился дрожащим голосом наш лейтенант: «Сержант! Костер!» Обогрелись у костра и пошли дальше. Ну а мне, идущему первым, и вся роса первая.

Дневной переход был всегда утомителен, и после ужина с заходом солнца мы сразу ложились спать. Никакого особого бивака мы не устраивали. Стелили лапник, покрывали его плащпалаткой и на это логово ложились плотной группой, прикрывшись остальными плащпалатками. Оставлять на ночь часового для охраны мы и не думали. За все время блужданий нас никто не потревожил. Один только раз я увидел близ нашего лежбища свежий помет. Медведь? Не знаю. Если и он самый, то летом этот зверь сытый и мог подойти разве из любопытства. Целое лето пробыли мы в тайге почти нехоженой, но ни разу не видели каких-то чудес вроде леших, снежных человеков, летающих тарелок (12 февраля 1947 г., т.е. примерно за 4 месяца до нас, близ этого места упал знаменитый Сихотэ-Алинский железный с никелем метеорит массой до 70 тонн. На площади 3 км выпал железный дождь, на месте падения обнаружено более 100 воронок, собрано 27 тонн обломков), ни других привидений, досужими байками о которых в наше беспокойное время переполнены все так называемые средства массовой информации, СМИ. Однажды у нас на пути вы-

ползла огромная черная змея. С перепуга мы бросились убивать ее и только потом сообразили, что это был безобидный амурский полоз, неядовитый удавчик длиной около двух метров. Точно так же поступили казаки из команды В.К. Арсеньева при встрече с такой змеей. «Вдруг длинная темная полоса мелькнула в стороне. Стрелки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по траве, направляясь к кустарникам. Стрелки бежали по сторонам, не решаясь подойти к нему близко. Их пугали размеры змеи. ... Он (полоз) был длиной 1,9 метра при толщине 6 сантиметров» (В.К. Арсеньев). Теперь-то я знаю, что мы убили эту неповинную тварь совершенно напрасно. Ничем он нам не угрожал, только неведение – страх в глазах!

После второго выхода нужно было доставить донесение капитану Черемнову о ходе работ, а он по рации должен был рапортовать в штаб отряда в г. Свободный. Были посланы поправившийся Вася Лялюхин и Володя Кривов. Возвратились они благополучно. В пути встретили удэгейца. Удэгейцы – небольшой народ общей численностью немногим более 1000. В этом месте для них построен специальный поселок, но в домах они почти не живут и предпочитают кочевой образ жизни. Наш удэгеец с женой и сыном лет 13-ти тоже путешествовал по Анюю на своем долбленом челне – бате и попутно доставил их к Черемнову. На носу челна прикрытое брезентиком хозяйство: котелок, небольшой запас крупы, другая мелочь и привязанная за ногу курица. Часов около 12-ти хозяин останавливается на обед, для чего ловит рыбу. Малый сейчас же выдирает у нее и съедает глаза. Жена счищает у рыбы чешую и режет ее непотрошеную на лопасти весла как лапшу. Полученное крошево, слегка присолив, едоки отправляют горстями себе в рот сырьем.

Из похода ребята принесли печеного хлеба, который выменяли на муку в поселковой пекарне. Хлебный паек нам был выдан не только сухарями, но частично и мукой. Наш умелец Чумаченко тоже вознамерился испечь хлеб. Из камней он сложил печурку

с низким сводом, из консервных банок склепал формочки, вместо дрожжей сделал закваску из сухарей. Как ни странно, но хлеб у него получился вполне съедобный. По заведенному порядку мы кашеварили по очереди, чтобы никому не было обидно. Чумаченко всегда похвалялся своим умением готовить. Он упорно утверждал, что его варево неизмеримо лучше нашего, и в этом деле все мы против него неумелая мелкота. Над ним часто шутили, пересмеивались, не придавая этому никакого серьезного значения. Однажды Володя Кривов, первым отведав его кушанье, заметил:

– Ты зачем щи пересолил?

– Ни, це я не пересолив, а тильки два раза посолив.

Чумаченко хотел доказать свое умение посолить кушанье сразу на глазок, не пробуя, но в этот раз по забывчивости сыпанул соли второй раз. Володя добивался истины

– Все равно пересолил! Ты хоть сто раз соли, да не пересаливай. Сознайся! Пересолил!

– Ни! Я тильки два раза посолив.

Спор мог продолжаться до бесконечности и нередко вновь возникал уже после нашего прибытия на зимние квартиры.

Между прочим, наши посланцы с донесением в штаб принесли радиограмму с распоряжением экономить продукты за счет добавки в рацион дикоросов (плодов таежных растений). Дикоросы были. Первой проявилась красная смородина, в изобилии росшая по берегам ручьев и речек. В августе стали созревать и другие «дикоросы». Плоды актинидии (лиана, по местному кишмиш) были сладки до приторности, и мы не решались по многу съедать их. Были съедобны и плоды жимолости. Поедание черного винограда, гроздьями висящего на вьющейся по деревьям лозе, останавливало только нарастающая кислота во рту. Ели мы и лимонник, тоже растущий красными кистями на лианах. Он действительно напоминает вкусом лимон, но слишком кислый, и его много не съешь. Но все это, как говорил чеховский персо-

наж из рассказа «Сирена», еда не существенная, ею не насытишься. Более практичное применение мы нашли голубике. Она покрывала некоторые распадки и долины между сопок сплошным голубым ковром. Чумаченко придумал некую мельничку, на которой мы размальывали овсянку и из муки с голубикой готовили вкусный кисель.

Охота на зверя в тайге только со стороны кажется легким делом. На это требуется время и опыт. Ни того, ни другого у нас не было. Иногда мы спугивали какого-то зверя вроде лося, но за густым подлеском его не видели. «Кто не бывал в тайге Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя увидеть. В четырех или шести метрах не раз случалось подымать с лежки зверя, и только шум и треск сучьев указывал направление, в котором уходило животное» (В.К. Арсеньев. По Уссурийскому краю). Посланный вниз к ручью за водой Володя Кривов встретил внезапно вставшего перед ним огромного лося: «Я испугался, думал, он меня забодает». Ведь сам-то он был без винтовки.

Один раз мы с Володькой гонялись за кем-то, где на подъеме по склону сопки растительность была не столь густой, с небольшими проплешинами. Зверь только мелькал в просветах между кустов. Нам командуют: «Туда побежал! Сюда побежал! Заходи! Окружай!» Черт ли его окружит, мелькнет – и нет его. Потом спорили, что это было. Кто говорит кабан, а кто – коза, олень, а то и вовсе медведь. Один только раз мне выпал великолепный шанс добыть зверя, и я позорно его прошляпил. Выходим на просторную поляну. Ребята говорят: «Место хорошее. Тут может что-нибудь нам попадет. Сержант, ты хорошо стреляешь, иди вперед». И суют мне в руки эту самую японскую винтовку, а сами отстают. Иду один, метрах в тридцати от меня с лежки вскакивает крупный изюбрь-рогач и бежит по чистому пространству, весь на виду. На мне мешок сухарей. Груз явно за 40 кг, взят из расчета убывания в пути. А у нас только второй день от выхода с базы. Руки в плечах

перетянули лямки. Поднимаю винтовку, а руки не поднимаются. Стреляю – мимо. Злюсь. Сейчас я тебя, вторым! Передергиваю затвор, прицеливаюсь, жму на курок – выстрела нет. Впопыхах я не до конца отвел затвор назад, курок не зашел за шептало, и патрон не дослан в патронник. Вот она, непривычная винтовка! Подвело и непривычное прицельное приспособление. Вместо прорези на гребне прицельной планки у нашей винтовки, в которую ловится мушка, у этой узкое диоптрийное отверстие. С нашей винтовкой можно поймать дичь в прицел навскидку, а с этой? Узреть сначала дырочку и в нее ловить мушку? Навскидку не получится. Передергиваю затвор вновь, а изюбрь скрылся за куртиной кустов. Первый ко мне подбегает не обремененный ношей лейтенант. Отдаю ему винтовку – заряжена. Он обегает кусты с другой стороны и, стоя, начинает целиться в стоячего изюбря. Васька Лялюхин, набегаая, кричит: «От дерева, товарищ лейтенант, от дерева!» Тот не внимает и продолжает целиться, по-моему, не меньше минуты, если не больше. Наконец стреляет. Треск сучьев в чаще от убегающего зверя. Обыскиваем местность, никаких признаков попадания. Ребята сокрушаются только по поводу моего промаха. В таких мелких попадал без промаха, а тут?! Подвела моя горячность. Надо было скинуть сидор, распрямить руки и стрелять с упора с этого самого мешка. Изюбрь еще бежал рысью, и времени хватало и спокойно прицелиться, и выстрелить.

К концу срока наших блужданий в тайге мы сильно отощали и заметно ослабели. Теперь мы могли сходу преодолеть только один перевал, а не два-три, как прежде. Иногда мы делали передышку при восхождении на седловину и при спуске у подножья. Между тем и продовольствие, выданное нам на срок до 1 сентября, кончалось. Я видел, что даже при жесточайшей экономии на последние три или четыре дня у нас ничего не останется. За неделю или дней за десять до конца августа было решено выходить из тайги. Мы уже не так были отягощены большими запасами, но и остальное снаряжение оказалось увесисто, и нам надо было поднять его за одну

ходку. А мы были на пределе сил. Даже сравнительно небольшая ноша до боли резала лямками натруженные плечи.

«Надо идти, пока еще есть возможность, пока еще двигаются ноги. Но едва мы тронулись в путь, как я почувствовал, что силы уже не те: котомка показалась мне вдвое тяжелее, чем вчера, через каждые полкилометра мы садились и отдыхали. Хотелось лежать и ничего не делать. Плохой признак» (В.К. Арсеньев).

Наш путь лежал до бараков на р. Мади. По проторенной нами тропе мы преодолели его за один переход, не останавливаясь у зверовой землянки. Ненадолго задержались на широком распадке, густо поросшем кустистой голубикой и от того расцвеченном в сплошной сине-голубой покров. Здесь мы набрали достаточно ягоды и на выходе из долины встретили неожиданных пришельцев в лице командира отряда подполковника Ковезы в сопровождении офицера и солдата-носильщика Крысько. Крысько, не в пример нам, был обут в новые немецкие сапоги, подошвы которых были подбиты гвоздями с выступающими шляпками в виде тупых шипов. Подполковник Ковеза со спутниками намеревался после нас посетить еще и работавшего восточнее топографа Гусева. Мы отговаривали его от этой затеи. Измученные блужданиями, мы не верили в благополучный исход путешествия. Мы исходили из своего опыта. Теперь же я думаю, что опытный топограф, каким, несомненно, был подполковник Ковеза, мог проделать этот путь без чрезмерных усилий. Всего-то 50 или 60 километров, пусть и по тайге. Лишь бы не блудить.

Вместе с возвращенными путешественниками мы благополучно достигли бараков, где и заночевали в домике, который я называю комендантским. На ужин мы предложили подполковнику и его спутникам по миске киселя из овсянки с голубикой, заправленного имевшимся еще у нас комбижиром. Он удивился: «Кисель же едят из стакана, ну из кружки». А потом согласился: «Да, такой кисель действительно нужно есть из миски». На другой день, распрощавшись с неожиданными гостями, мы стали готовиться к выходу из тайги. Измученные ношами котомок на лямках, мы

задумали изготовить лодку, чтобы на ней сплавиться вниз по реке. Лодочка у нас получилась маловатой и двух гребцов с некоторым грузом не держала, а один не мог управиться с ней на порогах ни в коем случае. Кто-то предложил приспособить под лодку более объемистое корыто, в котором замешивался хлеб в местной пекарне. Но эта «лодка» оказалась тяжелой, неповоротливой, на порогах почти неуправляемой. На первом же пороге ее развернуло боком и садануло под упавшее и наполовину перегородившее поток дерево. Нам пришлось с трудом выуживать затонувшие и застрявшие в ветвях вещи.

С приключениями, но мы добрались до Сплавного, одиночного барака на р. Мади. При бараке был небольшой огород с картошкой, и мы употребили ее вдоволь до перенасыщения в компенсацию за многие дни недоедания.

«Эх, картошка – объеденье – денье – денье,
Пионеров идеал – ал – ал!»

На последующем участке нашего пути мы должны были форсировать реку, перейти на другую ее сторону. В этом я не видел никакой проблемы. Свалим у берега дерево через реку и по нему перейдем. Но у переправы дорогу перегородил широкий быстрый поток вздувшейся от дождей реки. И тут, как по мановению волшебной палочки, из-за поворота выплывает челнок знакомого удэгейца. Трое в лодке, и теперь без курицы. Интересная семейка: все трое хромые на правую ногу. Может быть, от постоянного толкания челна шестом? Мы закричали, и туземец весело перевез нас по одному на другую сторону. Дальнейший путь – дело привычное.

В поселке комендант выделил нам просторное помещение в каком-то бараке, видимо, общественного назначения. Там была кухонная плита, и мы хорошо устроились. На новом месте начальник сразу же усадил меня за свои вычисления. Это было не обременительно, но тут случилось так, что я неожиданно почувствовал недомогание. К вечеру у меня отяжелела и разболелась голова. Вероятно, повысилась температура – термометра не было.

Я прекратил расчеты и сказал, что сейчас продолжать не могу. Начальник потребовал: «Вычисляй!» Но тут уже коса на камень. «Ай не видишь, простофиля? Уморился я!» И я лег спать, к этому и время шло. На другой день начальник мне объявляет две недели без увольнения: по Уставу большего наказания мне он дать не может. Ладно! Дополнительно он приказывает мне вымыть полы в нашем помещении. Но на это у капрала есть в распоряжении пять солдат, и такой приказ разве что может рассорить меня с ними. Ребята все понимают и даже с энтузиазмом берутся за дело: «Да товарищ сержант! Мы сейчас!» Нашел кого с кем ссорить. Мы были едины и в службе, и в преодолении трудностей, а он все равно не свой, начальник, да и авторитет в наших глазах потерявший. Вот тогда я и вспомнил, что высовываться с личной инициативой предосудительно и наказуемо.

За вычисления он сажает Васю Лялюхина. С 7-классным образованием манипулировать с цифирью он был способен, но принципа работы с логарифмами не мог знать. К этому времени все вычисления по измерениям горизонтальных углов я уже сделал. Оставались вычисления по углам вертикальным. Я удивлялся, почему он не сделает эту работу сам? Должно же быть интересно прикинуть, что у него получается по его схеме и аэрофотоснимкам. Не знаю, что насчитал Вася нашему топографу, но уверен, что там не обошлось без ошибок и даже несуразностей. Позднее, будучи писарем секретной части штаба, я знал, что трапецию Лябина доводили до ума всем отрядом. Старший инженер штаба, он же зам. начштаба, майор Мазин характеризовал эту работу – фук-грамметрия. Так он перефразировал термин фотограмметрия – определение форм и относительных высот различных проявлений рельефа по аэрофотоснимкам. Тогда в отряд был прислан новенький высокоточный немецкий прибор фотограмметр (Иена) в виде столика с девятью одинаковыми проекторами над ним на специальной штанге, но пользоваться им еще не умели, его надо было освоить.

Вскоре мы с Володей были посланы в Найхин за продуктами, которые хранились там на складе рыбозавода. Володя должен был остаться в Найхине охранять находившиеся там в сохранности продукты, а я – доставить необходимый запас в команду. По дороге Володя со смущением сообщил мне, что лейтенант приказал ему притвориться заболевшим, чтобы я остался в Найхине. Не давал я ему покоя даже своим простым присутствием. Я говорю Володе:

– Ну что ж, давай так и сделаем.

– Нет, товарищ сержант, я так не могу.

Возможно, туповатый Рогачев или хитроватый Бублик пошли бы на уговоры лейтенанта, но не Володя. Теперь мы не бедствовали с продовольствием. Кроме пайка у нас была дармовая картошка. Ребята меняли оказавшийся у нас изрядный запас дефицитного в поселке туалетного мыла на яйца и другие продукты. Однажды мы сходили в лес за маньчжурскими орехами (дикий толстокожий аналог грецким) и сдали их в приемный пункт за 500 рублей. В следующий раз лейтенант запретил нам этот промысел, из-за меня. Я был еще достаточно наивен и не сообразил пригрозить ему: Приказ штаба отряда добавлять в пищу дикоросы. Да и просто проигнорировать его запрет. А если он осмелится донести на меня за самовольство, то я тоже молчать не буду и, кроме того, доложу, что он не выполнял приказ командира отряда. Я не склонен к доносам, но теперь думаю, что у нас мог быть информатор, способный сообщить кое-что интересное компетентным личностям. По некоторым репликам из разговоров встречавшихся мне в штабе офицеров я догадывался об этом. В поселке Арсеньево мы ожидали выхода из тайги групп капитана Черемнова и лейтенанта Гусева и вели праздный образ жизни. По вечерам ходили в клуб, знакомились с местными девчонками, может быть, и влюблялись. Одну я помню, сказку эту. Больше года я переписывался с ней. Но служба есть служба, шел пятый год, а конца ей не было видно. И наша переписка постепенно заглохла. Все же

мы вдохнули кусочек воли, ранее недоступной. Объявленным мне не увольнением я пренебрегал, но это с виду незаметное обстоятельство сыграло со мной злую шутку. Как-то так получилось, что я пропустил проход кеты, которая в это время валом ринулась в местные реки. Наш лейтенант втайне от нас нанял нанайца, и тот за ночь наловил ему кеты и засолил четыре или пять бочек объемом по 100-120 литров.

Объявился знакомый охотник, который провожал нас до своей зверовой землянки: «Ну, ребята, не знаю как я и жив остался. Завалил медведя, пошевелил его винтовкой, готов. Прислонил свою берданку к деревцу, сел на него верхом и нацелился ножом пороть шкуру, свежевать. И тут что-то меня кольнуло. Оглянулся, а он на меня смотрит! Как ветром меня с него сдуло. Выстрелил я ему в ухо, тут он и завозился. Вот только когда его пробрало. А если бы я не оглянулся?» Между прочим, он предложил отпустить одного из нас с ним на охоту. Поколебавшись, лейтенант согласился послать на добычу Васю Лялюхина. Однако вскоре пришел приказ выступать. Василий догнал нас в Найхине, когда мы уже садились в лодки, чтобы двинуться на Хабаровск. С собой он принес некоторую долю от убитого на охоте медведя, и мы все-таки отведали медвежатины. Вероятно, это был медведь не из крупных, белогрудый. Охотники убили его, когда он на высоком кедре обдирал шишки с орехами. Крупный бурый медведь тяжел, чтобы залезть на высокое дерево.

В Хабаровске мы расположились на пристани табором в ожидании парохода на Благовещенск. Здесь наступил момент истины для наших радистов. Друзья-радисты, один на зимних квартирах в г. Свободный, другой в тайге, договорились переговариваться между собой на свободные темы. После окончания штатного сеанса связи они переходили на свою волну и открытым текстом обменивались новостями, ругали начальников (никто же не слышит), читались поступившие таежнику из дома письма и все прочее, что на ум взбредет. Радиостанции у нас были пе-

реносные, но достаточно мощные, американские, и устойчиво держали связь, в нашем случае на расстоянии не менее 1000 км. Подпольная болтовня двух шалопаев все лето держала в напряжении соответствующие службы Главкома войск Дальнего Востока, возглавляемого маршалом Малиновским. Все лето искали непонятную шпионскую радиостанцию, работавшую где-то в тайге на непонятном шифре. А наш радирует: «Ну, все Сережа. Мы сидим на пристани в Хабаровске. Вот подходит пароход “Профинтерн”, сейчас мы на него садимся и плывем до Благовещенска. Конец связи».

И тут, как черт из преисподней, появляется черная легковая машина.

- Кто старший?!
- Капитан Черемнов!
- За мной!

В штабе он получил великолепный нагоняй, не знаю, от кого лично. На него был обрушен поток самой отборной ругани за потерю бдительности, за развал дисциплины и бог знает за какие еще прегрешения. Не знаю, какое взыскание он получил. А наши радисты получили по 20 суток строгого ареста с содержанием на гауптвахте лично от маршала Малиновского, выше не бывает. В гарнизонной гауптвахте г. Свободный, куда их посадили с запиской об аресте, несказанно удивились.

- От самого маршала! За что?!

А пока мы благополучно плывем вверх по Амуру. Пароход колесный грузопассажирский, на местной линии самый большой. Мы всегда встречали его во время моей учебы в 7 классе в Иннокентьевке. В пути развлекались, как могли. Временами возобновлялся спор: «Пересолил! – Два раза посолил!» Добрались до рыбы нашего лейтенанта, но есть ее мы не смогли. При погрузке и перегрузке ребята обращались с рыбными бочками подчеркнуто небрежно. Я видел, что иногда они катили бочки с явным намерением разбить их, но сам и пальцем к ним не притронулся.

Из разбитых бочек рассол вытек, и рыба протухла до омерзения. Только один Зиновенко пожирал ее с видимым упоением. Он был из гуранов, как называли себя амурские казаки. В кровях этого русского народца со времен первопроходцев накопилась заметная монголоидная примесь и соответствующие привычки в обиходе. Тухлятина им бывала за деликатес. По байкальской дороге на станциях Байкал, Слюдянка торговцы всегда зазывали пассажиров: «Омуль! Омуль с душком!» Куда потом пошла рыба нашего лейтенанта, не знаю.

На зимних квартирах жизнь опять пошла по привычной солдатской колее. Однако довольно скоро мое положение в роте существенно изменилось, совершенно неожиданно и ни по каким заслугам я был назначен писарем секретной части штаба отряда. Этим я был обязан фактом смещения с поста прежнего писаря за серьезное правонарушение. Он был старшиной сверхсрочной службы и на правах сверхсрочника вел семейный образ жизни. Скромный писарь изобрел верный, как ему казалось, способ повышения своего благосостояния: он снабжал беглых заключенных чистыми документами. В отряд он прибыл из какой-то расформированной воинской части и при себе сохранил печать этой части, которая подлежала уничтожению по акту, но не была уничтожена. С этой печатью он выписывал беглецам из мест не столь отдаленных документы на имя демобилизованных воинов: отпускные свидетельства, солдатские книжки со званием до старшины, проездные документы. Последние выписывались на особых бланках строгой отчетности, и мне уже в должности писаря приходилось постоянно их проверять и пересчитывать. Но у нашего писаря был их запас из старой части, по акту уничтоженных.

Сколько веревочке не виться... Был показательный суд в присутствии всего личного состава отряда, и писарь-сверхсрочник получил 10 лет. Меня вызвали в штаб и приказали быть писарем. Вообще-то среди нас, служак, писарское звание по традиции презиралось. Отказываться, как солдат, я не имел права,

хотя и в близком приближении не обладал писарским почерком. Согласно заведенному порядку по отряду каждый день издавался приказ: «1. Дежурным по отряду назначить ... 2. Начальником караула ... Разводящими ... Часовыми. 3. Капитана Житанского полагать убывшим в командировку...» и т.д. Приказ писался от руки. Для этого существовала толстая книга приказов, сшитая из обрезков бумаги, поступавшей с Хабаровской картографической фабрики. Из этих же обрезков я нарезал стандартную писчую бумагу. В первый же день мой почерк вызвал негодование командира отряда. Он кричал: «Заставить его писать чертежным почерком! Это же приказ, а у него сплошное безобразие!» Пришлось стараться и с грехом пополам вырабатывать более или менее приемлемый почерк.

Непосредственным моим начальником был пом. начштаба. Сначала это был майор Сидоренко, потом капитан Каршин. Вероятно как специалисты-топографы они оказались неважнецкими и поэтому их переместили на канцелярскую работу. Ни тот, ни другой меня не притесняли и ценили как надежного и исполнительного помощника. Обоим им было свойственно преувеличенное чувство ответственности за сохранность бумажной корреспонденции. Каждая бумажка регистрировалась под номером по книгам «Входящие», «Исходящие» и подшивалась в соответствующие дела. Периодически и не периодически устраивались проверки и сверки целостности этих бумаг, часто до глубокой ночи. Не дай бог, пропадет какая-нибудь. До сих пор помню приказ Министра под грифом «Секретно»: «Разрешить офицерскому составу ношение галош черного цвета». Полуночные бдения позволяли мне не соблюдать в полной мере казарменный режим по подъему и отбою, и я разрешал себе продолжать «спать» под зычные команды старшин и сержантов, суетно выводящих роту на физзарядку.

Постоянно заходил в секретную часть начальник штаба подполковник Трифонов. Он не был кадровым военным. Как специа-

лист он получил образование в гражданском Институте геодезии и картографии и отличался некоторым демократизмом в обращении с налетом интеллигентской культуры. Меня он никогда не называл «товарищ сержант или сержант». Как правило: «Ну, Косточка, что мы с тобой тут будем делать?» Командир отряда подполковник Ковеза был строг, иногда горяч, и его все боялись, и я тоже. Но я вскоре уловил одну его слабость. В командировочном предписании или отпускном билете проставлять сроки «от» и «до» – его прерогатива. Но он потребовал, чтобы я намечал эти сроки карандашом. Я сообразил, как можно потрафить нашему брату-солдату. В те суровые времена ни о каких отпусках и речи быть не могло, но солдат иногда отпускали по домашним обстоятельствам, в основном по заверенной телеграмме о смерти кого-нибудь из родителей. Отпуск – 10 суток без дороги. Сквозным маршрутом от Владивостока и Хабаровска до Москвы шли только скорые поезда, а солдату полагался документ на проезд пассажирским поездом. И это с пересадками: Хабаровск – Чита, Чита – Иркутск и т.д. Я стал изощряться и насчитывать 10 суток отпуска с учетом всех возможных пересадок, в то время как друзья безусловно скидывались на доплату проезда товарища скорым поездом. В случае чего я мог доказывать свой расчет на пальцах, но никогда мои пометки карандашом не вызвали подозрений у начальства. Солдаты это понимали, и в роте я пользовался уважением. Вспоминается смех нашего ротного писаря Вани Поправкина. От него зависела постановка на пищевое довольствие солдат. Рядовой Уткин прибыл из командировки: «Поправкин, поставь меня на удовольствие».

Зам. начштаба майор Мазин (по должности инженер штаба) со мной соприкасался только по некоторым бумажным делам. Я должен был следить за подготовкой отчетных документов топографов. Каждый топограф писал топографическое описание своего квадрата съёмки. Начальник отделения в свою очередь писал географическое описание местности, снятой его отделением топографов. Кроме топографической характеристики оно вклю-

чало сведения географические, экономические, этнографические. Однажды недовольный стилем описания майор Мазин вызывает начальника отделения подполковника Пелевина, работавшего в 1946 г. на Чукотке:

– Пелевин, что ты так пишешь, ты бы хоть как-то разнообразил свой текст.

– А как я тебе буду его разнообразить? Что это тебе роман что ли?

– Ну, вот ты все пишешь: чукчи, чукчи, чукчи.

– А кто же они?

– Ну, написал бы для разнообразия хотя бы люди.

– Да какие они, хрен, люди?

– Пелевин! Как тебе не стыдно.

– Да ты хоть видел их? Ты бы посмотрел. Какие же это люди!

Наш ротный в очередной раз решил принять меры для поднятия в роте «дисциплины». Для этого он заставил взводных являться по очереди на подъем, чтобы никто не мог увильнуть от физзарядки. Взводными командирами были назначены только что окончившие училище молоденькие лейтенанты, по-настоящему солдатской службы еще не вкусившие. Первым оказался командир взвода, к которому я был приписан. Среди суеты выбегающей на зарядку толпы он усматривает лежащую фигуру разгильдяя, проигнорировавшего строгую команду «Подъем!» К дневальному:

– Это кто там еще порядок нарушает!?

– Тише, товарищ лейтенант. Это сержант Комаров спит.

– Ну, и что сержант Комаров! Поднять немедленно!

Дневальный подходит:

– Товарищ сержант! Ругается!

– Ладно.

С видимой ленцой одеваюсь. Подскакивает:

– Неделя не увольнения!

– Слушаюсь!

А тут – суббота. Назначенный по графику дежурным по от-

ряду в воскресенье капитан Житанский заручился у нач. санчасти майора Страшинского справкой и сказался больным. Кому охота в выходной париться на дежурстве? Подполковник Трифонов:

– Ну, кого же мы с тобой, Косточка, назначим на дежурство?

– А вот этот давно не был.

– Правильно, пиши его.

Взводный прибежал ругаться.

– Извините! При чем тут я? Видите подписи под приказом? Командир отряда, начальник штаба.

По уставу дежурный проверяет строй увольняемых. Правильно ли и по форме одеты, чисты ли подворотнички и т.п.

– А ты, Комаров, что же не идешь в увольнение?

– У меня не увольнение.

– Ну, это можно бы и отменить.

– Приказ не отменяется.

К слову, увольнительные записки с печатью ротный получал у меня под расписку. А в назидание в следующий раз я определил своего взводного начальником патруля по гарнизону «по графику», правда, с воскресенья на понедельник. Но и тогда не простил. По графику он у меня опять оказался дежурным по отряду в воскресенье. Пусть знает, что есть служба и как без дела будить сержанта Комарова. По Салтыкову-Щедрину: «Дураков учить надо, уж ежели дураков да не учить, то что тогда и будет». Ведь сам же должен был знать, что дурак, солдатской лямки еще мало тянул и как следует еще не служил. А тут – служба!

Однажды на 1 мая в роту пришел сам командир.

– А ты, Комаров, что же не пошел в увольнение?

– Вы моего друга дежурить по роте оставили. А мы в увольнение ходим только вместе. Вот если после смены отпустите – пойдем.

– Отпущу, отпущу.

Пока прошла смена, пока что – мы уже никуда не попали,

но напились. Вернулись без опоздания. Отбой был, рота спит. Сразу у входа в переднем отсеке казармы Филимонов и Гимаев моют пол под присмотром старшины. Старшина новый, изо всех сил пыжится показать свою власть, и нами еще не приручен. Пьяный Володя взрывается:

– Моих дневальных заставили полы мыть! Они у меня так службу несли! Их наградить надо!

Старшина орет:

– Крупенков! Замолчи!

Солдаты уговаривают:

– Товарищ сержант! Да мы вымоем, чепуха. Идите лучше спать.

Я рядом, тяну его за рукав, но куда там.

– Моих дневальных превращают в половые тряпки! Не позволю!

Старшина:

– Замолчи! Посажу! (Сержанта посадить на губу он может только властью командира роты.)

Входит ротный проверить «дисциплину» ради праздничного дня:

– Ня надо, старшина, ня надо! Посадите его лучше в мою канцелярию, пусть он там проспится.

В канцелярии стол, скамейка и табурет. Володя улегся на стол, покрытый солдатской простышкой. Ему сделалось дурно, и его натура облегчилась от остатков употребленного в увольнении угощения. Утром по команде «Подъем!» он вместе со всеми выбежал на физзарядку, прикрыв простыней следы своего недержания. После завтрака ротный, пришедший для проверки порядка на подъеме, приглашает:

– Саржантский состав! Заходите ко мне в канцелярию на совещание.

В канцелярии все вымыто и выскоблено.

– Ну, счастье твое, Крупенков. Хуже тебя нарушитель нашелся.

Оказывается, он засек рядового Шведько, который пытался увильнуть от физзарядки, укрывшись шинелями, и заставил его подтирать Володькину блевотину.

Наш ротный любил блюсти дисциплину и кроме дежурных взводных нередко собственной персоной приходил наблюдать порядок на подъеме и отбое или затевал самолично провести политинформацию. По расписанию во вторник и пятницу полагалось по два часа политзанятий, в остальные дни – политинформация по полчаса. Ротный требовал сгонять на свою политинформацию всех, кого только можно.

– Что вы тут мне собрали? Вы соберите всех без исключения. Мне масштаб нужен.

В какой-то праздничный день благодушный ротный вещает нам заметно коснеющим языком:

– Вот вы все ее пьете, а вам же нельзя ее пить. А почему? Потому что вы в нее не втянуты. Вот я – мне можно! Потому что я в нее втянутый. Я вот сейчас 100 грамм выпил и еще политинформацию вам читаю. А вы не можете. Вот Шведько (солдат плечистый, ростом под 185 см), разве он может? Он же 100 грамм выпьет и сразу сопьется.

Передаю смысл, а бред этот растянулся на целых 30 минут. Мы с Володькой сидели за печкой, и можно было по-тихому смеяться.

В 1948 г. отряд получил задание на топографические съемки в Тувинской автономной республике. До Абакана отряд добрался железнодорожным эшелонам, а далее через Саянский хребет на собственных автомашинах. Штаб отряда обосновался за г. Кызылом, немного выше по р. Малый Енисей. Город расположен у слияния Енисея Большого (Бий-Хем) и Малого (Ка-Хем), откуда, собственно, и начинается сам Енисей. Рядовой состав размещался в больших палатках при двух деревянных строениях под службы штаба и офицерские квартиры. Вокруг сухая степь, к северу слабохолмистая и горы на горизонте, встречаются обо, кучи камней с развешанными цветными тряпицами на дреколье.

Жара. Енисей рядом, вода здесь холодная, но мы купаемся. Во время увольнения в город посетил местный музей. Нечто похожее я уже видел в музее г. Абакана, где отряд после высадки из вагонов эшелона готовился форсировать Саянский хребет на пути в Кызыл. Выставленные там диковинные древности были очень интересны, но, конечно, я не мог понимать их истинного значения, и рассказать было некому. По выставленным там предметам одежды я заметил влияние Китая.

Команды с топографами разъезжаются по своим квадратам. Друг Володя попал к лейтенанту Гусеву. Он однокурсник нашего Лябина, но не в пример ему оказался хорошим топографом. В 1947 г. он работал на соседней с нами более трудной трапеции и справился со съемкой успешно. Во всяком случае, по его трапеции в штабе я ни разу не слышал никаких негативных отзывов, тогда как относительно нашей майор Мазин нередко, как бы про себя, бормотал – фукграмметрия. В этом году лейтенант Гусев намеревался поступать в Академию (точного наименования не знаю). Он отработал свой участок в ускоренном темпе и возвратился в отряд около середины лета. Ночью в палатке меня разбудил неожиданно возникший Володька и предложил закусить сухарями. Сидим, грызем пережженные сухари, а он излагает свой план, явно навеянный идеей стремления его начальника в академию. Мы должны подать заявление на поступление в военное училище. Военных училищ много, а военно-топографическое только одно, в Ленинграде. В этом и был весь секрет замысла, поехать именно в Ленинград. Сомневаюсь:

– Володя! Стать военным – на всю жизнь? Не хочу! Да и тебе удивляюсь.

– Дурак! Мы с тобой поедem, а поступать не будем. Главное – съездить в Ленинград.

– А как поехать и не поступить?

– Там придумаем.

У начальства в отряде мы с Володькой были на хорошем счету, и наше намерение встретило полное одобрение и поддержку. Главное преткновение заключалось в том, что мы оба призыва-

лись из 10 класса, а документов об образовании у нас не было. Запрашивать справки из школы по почте очень долгая песня. Было приказано добыть для нас подобные справки в школе г. Кызыла. Для представительства с нами отрядили майора Сидоренко. Он откомендовался начальником штаба, и его просьба была уважена и встречена более благосклонно, чем требование Чапаева экзаменовать его знакомого коновала. Нас экзаменовали и выдали справки, что в результате мы показали знания, достаточные в объеме 9 классов. Путь для отправки в училище был открыт.

В дорогу мы были снабжены некоторым запасом продуктов. Тут были консервы, масло коровье топленое, сахар. Сухарей, масла и сахара заботами друзей кладовщиков мы получили значительно больше нормы. Главным богатством было полмешка сухарей. Не пропадем! На своей машине нас выбросили на паромной переправе через Енисей, шоферы попутной колонны доброжелательно доставили нас в Минусинск и определили к своим знакомым шоферам доехать до Абакана. В Абакане поезд до Ачинска, далее везде. Это «везде» оказалось непроходимым. Поезда с востока шли переполненными, и никаких билетов не было. Народ штурмовал все возможные зацепки. На второй день и мы втиснулись в переполненный тамбур, где можно было стоять в сдавленном тесном пространстве. Изнемогаем от бессонницы. Какое-то время я даже поспал на крыше вагона, Володя побоялся. К Уралу тамбур начал постепенно пустеть, становилось свободнее, можно было присесть. За Уралом мы остаемся одни. Царствуем! Киров – Буй – Всполье (теперь Ярославль Главный). Сходим в Александрове и 10 км до Карабанова, где живут родители Володи, преодолеваем пешком. Дело привычное. «Пехота! Сто километров прошла и еще охота».

1948 год – время суровое. Страна с трудом выходила из обстановки военного обнищания. Родители Володи не бедствовали. Его отец был директором местной текстильной фабрики. В бане мы отмылись от паровозной пыли и гари, и вечером шустрая сестренка Володи Ира, только что окончившая педагогический вуз,

повела нас в местный театр. Была какая-то комедия, народ смеялся, а мы с Володей засыпали на ходу. Как Ира ни шпыняла нас, через минуту мы снова дружно впадали в летаргию и потому ничего не увидели. Малое время спустя мы стали собираться в дальнейший путь. Мы сидели в пристройке вроде сарая и отбирали из наших запасов более или менее целые сухари от крошек. За этим занятием нас застала Володина мать.

– Что вы делаете!?! Да дам я вам денег и купите себе батон или еще что.

Мы оказались настолько дикими, что никак не представляли себе гражданской жизни и не были к ней приспособлены. А тут – свободно и невозбранно купить батон!

В Москве у нас оказалось какое-то время до поезда. Мы пошли бродить и забрели в сад Эрмитаж. Там мы взяли билеты на какой-то спектакль, но, как видно, что-то перепутали и попали на Аркадия Райкина. В то время военные пользовались большим уважением и нас опаздывающих очень любезно проводили на какие-то места. Таким образом, мы впервые попали на великолепное представление, совершенно не осознавая того, как нам повезло.

В поезде мы оказались по соседству с двумя майорами медицинской службы, вполне лояльными и общительными. Тут подвернулась какая-то газета с докладом академика Лысенко на знаменитой сессии, и я восхищался хлесткими выпадами его против вейсманистов-морганистов, написанными его прихвостнем Президентом в псевдо материалистическом духе. Один из майоров остудил мою запальчивость: «Ты не понимаешь». Я действительно не понимал, но предостережение его заставило меня задуматься, и я помню его до сих пор. В дороге, кажется на ст. Бологое, нас затормозили на некоторое время. Из Ленинграда везли умершего там Жданова. Бедному крестьянину и на ровном месте препоны ставят.

В училище мы быстро освоились. Кандидаты, то бишь абитуриенты, были поселены в казарме. Но мы (берите выше,

казарма нам давно обрыдла) устроили небольшую коммуноу бывалых служак на чердаке. Сюда мы перенесли выданные нам постели и казарменный режим с подъемами и отбоями опровергли. Старшина курсов был опытен, демонстрировать свою власть или как-то злоупотреблять ею нимало не стремился. С утра на построении после завтрака он объявлял распорядок дня: время проведения экзаменов и разных комиссий (медицинская, мандатная). Сообразуясь с расписанием, мы рассчитывали время самовольных отлучек для прогулок по городу – деяние преступное и строго наказуемое. Училище располагалось на какой-то улице Красноармейской (их несколько), что было недалеко от центра и облегчало наши вылазки. За краткий срок мы смогли посетить Эрмитаж, Русский музей, Исаакиевский собор, обойти окрестные улицы города с памятниками Петру I, Екатерине II, Николаю I, Александру III.

Хуже обстояло дело со спекуляцией о нашей непригодности к поступлению в училище. Со стороны медицинской или мандатной никаких претензий не оказалось, да их и быть не могло. Оставалось валить экзамены. Я решил «тонуть» на экзаменах по географии и математике. На заданные мне вопросы я мог ответить, не задумываясь, и все задачи решить сходу. Оказалось, врать наверно даже труднее, чем говорить правду, особенно, если ты это не очень умеешь. Володя потом подтрунивал надо мной, как жалко выглядел я на экзамене по математике. Но задача была выполнена. Мы увильнули, и нас отчислили. В канцелярии капитан выписывает документы, на командировке ставит срок на дорогу девять суток. Мы поднимаем бунт.

– За это время мы не доедем! Вы что хотите нас под трибунал!?

Усталый капитан глядит на нас и решительно исправляет 9 на 19, числом и прописью.

– Хватит вам и доехать, и погулять, идите отсюда.

Мы согласны.

На обратном пути Володя едет к родителям в Карабано-во, мой путь лежит на мою родину в Рязанскую область. Там в 12 км от Ряжска в д. Чернаво живут дядя Володя и тетя Анюта (сестра моей матери), родители Анатолия, а в с. Кипчаково еще жива бабушка Пелагея, двоюродные сестры Шура и Зоя со своей матерью. Дядя Володя, средний брат моего отца, помер. Воевал, дошел до Германии. Одно время раненый, он долго пролежал в снегу. Сказалась простуда, и он был демобилизован по болезни – туберкулез. Вновь я посетил родимые места и обошел всех, кого можно. На прощанье тетя Анюта продала барана и дала мне на дорогу 300 рублей. В Москве я зашел к Толе, где он учился в Институте, и даже переночевал среди студентов в общежитии на Зацепе. Толя трудно входил в учебный процесс после более чем двухлетней фронтовой жизни. Жили скудно, и я, не раздумывая, уговорил его взять данные мне тетей деньги. Солдатским продуктовым пайком мы были обеспечены, к тому же я был уверен, что Володю снабдят на дорогу какой-то суммой.

В Карабанове мы еще прокантовались некоторое время, блаженствовали. При нас сыграли свадьбу – выходила замуж Володина сестра Ира, молодая красивая девица. Естественно, выпили как следует. Но всему прекрасному приходит конец, и мы двинулись в свой гарнизон. Ехали на перекладных, с пересадками: Новосибирск, Иркутск, далее везде. От Иркутска мы попали на поезд № 506, переполнявшийся публикой самого разного разбора. В народе его называли «Пятьсот Веселый». Он как электричка останавливался на всех полустанках и был небезопасен. Но тогда трогать солдат шпана боялась, да мы еще организовались группой в пять или шесть человек. А вот и наша станция, город Свободный. Володя сразу предложил зайти в парикмахерскую побриться и узнать все новости. Там действительно без особого спроса с нашей стороны парикмахерши наговорили нам всего, чего они знали и чего не знали: отряд еще не прибыл, на перевале через Саяны одна машина опрокинулась,

у одного солдата оторвало ухо и т.п. В расположении отряда за главного оставался нач. технической части ст. лейтенант Царев. Совершенно далекий от понятий армейской субординации технарь, он удивился нашему своевременному прибытию: «А чего вы торопились-то?» Но вот и отряд прибыл на место, служба пошла по привычной колее, я опять писарь.

В 1949 г. отряд в полном составе выехал на съемки в район Комсомольска-на-Амуре. Штаб обосновался на северной окраине города, где оказалась свободная казарма с протекающей толевой крышей. Команды расходились по своим квадратам. Володьке досталось ехать с капитаном Кривцовым, горьким алкоголиком. На пристани нужно оформлять билеты на команду, а капитан невменяем, хотя его и блюдет жена. Володька надевает его шинель и к коменданту: «Капитан Кривцов!» Все в порядке.

Прибывает проверить сам подполковник Ковеза. Увидел Володьку в капитанской шинели: «У, начальник!» Но тем не менее удовлетворен, команда будет доставлена на место. На месте любой их выход в поле заканчивался на таежной пасеке, где медовуха водилась в изобилии. Дальше пасеки они, кажется, и не выходили.

В штабе у меня появились дополнительные обязанности. Мне вручили велосипед, и я каждый день езжу в город получать почту, поступающую по фельдсвязи. Архитектура города скромна и однообразна, и подполковник Трифонов острит: «Самое красивое здание в Комсомольске – баня». На стройках можно увидеть бригады военнопленных японцев. Наше расположение оказалось в тесном окружении барачных и индивидуальных жилых строений. Условия для самовольных походов почти беспрепятственные. В обеденный перерыв мы едем купаться на Амур. Первым в кузове студебекера оказывается соседский мальчишка, и его мать каждый раз кричит: «Витька! Утонешь – домой не приходи!»

Познакомились с ребятами, играющими в футбол в команде от завода «Амурсталь». Там есть и команда, играющая на первенство Хабаровского края, «Динамо». Тогда ее тренировал ссыльный Николай Старостин. Во время игры он постоянно прохаживался у бровки поля и иногда покрикивал на своих. «Амурсталь» в свою очередь приглашает нас сыграть с ними в футбол. А у нас некомплект. Большинство в поле на съемках. Ребята зовут меня.

– Да я никогда в футбол не играл, в детстве только босиком мяч гонял.

– Ничего, мы тебя подучим.

Собрали команду, пошли. Вратарем у нас рослый донской казак Чукарин, тоже никогда не игравший. Накатали нам тогда 11 штук против одного. На другой день утром осторожной походкой иду в штаб. Все мускулы нетренированного тела после интенсивной беготни болят от малейшего сотрясения, под глазом солидный фингал. Подполковник Трифонов увещевает отечески: «Вот, Косточка! Говорил я тебе – не ходи. Это же не игра, это костоломство». Но я храбрюсь и на следующую игру иду без боязни. Теперь уже мы набиваем им почти столько же. Я не владею даже азами футбольной техники и беру суетной беготней. К концу сезона я как-то вписался в команду, и по прибытии на зимние квартиры мы заняли второе место на первенстве в г. Свободный. Все болели за нас, потому что мы выбили из игры сильную команду Зейско-Амурской флотилии, главного конкурента городской команды. Один дед-болельщик на радостях подарил нам корзину яблок, в то время и в тех местах подарок небывалый.

В пути после окончания полевых работ на подъезде к Архару я спохватился и к Трифонову:

– Товарищ подполковник ... !

– Что же ты раньше-то не сказал?

Но ничего, быстро оформил краткосрочный отпуск, а я соскочил из эшелона и напрямик двинулся в родные пенаты. Мое явление совпало со всесоюзным праздником 7 ноября. В этот

день братец Витя весь день водил меня по деревне. В каждой хате застолица, а он тут же подзывал какого-нибудь мальчика и поручал ему принести питье «от своего стола – вашему», что исполнялось без промедления. Я их не знаю, подросли за 5 лет моего отсутствия. Домой возвратились мы поздним вечером. Я нашел на столе эмалированный тазик с солеными помидорами. Находясь в состоянии крайнего пресыщения алкоголем, я с жаром набросился на эти помидоры и принялся поглощать их с жадностью, захлеб. Утром голова с трудом поднимается от подушки, во рту оскомины, а на службу ехать пора. Подъезжает отец. На санях везет нас на станцию Домикан. Бодро ставит на стол бутылку:

– Надо поправиться!

Мать на него кричит:

– Ты мне ребят не трожь!

– Не, надо опохмелиться!

– Заладил! Ишь, глазки-то заблестели, как у Андела!

Снег устоялся, «дорога зимняя легка», и мы благополучно преодолеваем 45 км до станции. С нами Женя, двоюродный брат мой, старший сын маминого брата дяди Сани. Он едет в Райчиху, где заканчивает ремесленное училище. Вскоре за кражу мешка картошки он получает срок, после чего его жизнь проходит в лагерях с малыми перерывами.

Наш начальник штаба подполковник Трифонов получил предписание отправиться на курсы усовершенствования высшего начальствующего состава «Выстрел». Он занят оформлением необходимых документов по выбытию из части: денежный и вещевой аттестаты и т.п. Вот сам Трифонов вбегает к нам в секретную часть. Оскорбленный процедурой оформления вещевого аттестата, он сильно возбужден. Аттестат выписывает писарь Володя Родинцев под руководством начальника ОВС (обозно-вещевое снабжение) капитана Коноплева. Коноплев:

– Товарищ подполковник, вы отрез на мундир получали?

– Нет.

– Родинцев, проверь!

У нас в секретке Трифонов негодует:

– Ах, ты, блядь такая лысая! Солдата заставляет проверять офицера! Неужели я честь свою променяю на твою тряпку!

– Ну, проверь, проверь! Только без меня!

Он не может понять, что дураку Коноплеву напрочь чуждо чувство такта. Тем не менее на курсы Трифонов уехал благополучно, а по их окончании вернулся уже полковником.

Наступил 1950 год. Идет седьмой год нашей солдатской службы, а конца не видно. Тоска. Как писарь секретной части я знаю приказы и директивы, предписывающие всеми мерами удерживать в армии солдат, имеющих боевой опыт. У всех на слуху атомная бомба, и СССР надеется выстроить защиту от нее живой солдатской массой. В армии новое поветрие, вводится дополнительная штатная единица, заместитель командира роты по политической части. До того такой заместитель был только в батальоне. Это что? Стремление укрепить боевой дух усилением политической подготовки? Так или не так, но нас, сержантов, усиленно агитируют вербоваться на вступление в корпус офицеров-политработников. Организуются специальные курсы по ускоренной подготовке таковых кадров. Благо, нужных для этого сержантов в армии скопилось предостаточно. Находясь в состоянии неуверенности, я малодушно завербовался на эти самые курсы, будь они трижды неладны. Тогда еще приглашали на подобные курсы финансистов для занятия вакансий начфинов в воинских частях. На одного такого выпускника курсов, позже устроившегося бухгалтером в Центре охраны памятников истории и культуры Ярославской области, я нарвался в начале 80-х годов 20 в. Он сам позвонил мне, что у него все готово для выплаты причитающейся мне за сданные «паспорта» на археологические памятники некоторой суммы денег, и пригласил меня приехать. По приезду я общался с коллегами, с начальницей Центра милейшей Татьяной Львовной Васильевой, а потом зашел к бухгалтеру за получкой. Не

тут-то было! Он оказался из тех, кто за копейку удавит, а за рубль сам удавится. А Татьяна Львовна уехала. Насилу уговорили его другие сотрудники, в частности Марина Владимировна Осипова, расстаться с зажатými деньгами в мою пользу.

По убытию на курсы мое место писаря секретной части по наследству занял мой друг Володя. По сравнению со мной он отличался большей самоуверенностью с налетом некоторой наглости в характере. Полковник Трифонов относился к нему так же, как и ко мне.

– Володичка, что же мы с тобой тут делать будем?

Еще при мне в армии шла поголовная переаттестация офицерского состава. Завершилась она уже при Володе. Трифонов заметил нестыковку в автобиографии зам. начальника штаба майора Мазина и натравил на него Володьку. А этот на чистом глазу, с видом тупого буквоеда – к Мазину:

– Товарищ майор, как же так у вас получается: «Я, Мазин Михаил Александрович, мой отец Мазин Абрам Моисеевич»?

Мазин взвизгнул:

– Я знаю, что я пишу!

Однажды Трифонов упрекнул Володю в том, что Володичка не поправил какую-то нелепицу в писанине зам. командира отряда по политчасти подполковника Шелина. Володя ответил, что не может править писания гения (словесный оборот мой, теперешний). Трифонов засмеялся.

Подполковник Шелин (при нашем поступлении в отряд еще майор) – особая статья. Из красноармейцев, с образованием не выше церковно-приходской школы, он дослужился до зам. командира по политчасти отдельной войсковой единицы. Каждый месяц он сочинял «Политическое донесение». По моему наблюдению, над этим самым «Донесением» он и корпел большую часть рабочего времени. «Донесение», собственноручно написанное им корявым старательным почерком, под грифом «Сов. секретно» высылалось в политотдел. Мне всегда приходилось паковать

«Донесение» для отсылки, но я почему-то никогда не интересовался его содержанием. А было бы интересно. Шелин благоговел при имени Сталина. На политзанятиях его любимый вопрос: «Какие должности занимает товарищ Иосиф Виссарионович Сталин?» Малограмотные солдаты, призванные в 1947–1948 гг. из пострадавших от оккупации западных областей, перенесшие послевоенную разруху, не могли запомнить и этого. Генеральный секретарь, председатель Совета министров, министр обороны – да я и сам сейчас всего не помню.

С Шелиным у нас с Володькой сложились напряженные отношения. «Виноват» был Володя, он же, в основном, и пострадал от гонений Шелина. В то время в воинские части стало поступать изрядное количество русской классической литературы. Печаталась она в типографиях Лейпцига в счет репараций, выплачиваемых Германией. Мы с Володей часто заходили в библиотеку отряда, куда эта литература поступала. Володя обратил внимание на отдельные стопки книг.

– А это куда?

Библиотекарь Саша Попов ответил:

– Подполковнику Шелину.

Мы выразили свое возмущение, о чем наш друг Попов донес Шелину. Не имея оснований прицепиться к Володе по какому-либо серьезному поводу, Шелин придумал сочинить письмо отцу Володи, что его сын недостойно несет воинскую службу (конкретных претензий не знаю, да их и быть не могло). Шелин почуял своей злобной соглядатайской душой: Володя высоко чтит честь и авторитет своего отца, и этот удар будет для него особенно болезненным. Я в свою очередь тоже написал Володиному отцу опровержение, но, боюсь, оно было перехвачено, хотя я и опускал его в городской почтовый ящик. Володя негодовал, чуть не плакал от того, что начинают терзать его отца. Володьку донимали разными придирками. «А! У него еще и часы!» Часы дешевые, штамповка, изготавливались на выве-

зенном из Германии оборудовании. Они и теперь, усовершенствованные, выпускаются под маркой «Салют». Мы купили их с Володей вместе за 100 руб. при нашем сержантском жаловании по 200 или 250 руб. Володька тут же в гневе разбил перед ними эти часы об пол. Получи, фашист, гранату! Трифонов нас уговаривал: «Зря вы с ним связываетесь». Потом как-то все обошлось и поутихло.

Курсы по подготовке политработников находились в г. Чите. Друзья устроили мне проводы и пьяного впахнули в вагон. Курс наук был уплотнен: основы тактики (взвод, рота, батальон), огневая и строевая подготовка, организация армий потенциального противника. По курсу, если так можно выразиться, политической подготовки нам преподавали историю СССР, некоторый конгломерат сведений из того, что я теперь называю основами марксизма-ленинизма и партполитработа – формы и методы по Галаджеву. Эти предметы преподавались в форме лекций. По некоторым приметам я потом определил, что один из лекторов по истории СССР пользовался учебным пособием для вузов К.В. Базилевича. К концу апреля курс наук нами был успешно пройден. Нас одели в новую форму с лейтенантскими погонами и отправили по своим политотделам.

Мой политотдел спецчастей 1-й ОКА, штаб которой располагался в пос. Куйбышевка Восточная, теперь г. Белогорск. Я оказался в обществе нового друга (по большому-то другом он мне не был) Лени Полудина. Прежде он был писарем в этом самом политотделе спецчастей и находился чуть ли не в приятельских отношениях со своим прежним начальником, зам. начальника политотдела полковником Дунаевым. Полудин и увлек меня на беседу к полковнику Дунаеву. Вообще-то мы уже были распределены по местам прохождения дальнейшей службы. Я должен был попасть в артполк особой мощности с артсистемами калибром 305 мм, располагавшемся в каком-то гарнизоне в Амурской области. Полудин хотел попасть вместе со мной. Та-

кое двойное назначение предполагалось в отдельный пулеметно-артиллерийский батальон (ОПАБ). Целую ночь мы пьянствовали, Полудин уговаривал Дунаева изменить мое назначение, Дунаев не соглашался, но под конец изнемог и сдался.

Отступление. Пулеметно-артиллерийские части в отличие от стрелковых батальонов, полков и дивизий, отличаются повышенным уровнем вооружения. Стрелковый батальон состоит из трех рот с одним станковым пулеметом на вооружении, пулеметной и минометной рот и артиллерийского двухорудийного взвода. Пулеметно-артиллерийский батальон представляет собой отдельную воинскую часть и состоит из четырех пулеметно-артиллерийских рот (три взвода с тремя станковыми пулеметами каждый и артиллерийский взвод – два орудия) и двухбатарейного артиллерийского дивизиона, по армейскому рангу равного стрелковому батальону, так же, как артиллерийская батарея соответствует стрелковой роте. А здесь еще была самоходная батарея СУ-76. Такие части, усиленные тяжелым вооружением, предназначены для размещения в укрепленных районах, оборудованных долговременными оборонительными сооружениями или для создания устойчивой обороны на определенных рубежах в полевых условиях.

Пикантность наших домогательств заключалась в одном необычном обстоятельстве, о котором Дунаев не мог знать. Я же прекрасно знал этот ОПАБ, знал его командира и многих офицеров. Центр батальона дислоцировался в 3 км от нашей д. Украинка, и мне было интересно не упустить этот шанс. И вот мы в деревне. Некоторое время живем с Полудиным в нашем доме. На велосипеде я через 15 минут в расположении. Подполковнику Гавришу, командиру батальона, это становится не по нраву. Конечно, офицер наряду со всеми должен был квартировать в расположении гарнизона. Главная причина оказалась еще банальнее. Появление на ближайшем горизонте нового лица пробудило свой интерес.

«Все дочек прочили своих
За новоявленного соседа».

А их тут обреталось две штуки: у самого Гавриша и у командира артдивизиона майора Апарина.

«Но Ленский, не имел, конечно,
Охоты узы брака несть».

А я и в кошмарном сне не помышлял ни о чем подобном. Наших батальонных девиц я и видел-то мельком. Про дочку Гавриша даже не могу определенно сказать, была она сколько-нибудь привлекательна или дурна; Апарина была круглолица и розовощека – «Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне». Сам Гавриш этой идеей загорелся не на шутку и начал спешно строить и вскоре построил отдельный домик, предназначенный для устройства уютного гнездышка своей дочери с нечаянно обретенным мужем. Я как кандидат в мужья должен был жутко соблазниться заманчивой перспективой и без колебаний броситься в распростертые объятия. А пока я перешел на житье в офицерский барак, в отдельной комнате которого в компании со ст. лейтенантом Саней Смирновым и лейтенантом Руфином Быковым мы зажили дружной коммуной.

Служба не обременяла, привычная армейская рутина. Однообразие скрашивала охота. Я купил хорошее ружье 12 калибра, из тех, что поставляла нам Германия по репарациям. Дома были две собаки, опытная в охоте лайка Атаман и подрастающая овчарка Джек. Главный собачник брат Витя отбывал службу на Камчатке, и собаки сразу признали меня за своего. Там была красивая охота на фазана. Атаман прекрасно справлялся и на фазаньей, и на утиной охоте, а Джек вначале не признавал эту дичь за достойную добычу. Потом он перенял от Атамана все приемы в охоте, но главным объектом для него оказалась косуля, которую он умел завернуть и нагнать на охотника. Он хорошо брал след и находил по следу отца или меня. Однажды ездили за матерью, чтобы войти в помещение штаба. Я был дежурным по батальону и сидел в штабе.

Джек выследил меня и улегся на пороге. Штабные утром пришли на службу, а пес не пускает. Привезли мать, и дело уладилось.

Политическим воспитанием личного состава батальона, если так можно выразиться, руководил зам. командира батальона по политчасти майор Букаринов, по характеру добродушный и покладистый. По поводу и без повода обычно он говорил: «Тут вы допускаете политическую близорукость». Кроме того, был еще замполит в артиллерийском дивизионе, майор Лановлюк. Этот был ревнитель какой-то особой дисциплины и всегда находил повод для придирок. Однажды они кампанией выпивали у нас с моим отцом, и Лановлюк пренебрежительно отозвался о нашей собаке. Отец его предупредил:

– Ты смотри, при нем меня не трогай.

Лановлюк демонстративно тряхнул отца:

– Ой, Иван Михайлович!

Атаман мгновенно спустил с него штаны. Брюки были на выпуск, пес распустил их по шву, и мать тут же зашила их на машинке. У Лановлюка были особые отношения с Колей Макаровским, с которым я тогда подружился. Коля, архангельский мужик, как и я, был произведен в лейтенанты из старшин. На год старше меня он успел кончить техникум механизации сельского хозяйства и разбирался в технике. Большим местом дивизиона была исправность тягачей для 100 мм пушек, дизельных гусеничных тракторов «Сталинец». Трактора часто ломались, и Коле как специалисту приходилось заниматься их ремонтом и поддержанием в рабочем состоянии. По службе он был старшиной дивизиона, а по факту майор Апарин называл его своим заместителем по технической части. Лановлюку такая уравниловка с ним казалась не по чину и приводила к конфликтам между ними. Апарин уговаривал: «Два моих заместителя и не можете помириться». Спокойный, с уравновешенным характером и великолепным чувством юмора, Коля снисходительно относился к потугам Лановлюка установить между ними субординацию.

Командиром батареи, в которой Коля стал замполитом, был майор Иванов. При абсолютно русской фамилии он был чистокровный хохол и за многолетнюю службу так и не стал говорить по-русски. Но это был, пожалуй, его единственный недостаток, кроме врожденной медлительности и некоторого равнодушия в исполнении службы, но это уже другое дело. Служба в дивизионе в основном заключалась в ежедневной работе в арт. парке по обслуживанию техники. У каждой батареи при парке были свои землянки, где вода и масло для заправки тракторов по тревоге поддерживались в горячем состоянии. В зимнее время солдаты грелись в этих землянках, и было важно, чтобы командиры не застали на месте преступления нарушителей дисциплины. Один солдат так и не мог правильно назвать фамилию замполита. В тревожных ситуациях он кричал: «Ребята! Слезай с баков! Майор Наловлюк идет!»

В роте, как и полагается, был командир и четыре командира взводов, трех пулеметных и одного артиллерийского. Все они, за исключением одного взводного, были старше меня. Судьба их была незавидна. Перспективы карьерного роста у них были минимальны. Через три или четыре года эта категория офицеров при сокращении армии в подавляющем большинстве была выброшена на гражданку. Обремененные семьей, без специальности, без жилья, они испытали немалые трудности. Командир артвзвода Володя Бессильный почему-то всегда был тесним командиром батальона подполковником Гавришем. «У сильного всегда Бессильный виноват, а у Бессильного – Фаттахов (помкомвзвода, сержант)». Не знаю из-за чего, но Володя получает от Гавриша домашний арест, а мы выезжаем на учения с боевой стрельбой без командира артвзвода. Наблюдать за стрельбой нашего орудия приставили командира 2-й батареи из артдивизиона капитана Выперайленко. Мишень – деревянный щит размерами 1х1м, расстояние – 500 м, дурак не попадет. Выстрел – мишень стоит, а рикошет от снаряда, кажется, точный. Фаттахов начинает бить по углам щита и все

мимо. Принесли щит, а в нем отверстие от снаряда точно в центре. Щит применялся для наклейки мишени при стрельбе из винтовок и весь был испещрен пулевыми отверстиями. Взрыватель снаряда попал точно в такое отверстие и не сработал. Командир артдивизиона майор Апарин возмущался: «Ну, конечно, в такую разбитую мишень! Там он и снаряд-то с х..! – 57 мм».

Зимой от нашей роты отрядили команду на заготовку дров для батальона. За командиров в первой смене мы с Володей. Команда располагалась в землянке, устроенной в лесу несколько лет назад в значительном удалении от гарнизона. Вместо крыши двускатный накат из бревнышек с небольшой земляной насыпкой. По сторонам узкого прохода внутри двухъярусные нары. В передней трети с одной стороны печь с вмазанным котлом для варки пищи, с другой – стол со скамьями. В одно прекрасное утро перед самым подъемом около 6 часов с грохотом рушится часть подгнившего потолочного наката как раз над пространством со столом. Кухня и нары в целости, но под обрез. Крики: «Тревога! Заткни дыру! Нельзя!» Холод мгновенно охватывает землянку. Наскоро одевшись, выскакиваем из землянки. На воле мороз градусов за 30. Толпимся у костра из обломков кровли. Повар докладывает, что завтрак готов. Ну и давай! Стоя у костра, съедаем горячую кашу, паника постепенно утихомиривается. Предлагается бежать в часть за помощью. Володя по своему обыкновению похатывает:

– Ах, ты! Ах, ты!

Соображаю. У нас здоровая команда, пилы, топоры. Какая может быть помощь? Объясняю задачу. По центральной оси землянки подводим и укрепляем на стояках свежую продольную балку, в нарушенной кровле укладываем новый накатник, прикрываем его нарванной сухой травой и присыпаем просыпавшейся в землянку землей. Солдаты этого призыва уже прошли некоторую производственную практику, делают все дружно и умело. К обеду мы уже справляли новоселье.

Недолго музыка играла. В конце февраля приказ сниматься с насиженного места и перебазироваться на новое. Никита Хрущев играл в укрепление дружбы с Китаем. По этой программе дивизия, занимавшая Иманский укрепленный район, переводилась на побережье Японского моря – бухта Ольга, Тетюхэ, Кавалерово (Иман – с китайского? – в 1973 г. переименован в Дальнереченск). Там главная опасность от американцев. А наш отдельный батальон должен взять под охрану и свою опеку весь обширный укрепрайон, рассчитанный на дивизию. На одну нашу роту пришлось 13 капониров, когда на прежнем месте на весь батальон их было всего три. Но там непосредственно под Иманом были и более серьезные сооружения с галереями под стать метро. При станции Лазо, следующей за Иманом к югу, рота приняла под охрану гарнизон с казармами и другими сооружениями, который прежде занимал полк. Прием был детальный: крыша, стропила, схватки, оконные рамы, фрамуги, фундаменты и отмостки, электролампочки – все поштучно. В кабинете командира полка я нашел железный осколок Сихотэ-Алиньского метеорита величиной с порядочную дыню, упавшего в этом районе в феврале 1947 г. Теперь бы я его унес, но тогда? Тяжелый! Служба кочевая. Однажды наш батальон удостоил своим посещением командующий Дальневосточным военным округом генерал Пеньковский. Готовились, чистили, скребли (красить траву зеленкой тогда еще не вошло в моду или не дошла фантазия). Заехал в расположение дивизиона, выглянул из машины на расположение, рывкнул: «Грязь!» И уехал. В каком-то отрывке из воспоминаний его штабиста однажды я прочитал похвальный отзыв о своем начальнике, его уме, деликатности, человечности. Мы, солдаты, этого не заметили.

При гарнизоне, порученном нам под охрану, был городок для офицеров полка, в котором еще оставались их семьи. Многие из них завели некоторое хозяйство в виде кур, гусей и другой живности. Во множестве бродили собаки, кошки. Одну собачку я привадил к себе для охоты. Однажды в канцелярию, где мы сиде-

ли с ротным, заходит Володя Бессильный и с хохотом возвещает: «Сейчас к тебе бабы придут ругаться. Твоя собака погналась за гусями, и они поднялись и улетели – отсюда не видать». Там к северу открывалась обширная долина, куда и унесла их нелегкая. Но бабы так и не пришли, собаку не тронули, а я избежал бабьего скандала, бессмысленного и беспощадного.

Некоторое время спустя начался демонтаж оборудования всего комплекса долговременных оборонительных сооружений. Снимались пушки на шаровых установках, пулеметы, дизельные движки с электростанциями и все другое-прочее. Внутренняя облицовка броневыми плитами-противоотколами красилась специальной краской, что-то смазывалось, входы и амбразуры замуровывались цементной кладкой. Оборудование тоже смазывалось специальной смазкой, паковалось в ящики и отправлялось на армейские склады. Куда потом все это делось и было ли востребовано во время обострения наших отношений с Китаем во время их культурной революции? А тогда пришлось снять войска Прикарпатского военного округа для прикрытия границы. Знаменитый остров Даманский находился в нашем секторе. Я это понял по названиям населенных пунктов, упомянутых в информации об инциденте. Мы туда ездили охотиться на озерах в долине р. Уссури.

Еще не кончилась наша работа по ликвидации укрепрайона, а наш отдельный батальон начали растаскивать. Начинается какая-то непонятная реорганизация. Как-то сразу была востребована большая группа офицеров. Все они направлялись в некоторые воинские части с похожими четырехзначными номерами, тогда как номера наших строевых частей были пятизначными. Четырехзначными номерами тогда и теперь обозначаются части внутренних или охранных войск ведомства НКВД. Вроде бы этих офицеров направляли куда-то в район р. Оби, там готовится что-то грандиозное, и туда требуются многочисленные кадры. Теперь я думаю, что это было связано с планами преобразования сибирских рек, которые после выразились строительством

электростанций на Ангаре и Енисее. Создаваемые для этого лагеря срочно требовали увеличения охранного персонала. Одним из первых под раздачу попал мой командир роты капитан Бавин. Командиром роты назначают меня. Ну что же, не в бою командовать, а казарменные порядки у меня давно в печенках, да и было это делом временным.

Как и ожидалось, командирство мое было недолгим. Батальон срочно расформируют, офицеры направляются на новые места. Я получаю назначение в полк, входящий в пулеметно-артиллерийскую дивизию. Штаб дивизии базируется в пос. Зайсановка Хасанского района, самого южного в Приморском крае. Полк располагается в пос. Славянка. Поселок лежит на берегах красивой бухты того же названия, окаймленной невысокими сопками. В некотором отдалении выделяется сопка Дунькин Пуп (по преданию, пуп жившей там Дуньки служил меркой золотого песка), над краем залива нависает невысокая Сопка Любви – осталась ли цела после строительства там судоремонтного завода? От этой сопки к югу, юго-востоку и востоку по берегу шел чистый песчаный пляж, замыкавшийся скалой, с которой ниспадал чистый водопад. Под ним мы плескались после купания в море. Тут бы хорошему курорту место. Однако кроме нашего полка тут квартируют артиллерийский полк нашей дивизии, зенитно-артиллерийский полк, отдельная бригада береговой обороны, равная по численности двум полкам. Гражданского населения мало. В гарнизоне, как и полагается, есть дом офицеров, офицерская столовая, гостиница, комендатура с гауптвахтой. Сообщение с «материком» по железной дороге от Хасана на Владивосток, куда на ст. Бамбурово от комендатуры два раза в сутки снаряжался «Студебекер».

Очень скоро проявился квартирный вопрос. По прибытии в полк меня поселили в комнату, где уже проживали двое холостяков. Живем. Но вскоре прибывают назначенные в полк семейные офицеры и нас выселяют. Куда? А кого это волнует? Вот есть в гарнизоне гостиница, там и живите. Гостиница представляла

собой отдельное бревенчатое здание с одним обширным жилым помещением. Было ли там еще одна или две отдельные комнаты, «номера», – не знаю. В этом помещении нас оказалось 13 душ. По нашей абсолютной неприязнательности жить бы можно, но плата за проживание для нас запредельная. «А чего вы, собственно, желаете – хоромы?» И сами мы таким отношением особенно не возмущаемся, а воспринимаем это как неизбежные трудности армейской службы, которые солдат должен был стойко преодолевать. Питание в офицерской столовой тоже дорогое. Наш казенный паек, совсем не маленький, столовая принимает лишь частично и по цене, никак не покрывающей наши расходы. В принципе с питанием у нас не должно было быть особых проблем. Хасанский район имел статус отдаленного, и офицеры вместо денежной прибавки к окладу в сумме 200 р. здесь получали натуральный паек. С некоторой добавкой овощей и картофеля пайка хватало на семью из четырех человек. Рыбная составляющая пайка выдавалась консервами «кета в собственном соку». Она быстро приедалась и копилась бесполезными запасами. Из разговоров: «Тебе хорошо, у тебя консервы собака ест. А мне куда их девать?» Надо было искать выход из этого неприглядного положения, а он был только один: снять более или менее подходящее жилье в малонаселенном поселении, которым тогда была Славянка.

По моей просьбе ротный старшина подыскал жилье в частном доме. Туда мы и переехали с Иваном Дуровым. К сожалению, Ваня был уже законченным алкоголиком, да и помещение вместе с хозяевами не очень устраивало. Вскоре нашлась квартира более подходящая. В домике у молодых хозяев была отдельная комнатка на две койки со столиком, где мы поселились с начальником штаба батальона Сашей Марковым. Зина готовила на общий стол и обстирывала нас за умеренную плату. Жили дружно. У Николая с Зиной были хорошие дети, сын трех лет и двухлетняя дочь, и они нас развлекали. Я лежу на койке, отдыхаю.

В комнату заходит девочка. Хитро поглядывая на меня, начинает работать, подвигать стул к столу. Стул придвинут, и она начинает карабкаться на него, переваливаясь животиком. Вот она уже стоит на стуле и начинает хозяйничать на столе. Там ее всегда привлекают флаконы в виде кремлевских башен с духами и одеколоном из набора «Кремль». Первым всегда берет меньший флакон с духами и с наслаждением выливает себе на голову, опять же лукаво поглядывая на меня. Ха-а-а-а! Следующим бывает уже флакон одеколону. Но тут влетает Сашка, усматривает безобразие и дает озорнице легкий подшлепник. А-а-а! Общий смех.

Полк наш был укомплектован рядовым и сержантским составом не более чем наполовину штатной численности. Образовательный уровень значительной части рядовых, призванных из бывших под оккупацией западных областей (Курской, Калужской, Брянской и др.), оказался на удивление низким. Они читали с трудом, писали безграмотно. Боевая подготовка практически не проводилась. Более или менее соответствующий воинскому строю порядок поддерживался в учебной роте, готовившей младших командиров, сержантов. Полковые капельмейстеры иногда выводили свои учебные роты (батареи) на плац для состязаний в исполнении строевых песен. В моде были красивые песни старины: «Солдатушки, бравы ребятушки...», «Взвейтесь соколы орлами...», «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...». Не то, что мы в свое время:

Наша школа младших командиров
Комсостав своей стране кует.
Смело в бой вести готовы
За трудящийся народ.
А и того лучше:

Люди мы такого норова,
Что деремса до конца.
Мы наследники Суворова,
Полководца и бойца.

В 60-е годы в ходу были другие песни:

Всем охотникам до драки
Мы сумеем доказать,
Где у нас зимуют раки,
Где живет у Кузьки мать.

Большая часть полка была занята на разных хозяйственных работах. Отдельные команды работали на кирпичном заводе в Уссурийске (в то время Ворошилов Уссурийский), на лесозаводе в Спасске, в леспромхозе в пос. Варфоломеевка. Нас, офицеров, откомандировывали с ними для порядка. Бытовые условия спартанские. Питание общее. Запомнились щи из сушеной капусты. Съедалось сразу, но один из нас пригляделся: «Ой! Чего мы едим!» С мелкими блестками жира во щах плавало великое множество мелких сушеных гусеничек и еще каких-то тварей. А! Ничего!

В гарнизоне военное ведомство затеяло строительство школы. Рабочие – опять наши солдаты. Но они окопники, умеют только траншеи копать. Делали и еще что-то. Общее руководство осуществлял какой-то прораб, выписывая наряды на работу. Наряды не выполнялись, и нас ругали за плохую дисциплину. У нас в роте оказался командир взвода Леша Литвинов. Раньше он некоторое время служил в стройбате, понимал толк в оформлении рабочих нарядов и научил меня многогрешного. Команда нашей роты по бумажной отчетности стала выполнять наряды даже с превышением, и меня как успешного руководителя пытались заставить командовать рабочей группой всего батальона. Получился скандал с замполитом командира полка полковником Тентлером. Заставить выполнять не свойственную мне по служебным обязанностям деятельность они не смогли. А тут подошла и очередь, по выслуге лет мне присвоили очередное воинское звание «старший лейтенант».

Через какое-то время в помощь прорабу прислали еще несколько военных специалистов с небольшой командой кадровых строителей. Они поселились в только что построенном для них

строении через дорогу от домика наших хозяев. С двоими мы подружились. Вася Ружейников с женой Ниной и малолетним сыном был из подмосковной Ивантеевки, Володя Корсунский с женой Наташей – москвич. Это знакомство, говоря словами нашего доморощенного агента влияния, оказалось судьбоносным и серьезным образом сказалось на моем обустройстве в гражданской жизни. Судьба играет человеком!

Однако назначение полка – крепить оборону Родины. Этого не могли отменить никакие хозработы. Временами нас выводили в поле на войсковые учения. В одном из них мне пришлось участвовать в высадке морского десанта. Полк проследовал маршем до бухты Посьет и был посажен на десантные корабли. Больше суток нас поболтали в открытом море. Мертвая зыбь изрядно раскачивала наши плоскодонные суденышки, и рота поголовно изнемогала в трюме от морской болезни. Не только наши. Замполит капитана нашего корабля в разговоре пожаловался мне, что он тоже с трудом переносит эту качку. Вот корабли подошли к берегу, уткнулись носом в песчаное дно, одни откинули аппарели, а другие выдвинули штормовые трапы, и мы горохом посыпались в мелководье. Нужно было следить за быстротой высадки, предотвратить падения и другие несчастные случаи, набегу развернуть роту в цепь и с криком ура! ринуться в атаку. Выдвинутые вперед матросы ставили дымовую завесу. Пробежали, а одного нет. Вернулся, нашел его испуганно прижавшегося в котловине перед завесой. Вперед! С приключениями, но довольно быстро, преодолели около 15 км. Над берегом у места высадки возвышался конус одинокой сопки. Говорили, что там стоял инспектирующий маршал Баграмян, наблюдал десант и вроде бы одобрил наши действия. Еще бы не одобрить, мы рванули вверх по склону горы орлами.

Вспоминая прошлое, замечаю – все-таки я был тогда в приличной форме. Независимо от этого, с болью за армию и страну отмечаю тот прискорбный факт, что затеяв 1-ю Чеченскую вой-

ну, наши военачальники не имели под рукой ни одного по настоящему боеготового соединения или хотя бы части. Наш полк в то время тоже не представлял собой полноценную боевую единицу, но мы не ударили лицом в грязь. Видимо в армии еще сохранялся боевой дух времен войны. Но в натуре мы прекрасно сознавали упадок боевых возможностей тех частей и соединений, в которых мы служили. Больше всего довелось об этом говорить с Колей Макаровским. Он был единственным из прежних товарищей, с которым в этот период мне пришлось служить почти что рядом. Он получил назначение в отдельную артбригаду береговой обороны. Бригада, как и наш полк, располагалась в пос. Славянка, и мы часто встречались. Мы не питали никаких иллюзий в отношении своей военной карьеры. Наоборот, мы считали, что выполнили свой долг перед армией и страной с преизбытком и мечтали о выходе на гражданку. Думалось, освобождение армии от балласта, которым мы себя осознавали, оздоровит армию молодыми кадрами, готовыми служить с достойным усердием. В разговорах выражалась надежда, что с назначением министром обороны маршала Жукова ему удастся переломить ситуацию. Увы! Надежды юношей питают.

Другие многодневные полевые учения были приурочены к визиту Никиты Хрущева в Китай осенью 1954 г. Он приехал укреплять дружбу с братцем-китайцем Мао и от великого ума отдал ему порт Дальний и Порт-Артур с выводом наших войск. Командование Дальневосточного военного округа ожидало посещения Микитой воинских частей и желало показать ему высокую боеготовность. Войска округа вывели в поле на маневры. Наш полк занимал оборону на участке побережья к югу от бухты Славянка. Нашей роте достался изолированный участок на берегу уютной бухточки. В моем распоряжении два станковых пулемета и одно орудие. Расположились в позиции. Проверить меня, неопытного ротного, заехал командир полка – командира роты опять не было. Он посоветовал расположить орудие ближе к бере-

гу на прямой выстрел (траектория прямого выстрела не превышает высоты цели). Но я и сейчас уверен, что выбранная мной позиция была предпочтительней. Прибрежный участок неизбежно разметет артиллерийская подготовка высадки противника. После маневров объявили двое суток отдыха, которые ознаменовались всеобщей пьянкой. Надо сказать, что такого пьянства, какое мне пришлось пережить во время службы в Славянском гарнизоне, мне видеть не приходилось. Даже удивительно, как я не спился.

Я поспешил в отпуск и отправился в свою деревню. И вот:

«Живу я в деревне,
Хожу на охоту,
Пишу мои вирши,
Живется легко».

И, как монахи у Пушкина, ни о чем уж больше и не думаю. А думать пришлось очень скоро. По возвращении из отпуска нашел свой полк как разворошенный улей. Во-первых – начинается расформирование дивизии, во-вторых – идет процесс демобилизации офицерского состава в связи с объявленным Хрущевым вторым этапом сокращения армии, для многих очень болезненный. Выгоняли из армии грубо, без всяких церемоний и снисхождения. Некоторым не давали возможности дослужить даже нескольких месяцев, чтобы иметь право на получение 40% пенсии (20 лет), не говоря уже о пенсии полной (25 лет). У меня не набиралось и полных 12 лет, и ничем я не был связан и не обязан. Живется легко!

По прибытии в полк первым меня встретил зам. командира полка по политчасти полковник Тентлер:

– Ну, как? Тебе, наверное, все уже рассказали? Демобилизоваться!

– Я так и думал.

– Хорошо, завтра же пошлем в дивизию документы на демобилизацию.

И я стал ожидать и ничего не делать. А между тем в Славянку

начали прибывать представители других воинских частей. Оказалось, места дислокации частей Славянского гарнизона должны занять части, которые выводятся из Порт-Артура и Дальнего (Дайрен) по договору с Китаем. По сравнению с недоукомплектованными нашими частями они были полнокровными и более боеспособными. В офицерской столовой среди вновь прибывших я встретил своего бывшего командира 33-го гвардейского минометного полка полковника Панкова. В то время мы с Володькой были у него на примете, и он мог бы меня вспомнить, но я не подошел. Зачем? Тем более, служить больше я не собирался.

Опять напасть! Из штаба дивизии телеграмма. Я должен явиться в штаб армии «на беседу». На простом языке это означает назначение на новую должность куда-нибудь на Чукотку, Камчатку, Курилы (Владимир Богомолов. Жизнь моя, иль ты приснилась мне. Часть 5: На Дальнем востоке. Часть 6: Там на Чукотке). Я к полковнику Тентлеру – спаси и сохрани! Тентлер (добрая душа) сразу нашел выход. Ответная телеграмма: ст. лейтенант Комаров находится в командировке. Без вранья! Воспользовались okazjiей. Наш начальник штаба из обломков полка формировал под себя отдельный батальон и отбирал лучших. Команда из 30 «лучших» рядовых и сержантов находилась в командировке в леспромхозе в Варфоломеевке. Я должен был отвезти им на замену 30 солдат похуже, а тех привезти в полк. С заменой «семи пар нечистых» на «чистых» я справился вполне успешно, и мои документы на демобилизацию продолжали шествовать в Министерство обороны. Коля Макаровский не избежал собеседования. Генерал, член военного совета армии, недоумевал:

– И чего ты так на гражданку рвешься? Чего там хорошего?

– А вот хотя бы то: если моя организация, в которой я буду работать, загорится ночью и меня никто не вызовет по тревоге.

– А кого же вызовут?

– Пожарных!

Армейские мозги сильно деформированы солдатчиной, и в этом нет особой вины самого человека. Так устроен мир.

В бывшем полку воцарилась обстановка какого-то безвременья. Люди моего окружения разъезжались, связи рвались, вокруг образовывалась тоскливая пустота. Мои документы на демобилизацию отправлялись в последнюю очередь, и я оставался в одиночестве. Наконец и на меня пришел приказ Министра о моей демобилизации. Кажется, это было 3 марта 1955 года, и я отбыл на волю.

О чем я тогда думал? Мысли о будущем были туманны. Одно я знал твердо – мне надо учиться и непременно получить высшее образование. Какое? Тут я терялся и не знал, с чего начать, хотя и сознавал у себя некоторые способности. По положению демобилизованному офицеру давалось три месяца срока, в течение которых он мог устроиться на работу без потери непрерывного трудового стажа. В Архаре у нас тогда первым секретарем райкома КПСС был Демин. Он постоянно останавливался у нас при объездах колхозов, хорошо знал нашу семью и даже хотел сделать из моего отца образцового председателя колхоза. Воспротивилась этому мать. Она не без оснований опасалась, что «доброжелатели» подстроят доверчивому отцу какую-нибудь каверзу, как теперь говорят, подставу. Демин внял ее просьбам и содействовал в освобождении отца от председательского бремени. Председателем прислали нового «кота в мешке», бывшего главного агронома Иннокентьевской МТС Терехова. Он хоть и агроном, а как председатель колхоза оказался негодим, но это уже другая история. Меня Демин тоже знал и стал уговаривать к поступлению на работу в свой райкомовский аппарат. При существующем положении я мог получить должность секретаря райкома по зоне МТС, введенную тогда волевым решением Хрущева. Зная мои устремления, он обещал послать меня вскоре на учебу. Это могла быть только партийная школа при Хабаровском крайкоме с перспективой поступления в последующем в так называемую высшую партийную школу при ЦК КПСС. Прослышал я и об интересе к моей персоне со стороны некоей Елизаровой, но-

воявленной звезды в обойме райкомовских-райисполкомовских структур Архары, вероятно, с легкой руки Демина. Бесплодность так называемой партийно-политической работы я уже познал на низовом уровне. Подобные виды на будущее меня не увлекали.

«Ты, хлопец, может быть не трус, да глуп,
А мы видали виды».

Я даже избегал поездки в Архару и за этими хлопотами упустил случай записаться в школе справкой о том, что окончил 9 классов. Это упущение мне припомнилось немного позже.

Почти месяц я проволынил в деревне у отца с мамой и решил ехать не куда-нибудь, а прямо в Москву, где, как я полагал, было больше возможностей для выбора подходящего вуза. В кармане у меня было 2000 р. и 600 р. ежемесячного пособия, которые я должен был получать в течение года как демобилизованный офицер в чине ст. лейтенанта, 100 р. за звездочку на погонах. По приезду в Москву я нашел своего солдатского друга Володю Крупенкова. Он был тогда студентом Лесотехнического института в Подлипках, теперь г. Королев. Первым делом мы занялись моей экипировкой. По сходным ценам купили пальто демисезонное, костюм, пару рубашек, ботинки, шляпу и таким манером преобразовали меня в гражданского человека. Руководителем тут был, конечно, Володя. Он уже четыре года проживал по вольному распоряжку и мог понимать толк в гражданской амуниции. На свет появился новый человек в шляпе и с галстуком, только что без тросточки.

Теперь мне первым делом было необходимо устроиться на работу. На первых порах я намеревался получить какую-то квалифицированную рабочую специальность. В то время во многих местах были развешаны специальные стенды. Наклеенные в них бумажки приглашали: требуются, требуются – разные специальности. У меня же никакой специальности нет. Учеником токаря, слесаря, фрезеровщика не принимают, не подхожу. Офицер! Унижительно? На стройку не желаю. Испробовал я много мест и все безуспешно. А между тем кончается трехмесячный срок, поло-

женный на обустройство демобилизованному офицеру. На стенде в переходе от Большого Черкасского переулка к Новой площади увидел объявление: Военкнижторгу требуются кладовщики на книжный склад. От безысходности думаю, на первый случай можно пойти и в кладовщики, потом видно будет. Книжки-то считать я смогу. Контора Военкнижторга оказалась поблизости, на Маросейке. Она занимала правый угол в доме, левым углом выходявшем на Большой Комсомольский переулок. Прием был уважительный. Однако главный бухгалтер Петр Павлович мне популярно объяснил, что в кладовщики я не гожусь. Сакраментальное словосочетание – материальная ответственность. Слово «ответственность» я понимал, но сокровенный смысл материальной ответственности мне пришлось уяснить несколько позже. А пока мне предложили должность грузчика, на что я согласился без колебаний.

Главное же препятствие меня ожидало еще до всех моих хлопот по поискам работы, о чем я раньше и не подозревал. Прежде всего я должен был встать на учет в военкомат с получением военного билета и оформить прописку с определенным местожительством, и эти процедуры были взаимосвязаны. Временно мне пришлось осесть у тетки Любови Родионовны, жены маминого брата дяди Сани. Она с их младшим сыном Аликом проживала в полуподвальной однокомнатной квартирке в небольшом строении по Подкопаевскому переулку и приняла меня вполне радушно. Как я уже писал, сам дядя Саня жил в это время другой жизнью под Акмолинском, а старший сын Женя скитался по тюрьмам. Ни о какой прописке здесь, даже при самом благожелательном расположении с любой стороны, при тех порядках нечего было и думать. К тому времени я нашел сослуживца по гарнизону в Славянке Володю Корсунского. Он проживал у родителей своей жены Наташи на ул. Солянка. К нему я обратился с извечным русским вопросом – Что делать? Володя сказал, что помочь мне может только Вася Ружейников, тоже сослуживец по Славянке. И я пошел к Васе.

Вася имел жительство в фабричном поселке Ивантеевка. Многоквартирный дом ФУБРа (Фабричное управление быта рабочих) довоенной постройки был густо заселен, чтобы не сказать больше. В трехкомнатной квартире обитало несколько семей. В одной из комнат вместе с отцом и матерью помещались Вася с женой и сыном, его брат с женой и ребенком и младший брат, еще холостой. Вася принял живое участие в моих жизненных коллизиях. Он свел меня с делопроизводителем райвоенкомата г. Пушкин. С моей стороны было заплачено, кажется, 500 р., и я был поставлен на военный учет с получением военного билета. Прописка была оформлена в деревне, помнится, Новоселка Пушкинского района у какой-то бабки, которой я должен был платить 50 р. в месяц, хотя сам ее никогда не видел. Случилось так, что я должен был в первый свой рабочий день выходить на работу и в тот же день ехать в Пушкино оформлять прописку, чтобы тут же представить ее кадровику для окончательного зачисления на работу приказом начальника. Я не знал, как быть. Все у меня получается в последний момент. Ребята грузчики посоветовали:

– Скажи Григорию Георгиевичу. Он человек хороший и разрешит тебе отлучиться.

И он действительно разрешил мои сомнения безоговорочно. Начальник центрального книжного склада Григорий Георгиевич Зарецкий, коренной москвич, высокий стройный мужчина 70 лет, имел решительный и довольно резкий, крутой характер. Он был из тех хозяйственников, которые за время своей карьеры обретают немалые связи и знакомства в деловой среде. Ко мне он почему-то сразу проникся заметной симпатией, по работе вводил меня в круг своих знакомств и связей, всегда поддерживал меня в трудную минуту, и я многим обязан его покровительству.

По штату я числился экспедитором. Этим я был обязан отсутствию в штатном расписании Военкнижторга должности грузчика. Действительными экспедиторами были три опытные женщины, к которым придавалось грузчиками два или три экспе-

дителя. Бригада с экспедитором во главе получала в типографиях и складах и грузила на автомашину книги и канцелярские товары и сгружала все это на свои склады. Рядовые экспедиторы привлекались также на погрузку книг со своих складов в контейнеры, отправляемые по военным округам. Раз в месяц отгружался двухосный вагон с книгами в специальных ящиках на Сахалин. Для меня это было нетрудно, никакой ответственности.

Довольно скоро и неожиданно произошло изменение в моей карьере. Этим обстоятельством я, видимо, был обязан покровительству главного бухгалтера Петра Павловича. Как фронтовик он мне явно сочувствовал. Я был назначен зам. зав. складом канцелярских товаров. Склад помещался в подвале дома на 5-й Тверской-Ямской против Института нейрохирургии им. Бурденко (мне еще предстоит в нем побывать). Моим начальником был заведующий складом Викторов, живой деятельный человек полного телосложения лет за 50, с головой, увенчанной шапкой темных кудрявых волос. В нем угадывались признаки бойкого работника прилавка, по-моему – прожженного торговца. Но деятельность склада выглядела скромно. Через него снабжалась канцтоварами вся московская милиция: отделения, отделы, ЗАГСы. Пользовались услугами склада и некоторые проектные организации. Потребители предъявляли стандартные фирменные справки-требования, по которым подателям отпускался товар на указанную сумму от 200 руб. (ЗАГС) до 5000 руб. – крупные отделы.

Посетителей принимали сначала мы с Викторовым. По их требованию мы выписывали накладные в пределах указанного в справке лимита: бумага писчая, копировальная, оберточная, карандаши, перья, чернила, сургуч и т.п. мелочи. Главной работницей у нас была бойкая женщина Зина. По накладным она быстро отбирала требуемое, на ходу шустро заменяя по просьбам трудящихся – вечно сомневающихся женщин, шило на мыло по сходным ценам и паковала товар. Как работнице цены бы ей не было, но, к сожалению,

нию, она страдала шизофренией и приходилось это как-то улаживать. Выписанные нами накладные сдавались в бухгалтерию, и по ним производился неведомый нам безлический расчет. За товаром обычно ездил я. Машину заказывал сам Виктор у каких-то наших постоянных клиентов, не утруждая нашу контору Военкнижторг. Писчая бумага большей частью была плохая, грубая, с желтовато-коричневым оттенком. Изредка поступала белая финская бумага. Для отдельных клиентов была у нас и бумага «верже». Для них же у Викторова приберегались специально добываемые многолезвийные, вроде как антикварные, перочинные ножи, дефицитные шведские бритвенные лезвия «Матодор» и еще какие-то мелочи. Эти редкости по стоимости компенсировались выписанной по накладной писчей бумагой. В количественном (не в денежном) выражении получался некоторый запас бумаги, товара фондового и тоже дефицитного. Не знаю, может он как-то с этим и мухлевал.

Особым доверием у нас пользовались два полковника. Афанасьев был из ХОЗУ милиции московского метрополитена, Медведев работал в том влиятельном отделе МВД, который и сейчас помещается на ул. Огарева – не знаю, что он из себя представляет. Медведев по сравнению с Афанасьевым был более заносчив и щепетилен, но выпивал с нами на равных, а с Афанасьевым я вроде как и подружился. Высокое знакомство помогло мне временно решить жилищный вопрос. Тетка пока не возражала, и они устроили мне временную прописку на полгода, а потом продлили ее еще на полгода. При их возможностях они обещали мне вскоре устроить и постоянную прописку. Но это зависело уже от согласия тетки, на что я особенно не надеялся. Пока же и временное пристанище позволяло мне принять некоторые меры по вопросу моего образования.

Дело заключалось в том, что я не имел законченного среднего образования. В армию я был призван в ноябре, не окончив и полугодичного обучения в 10 классе и, следовательно, не имел образовательного ценза для поступления в вуз, что называется аттестатом

зрелости. Не созрел! Поблизости от Подкопаевского, в переулке Подколокольном, я нашел подходящую вечернюю школу. По своей беспечности я забыл (как уже говорил выше) запастись в Архаре справкой об окончании 9 классов. В запасе у меня оказались похвальные грамоты за 7 и 8 классы. За 9 класс у меня таковой не было. Учительница по математике (помните?) безоговорочно требовала формулировать правила строго по учебнику, а я, презирая зубрежку, принципиально отвечал своими словами. К тому же у меня почему-то оказался томик пятизначных таблиц логарифмов, а она требовала в обязательном порядке пользоваться табельными школьными четырехзначными таблицами Брадиса. Не одно ли и то же? Разница только в точности не до четвертого, а до пятого знака. Она, конечно, это прекрасно понимала, но не хотела простить мне своеволия. Сознавала он и мои способности по сравнению с другими учениками, но годовую оценку по алгебре «отлично» не поставила.

Школа называлась «имени газеты Красная Звезда». Директор школы, довольно пожилого возраста, оказался из породы самодуров. Но может именно это меня и выручило. Вначале он не хотел воспринимать никаких моих доводов и с негодованием отвергал мои похвальные грамоты. Но потом, утомленный спором со мной, закричал совершенно в духе Чапаева:

– Экзаменовать его!

По его вызову прибежали две молоденькие учительши и повели меня в класс экзаменовать. «Экзамен» заключался в простеньком до изумления диктанте. Выхватив написанный мною листок, они побежали по коридору с восклицаниями:

– Да он же совершенно грамотный человек!

Тут я начал приходить в сознание, за какого же проходимца они меня принимали. Благополучный «экзамен» обратил гнев директора на милость, и он постановил: «Принять!» А будь он буквоед? Благополучно проходил я в школу весь срок обучения, особым прилежанием не отличался, но, тем не менее, с легкостью душевной получил аттестат зрелости.

По заведенному Викторовым распорядку в 13.00 мы закрывались на обед. Для этого с 5-й Тверской-Ямской я отправлялся в Елисеевский магазин (и ни в какой другой!). Там покупались буженина, ветчина, семга или что-нибудь подобное и обязательно бутылка коньяка. Коньяк, конечно, был явным излишеством. Выпить полбутылки я мог, мог сознавать себя независимым, пока получал 600 р. за звание – а дальше? Внешне все выглядело благополучно. Перед каждой ревизией мы устраивали собственный переучет, подводили баланс нашей торговли и благополучно отчитывались. Но какой-то червячок сомнения все-таки точил меня, и я чувствовал себя не вполне уютно.

В сентябре меня посетил отец. Он был послан по путевке на ВДНХ за успехи на посту председателя колхоза. С его утверждением в качестве делегата на колхозном собрании не обошлось без скандала. Образовалась «оппозиция», замешанная на самой примитивной зависти. Отец не любил, да и не умел вступать в скандальные словопрения. Он встал, швырнул им в зал колхозную печать и ушел с собрания: «Нате! Правьте сами!» Мать потом ругала его за этот, недостойный по ее мнению, поступок. Она бы в таком случае побранилась от души. Кто кого переорет. Но отец был непреклонен и председательствовать не собирался. Приехал секретарь райкома Демин, навел порядок, и отец поехал в Москву. Быть бы отцу агрономом. Уверен, по своим способностям он был бы хорошим агрономом. Я видел, как он понимал и любил землю и умел планировать поля под посевы с соблюдением севооборотов, понимаемых им по своему житейскому опыту.

К тому времени я успешно сдал экзамены в Лесотехнический институт в Подлипках. Выбор определялся несколькими причинами. В нем уже учился мой друг Володя Крупенков. Мне казалось, что окончив лесоустроительный факультет, я прекрасно проживу на природе. Таежная жизнь мне была знакома. Мне пришлось выбрать вариант вечернего отделения, на дневном я не надеялся просуществовать на одну стипендию. Поступить в какой-

то более престижный вуз мне казалось затруднительно из-за уровня подготовки. А высоты МГУ представлялись недостижимыми. Мечта, не более. Единственное, на что я осмелился – провести предварительную разведку в Историко-архивном институте. Но там я не нашел взаимопонимания. Мне дали понять, что здесь требуются люди с «философическими» мозгами. У меня были не такие, и слава богу. Тогда этот институт произвел на меня впечатление второсортности. «Архивны юноши», девицы. Я и сейчас так думаю, невзирая на громкое переименование – РГГУ. От перестановки слагаемых сумма не изменяется.

По прошествии немногого времени служебная карьера моя пошла зигзагом. Неожиданно Викторова поразил тяжелейший инсульт, и он вскоре скончался. Случайным образом я оказался во главе склада. Кажется, я там не был подходящей фигурой и на какое-то время годился только на вторые роли. Для меня остается загадкой, для какой цели Военкнижторг взялся снабжать канцтоварами московскую милицию, организацию не профильную. Сам склад в системе Военкнижторга выглядел обособленно и существовал особняком. Вопрос разрешил несчастный случай. В спешке при посадке на электричку погибла начальница центрального канцелярского склада, который находился в Вязовке, тогда за пределами Москвы. На ее место начальником склада назначили меня. Мой склад прикрыли как-то сразу и незаметно. Я даже не помню, чтобы при его ликвидации у меня был сделан учет остатков.

На новом месте порядки были другие. Склад состоял из двух специализированных строений с эстакадами для погрузочно-разгрузочных работ с обширным двором. Здесь постоянно накапливался товар и отгружался контейнерами по военным округам. Нас, кладовщиков, было трое с солидарной материальной ответственностью, двое мужчин и одна женщина. Грузчиков было три человека от специальной организации. Работа кипела, но, естественно, никак меня не увлекала. Я еще успевал посещать некоторые лекции в институте, получал и выполнял задания, учебный процесс под-

держивал. Недолго музыка играла. Мои сотрудники объявили мне недоверие. Двое на одного. В один контейнер не была вложена указанная в накладной пачка записных книжек. В пачке их было штук 700 на сумму порядка 900 р. Выходило, эту пачку украл я. Грузчики, бывшие целиком на моей стороне и мне сочувствовавшие, объяснили суть происшедшего. И очень даже просто – *cherchez la femme*, ищите женщину. Там и женщина-то была, хоть бы что-то видное! Единственная в нашем коллективе, она и оказалась смутьянкой. Вначале она делала недвусмысленные попытки привлечь внимание к своей особе с моей стороны. Встретив абсолютное равнодушие и явную неприязнь, она переключилась на другого, в чем и преуспела. Только я один ничего не замечал.

Доказать свою невиновность я не мог, было обидно. Думаю, в этот поклеп никто у нас не верил. Нет худа без добра! Освободили меня от рутинной работы и перевели на работу по транспорту, не такую занудную и постылую, как кладовщик. Я должен был заказывать на следующий день необходимое количество автомашин и обеспечивать подачу контейнеров под погрузку книг и канцтоваров. Вторая задача была труднее и требовала постоянного внимания и изворотливости. Контейнерные перевозки планировались за год вперед, планы подачи контейнеров не выполнялись и всегда находились под угрозой срыва, отчего напрямую зависели и месячные планы Военкнижторга, а, следовательно, и зарплата, премиальные. Становлению на новом месте я целиком обязан Грише, Григорию Георгиевичу Зарецкому. Он ввел меня в курс дела, познакомил с нужными людьми в МОСУТЭКе (управление контейнерных перевозок). Центральная контора помещалась на Нижней Масловке. Начальник управления Лычев обликом, резкими решительными манерами напоминал Зарецкого. С ним я был знаком только официально. Деловые вопросы решались с его заместителем Денисовым и обычно сопровождались дружеской выпивкой. Повседневная работа была сосредоточена в особой конторе на ул. Чернышевского (ныне Покровка), где оформлялась вся документа-

ция и согласовывалась подача контейнеров под погрузку. Дружить приходилось с начальником Копчуком и чаще с его заместителем (фамилию забыл). Деловые дружеские отношения обязательно скреплялись совместной выпивкой. Об этом приходится говорить, потому что так было принято, разумелось само собой. Благодаря этим знакомствам, уже будучи в Институте археологии, я успешно добыл контейнер для экспедиции С.В. Киселева, который забыли заказать своевременно, за год вперед.

В кабинете на Маросейке с отдельным входом от Большого Комсомольского переулка нас было трое: начальник центрального книжного склада Зарецкий, товаровед-бракер по книгам Павел Петрович и я. Отношения были дружеские. Павел Петрович был земляк, рязанский, из Касимова, и между нами иногда происходили разговоры о литературе, вспоминали Есенина. Сам он прошел суровую торговую школу, начинал с мальчиков, отданных в учение. С главным бухгалтером Петром Павловичем они были свояки по женам-сестрам и конфликтовали по поводу футбола: один был болельщик ЦСКА, а Павел Петрович – спартаковец. С Зарецким у него иногда возникала незлобивая полемика на разные житейские темы:

– И что ты, Павел Петрович, возмущаешься? Вот если вы с Коськой придете ко мне в гости и я за 50 рублей накормлю вас обедом, да еще и четвертинку поставлю (для непонятливых – это 5 рублей после изменения масштаба цен вплоть до «перестройки»).

– За 50 рублей? Ну, это ты, Зарецкий, врешь! Берет счета.

– Так! Четвертинка – 12-75, Закуска, что на закуску? Ветчина по 150 грамм, осетрина.

– Ну вот! Тебе еще и осетрину!

– А ты как думал? Знаешь, как в старое время приказчики обедали? Была и ветчина, и осетрина, и по стакану водки-казенки – и все от хозяина. Старший приказчик выпивал стакан «смирновки» за свой счет. Мне, мальчику, водки не полагалось. Ничего! Осетрина!

Всего он накидал на счетах на сумму 98 рублей, по номиналу 60–80-х годов всего около 10 рублей.

Все бы хорошо, но передо мной стеной встал неразрешимый московский квартирный вопрос. Без видимых на то причин я понял глухое нежелание тетки продлить прописку. В это время она оставалась одна. Младший сын Алик тоже оказался в тюрьме. Может я мешал ей чем-то? Короче, жить мне стало негде, и я бомжевал. Временами я уже с утра задумывался о ночлеге. Иногда ехал в Ивантеевку к Васе Ружейникову. Но это только раза два-три в месяц переночевать. У них самих в одной комнате ютились тогда три семьи. Ночевал, где придется, только на вокзалах не ночевал ни разу. Стало невозможно поддерживать учебный процесс, и я безнадежно отстал. Успел сдать зачеты только за первый семестр. Нужда кинула меня в объятия одной женщины. И хотя я с самого начала понимал бесперспективность этого сожительства, но деваться было некуда. А прожил я с ней почти 13 лет. Большую часть этой поры я пребывал в должности кладовщика в Институте археологии, и она воображала, что там я должен был иметь какие-то левые доходы, ведь кладовщик. Ей нужны были только деньги. Какие? С кем поведешься? Об этом периоде мне и говорить не хочется.

Изменились и мои служебные обстоятельства. Ушел на пенсию старый заслуженный зам. начальника Военкнижторга Китаев. На его место пришел (был пристроен по блату?) отставной полковник Медведев. Он напомнил мне тяжелого тупого политработника с солдафонскими наклонностями, и вскоре между нами возникли неприязненные отношения. Между тем среди нас появился новый человек с непонятными должностными обязанностями. Как я понял после, это был его кандидат на мое место. Место само по себе незавидное, но для начала вполне подходящее. Меня стали тихо выживать. Дошло до того, что по надуманному поводу меня вызвали на парткомиссию, которая могла наложить взыскание от выговора до исключения из партии. Военкнижторг

тогда входил в структуру тыла Советской Армии. Тут, по-моему, проявилась явная связь с покровителями этого самого Медведева по службе в армейских политорганах. Парткомиссия помещалась в здании, фасадом выходящим на Красную площадь, а боковыми сторонами – к ГУМу и Варварке. В парткомиссии оказались одни генералы или почти одни генералы. Мои попытки как-то оправдаться вызвали неопишуемый гнев: «Что!?! Он еще выступает! Не подчиняется!» Мне спорить с генералами? Знаю! Я сразу перестроился под солдата: «Слушаюсь! Так точно! Никак нет!» Обошлось, кажется, выговором.

Некоторое время спустя в нашу контору зашел довольно невзрачный кругленький человек. Он обратился к Григорию Георгиевичу за помощью или советом по какому-то делу. Григорий Георгиевич имел довольно обширные связи и знакомства по прежним работам и дал ему нужную наводку. Тогда пришелец стал хвастать, что он работает в Академии Наук. На нас это известие произвело большое впечатление, показалось чем-то чуть ли не заоблачным. Гриша (он любил, когда его называли Гриша) восторженно воскликнул: «Послушай, у тебя там нет местечка? Возьми у меня Костьку (говорилось – Коську), а то тут его съедают». Оказалось, он работает зам. директора Института истории материальной культуры АН СССР по АХЧ. Он стал мямлить нечто, однако выяснилось, что там возникла потребность в кладовщике на складе экспедиционного снаряжения и материалов. Кладовщик, так кладовщик, работа знакомая.

Я пошел на разведку. Первой меня встретила секретарша Мария Софроновна Никоро, Софрониха. С высокомерной улыбкой, напоминающей лошадиный оскал, она гордо заявила: «У нас теперь новый зам и ни кто-нибудь, а отставной майор, а ты кто?» Подумаешь, майор! Мне и генералы не в диковинку. Я и с генералами «на дружеской ноге». Директор, тогда член-корр., Борис Александрович Рыбаков оказался на месте и принял меня немедленно. Ему, видимо, не понравилась сама попытка самовольно решать некоторый кадровый вопрос недавно принятым на работу замом по АХЧ. Не

по чину! Подозрительным казалось и то, что ходатай был якобы майор в отставке, а претендент – ст. лейтенант запаса. Зародыш какой группы? А может претендент на должность, жулик? Прощупать меня на этот предмет перепоручили ученому секретарю института Николаю Яковлевичу Мерперту. По его мнению, фронтовик Мерперт мог понять, что из себя представляет этот бывший офицеришка. Конкретного содержания нашей душевной беседы не помню, но результатом было безусловное заключение Николая Яковлевича – годен. Так я был принят в Институт, вскоре переименованный в Институт археологии. Это случилось 26 февраля 1958 г.

Принял склад. Он находился в самом центре, на проезде Владимира, одним концом выходящим на Ильинку, вторым – на Варварку. Это был большой подвал с высокими сводчатыми потолками высотой не менее 7 м под домом, построенным до революции по старым канонам. В нем еще прилично работала естественная вентиляция и было сухо. Экспедиционного имущества тогда было еще мало, всего штук 60 спальных мешков, примерно столько же старых палаток и прочая мелочь. Маленькая комнатка вроде закутка была при лаборатории. Лаборатория помещалась в Большом Черкасском переулке, где позже был один из магазинов Академкниги. Сюда можно было войти с улицы, т.е. непосредственно с вышеназванного переулка, и со двора. С улицы нужно было пройти по узкому коридору и от двери внутрь спуститься на две или три ступеньки в само помещение. От этого входа по левую сторону окнами в переулок располагалось четыре небольшие комнаты-кабинеты. Первый кабинет был разделен стеллажом на две половины, заставленным лотками с археологическими находками. В первой половине Гайда Андреевна Авдусина работала с материалами Новгородской экспедиции. За стеллажом восседал главный остеолог профессор Вениамин Иосифович Цалкин, определявший добытый в раскопках костный материал. Здесь периодически происходила одна и та же сцена. Экономные начальники экспедиций часто привозили немывтые кости в первозданной грязи и пыли. Добродушный Цалкин мог безропотно

копаться в этой пыли. Но Гайда всегда была на страже. При появлении первого же ящика с костями она вскакивала с места, останавливала несунув на пороге и устраивала досмотр с пристрастием. Если кости оказывались грязными, вся партия безоговорочно заворачивалась на мытье. Вениамин Иосифович помалкивал, хотя Гайда Андреевна нередко на него покрикивала, коря за излишнее добродушие.

Следующие две комнаты занимали реставраторы и пыльцевики. В реставрационной работали универсалы Нина Николаевна Немнонова и Тамара Михайловна Смирнова. Они занимались реставрацией находок от металлических изделий до керамических сосудов. К ним присоединился мой предшественник по складу Кузьмичев, работавший только по керамике. В кабинете пыльцевого анализа работали Горислава Николаевна Лисицина и Надя Блохина. При мне уже они получили новые микроскопы МБР и МБИ – микроскоп биологический, рабочий и исследовательский, а также довольно солидную центрифугу, заменившую маломощную настольную. В последней комнатке в тесноте работали фотографы: Петр Николаевич Петров, Михаил Михайлович Зайцев и Андрей Тарасевич. Рядом в торце коридора была темная комната для обработки негативов и печати. Четвертый фотограф, Юра Несквернов, работал на дому. Выделялись по классу Петр Николаевич и Юра. Был еще такой же на кафедре археологии МГУ Сергей Тимофеевич Бочаров, позднее работавший и в нашем институте.

Стена на двор была глухая. В конце против кабинета фотографов и был выход во двор. А у двери с улицы по этой стороне против кабинета Гайды Андреевны и Вениамина Иосифовича был небольшой закуток вроде кабинета кладовщика: стол, два железных шкафа с приборами (нивелиры, фотоаппараты) и канцелярской мелочью. Лестница у самой двери вела на второй этаж. Там была большая общая комната, где располагались все остальные лаборанты и сам завлаб, в то время Отто Николаевич Бадер. Лаборанты почти все были выпускниками кафедры

археологии истфака МГУ и отбирались в институт в качестве перспективных археологов, как Андрей Куза, Лев Кольцов, Павел Кожин, Женя Черных и др. А пока что они выполняли рутинную работу, распределяемую завлабом по заявкам экспедиций. Естественно, они не только мечтали о карьере в археологической науке, но и упорно работали над овладением ее высотами, в том числе без особой утайки и в рабочее время. Но были и просто чертежницы, художники. Последние работали дома. Несколько позднее стараниями Бориса Александровича Колчина лаборатория выросла за счет внедрения в археологию естественно-научных методов: спектрального анализа, дендрохронологии, технологии черной металлургии, палеомагнетизма, петрографии. Последние два метода развития не получили и были оставлены. Эти сотрудники первоначально размещались в пределах церкви Троицы в Никитниках в переулке у Старой площади.

Первым в лаборатории меня встретил оказавшийся в коридоре Вениамин Иосифович.

– Вы у нас новый сотрудник? Ну, слава богу, хоть одним мужиком прибавилось. А то одни бабы, деваться некуда.

Познакомились.

– Давайте закурим с вами, Константин Иванович.

Сели рядом на ступеньки у двери, закурили, поговорили.

Впоследствии оказалось, что на время убытия завлаба в экспедицию Вениамин Иосифович обычно исполнял его обязанности, не придавая этому никакого значения. Немного позже к нему препаратором был пристроен Боря Сушко, бывший до этого рабочим со мной на складе.

Собственно, в так называемом кабинете мне ничего особенного делать было нечего. Иногда приходили лаборанты, просили выдать им несколько листов ватмана, тушь, карандаши, перья и т.п. Все это они собственноручно записывали в конторскую книгу, и не помню, чтобы еще и расписывались.

В конце месяца я подытоживал записи и оформлял накладные за подписью завлаба в получении, и бухгалтерия списывала со склада выданные материалы. Вспоминается смешной случай. Завлабом тогда был уже Александр Федорович Дубынин, человек несколько недоверчивый и скрупулезный. Мы сидели за отдельным столом в комнате Гайды Андреевны и сверяли записи в книге с накладной. Между прочим А.Ф. спрашивает:

– А эти пять карандашей кто взял?

Отвечаю:

– Боря Сушко.

Из-за стеллажа голос Цалкина:

– Константин Иванович! Боре больше карандашей не давайте. Я дам ему 15 копеек, он сбегает купит.

Он постоянно потешался и подтрунивал над опасливой осторожностью Дубынина, обремененного ответственностью за лабораторию.

Забавной представляется реакция Цалкина на недоумение хозяйственников. Летом, в бытность его заместительства по заведыванию в лаборатории был затеян косметический ремонт. Вдруг не хватило краски. Там и нужна-то была всего одна банка в 1 кг стоимостью около 10 руб. Обычно в бухгалтерии имелись средства на мелкие расходы по товарным чекам. Но таковые к этому времени были исчерпаны, и нужно было ждать начала нового месяца. Хозяйственники, зам. директора по АХЧ Владимир Захарович и завхоз Сергей Михайлович Родченков, не знают что делать. Цалкин достает десятку:

– На!

В магазин на Маросейку побежал я:

– Вениамин Иосифович, я возьму чек, и они потом его вам оплатят.

– Константин Иванович, не связывайтесь с этими хозяйственниками, пошли они ...

Много позже иной была реакция Б.А. Рыбакова в сходной

ситуации, о чем мне рассказывал с великим смущением бывший в то время зам. директора по АХЧ Виктор Яковлевич Букарин. В двух соседних кабинетах убиралась перегородка, и они объединялись в один директорский. Тоже не хватало 10 руб. на лак для пола. Виктор Яковлевич объясняет ситуацию. Покрасневший Рыбаков судорожно выхватывает десятку: «Виктор Яковлевич, когда отдадите?»

Вскоре поступила срочная просьба из Новгорода прислать дополнительно некоторое количество плащей и резиновых сапог. Посыльным под рукой у хозяйственников опять оказываюсь я. Добиваюсь прибавки срока командировки вместо одного или двух дней до пяти или семи и с двумя набитыми плащами и сапогами рюкзаками отправляюсь в путь на автобусе. Встретил меня Борис Александрович Колчин:

– Очень хорошо. Только, Константин Иванович, вы тут не пейте. Нет, сами-то вы можете, но только с моими ребятами не заводитесь. А, собственно, за чей счет ваша командировка, кто должен оплачивать?

– Не знаю, Борис Александрович. Но поскольку командировка по вашему запросу, то мне кажется, что платить должны вы.

– Ага, понятно.

Позднее, в середине 60-х годов с тем же Колчиным произошел другой забавный эпизод. Бесцельно бродя по складу в наблюдении возможных неполадок, я наткнулся на небольшой ящик, одиноко стоявший на полу в явном небрежении. Я ткнул в него ногой и за проломившейся дощечкой увидел какие-то бумаги. Посмотрел: конторские книги с описью и рисунками деревянных предметов. А перед этим прошел слух, что Новгородская экспедиция потеряла «водяные» журналы, описи находок деревянных изделий, сохранявшихся в баках с водой. Кто-то даже сказал, что Колчин хочет нанимать лаборантов для восстановления описей, для чего придется вынимать из воды и вновь зарисовывать все вещи. Заходит Александр Филиппович Медведев. Спрашиваю:

– Говорят, вы потеряли водяные журналы?

– Верно. А ты что, нашел?

– Да.

– Ладно, молчи. Колчин обещал 100 р. тому, кто найдет. Не откажется. При свидетелях было. Петр Иванович был, Гайда была.

При встрече Колчин:

– Я вас поздравляю, Константин Иванович.

Недоумеваю.

– Ну как же, вы нашли и получите некоторую сумму. Только когда я говорил 100 р., то я имел в виду в старых деньгах. И облагодетельствовал меня суммой в 10 р.

По возвращении из командировки я нашел во дворе у склада чей-то вьючный ящик с экспедиционным имуществом и прибрал его в склад. Оказалось, ящик принадлежал экспедиции Кругликовой, свалившей доставку ящика на кого-то безответственного. Явившись самолично, она стала меня допрашивать, почему меня не было и где я был. В командировке. Дальнейший разговор г-жа Кругликова попыталась вести в форме допроса в прокурорском тоне, и мне пришлось довольно резко оборвать ее:

– На складе получали, на склад и сдавайте, подбирать за вами я не намерен. А командировка по заданию дирекции, идите и узнавайте, если это вас так интересует.

Вообще подобные эксцессы были вовсе не характерны в отношении ко мне сотрудников института. Я скоро адаптировался и был уверен, что в таком коллективе меня не станут обманывать, и не препятствовал свободно разгуливать по складу для подбора необходимого в поле имущества. Так оно, в общем, и было. Пропадала какая-нибудь мелочь, вроде полевых дневников. Но это на совести наемных, в основном из студентов, работников экспедиции, участвовавших в получении и погрузке. Потом оказалась недостача в рюкзаках. Очень просто, занимали их под свое барахло:

– Я вам после верну.

– Пожалуйста.

Но человек забывчив. Я научился оставлять у себя некоторое количество списанных и подлежащих вывозу в утиль критических вещей, т.е. тех же рюкзаков. Однажды бывший тогда рабочим склада Боря Сушко сваливал в прихожем отсеке рваные резиновые сапоги. Сосед дверью напротив, зав. складом геологических камней и кернов, учил Борю: «Ты эти сапоги-то отнеси обратно в склад, а вместо них возьми себе новые».

При выдаче имущества в экспедиции приходилось торговаться. Имущества тогда было мало и на всех не хватало. Приходилось держать в голове экспедиции, убывавшие позднее. При этом бывала надежда и на возврат снаряжения из краткосрочных экспедиций. А каждый стремился взять с запасом, и надо было урезать запросы. Давай рассчитывать, какая экспедиция, сколько народа, срок. Обычно приходили к соглашению, и я как-то выкручивался, доставалось и остальным экспедициям.

Только стал привыкать – новая напасть. В разгар экспедиционного сезона вызывают в военкомат, меня, 32-летнего. Получите проездные и отправляйтесь на сборы на Валдай в воздушно-десантный полк. Тут не обошлось и без моего легкомыслия. Оказывается, именно для этого и была ранее организована медицинская комиссия. Дело было 3 января, и я явился на комиссию после сильного перепоя, что и было отмечено по глазам женщиной-окулистом – ого! Несмотря на это, я оказался годен по всем статьям. Знать бы, зачем им это было нужно. Тогда бы я смухлевал, придурился. Конечно, при нужде можно и с парашютом прыгнуть. А тут за здорово живешь? Слуга покорный. Сигайте сами.

Да и на новой работе только устроился, и экспедиционный сезон в разгаре. Я к начальству. Первым зам. директора был Евгений Игнатьевич Крупнов, человек скорый и решительный в суждениях:

– Они не имеют права!

– Евгений Игнатьевич! Они все имеют и даже отвести меня под конвоем, куда им нужно.

Ходатаем в военкомат послали Владимира Захаровича, для таких переговоров негодного, и разговаривать пришлось мне. Райвоенком ответил: «Сказали бы раньше. Я бы его оставил. А теперь его дело в горвоенкомате, поскольку он проходит по политической части». Там я уже был и объяснил свои обстоятельства. В горвоенкомате новый разговор. Собеседник завел разговор, что вот его дочь мечтает об археологии. Захарыч: «Да, да. Конечно, поможем». Я: «Не слушайте вы его. Археология – романтика. А работа трудная, тяжелая и малооплачиваемая. Да еще и замуж выйти там проблема». Решил: ладно, говорил уж он мне раньше, и я имел его в виду. «Свободен». Так я избежал почетной возможности прыгнуть с неба на халяву, за казенный счет.

Мой непосредственный начальник, незадолго до того вновь приобретенный Институтом зам. директора по АХЧ Владимир Захарович (фамилию забыл), рекомендованный мне всезнающей секретаршей Марией Сафроновой отставным майором, оказался никаким не майором. Захудалый рядовой красноармеец, во время войны он безбидно перекантовался в каком-то, видно, интендантском ведомстве. И был он тогда командирован в Москву с приказом добыть грузовую машину. Вероятно он похвастался некими связями. И ему довелось обратиться за помощью к Григорию Георгиевичу Зарецкому, бывшему в то время военпредом на ЗИСе (ЗИЛ). Зарецкий широким жестом – выбирай любую. Именно это знакомство и привело его к Григорию Георгиевичу с просьбой о содействии в какой-то надобности. Тут-то Григорий Георгиевич, как я уже упоминал, и предложил меня ему в работники, с чьей подачи я, собственно, и оказался кладовщиком в Институте археологии.

По работе скоро выяснилась элементарная малограмотность этого самого майора в отставке. Он не мог даже самостоя-

тельно написать простую бумажку типа: «Прошу отпустить по безналичному расчету необходимые для Института канцтовары: 1. 2. 3. и т.д.» Тем более этого не мог делать подвизавшийся тогда завхозом, а заодно и снабженцем Сергей Михайлович Родченков, происходивший из калужских мужиков. Я видел у него записанное для памяти на листке перекидного календаря – КОНСОЛЬЯ-РИЯ, что должно было обозначать – канцелярия. Поэтому любые бумажки писал им я с легкостью необыкновенной. Однажды раздосадованный непонятливостью зама по АХЧ Захарыча Юра Кухаренко воскликнул: «Ну и тупой же ты!»

Вспоминается первая инвентаризация. Благополучно завершив свою по складу, я с неподдельным интересом наблюдал за усилиями Сергея Михайловича. За ним числилась вся мебель. Довольно разношерстные и частью даже хламные столы, стулья, шкафы, тем не менее, были снабжены прибитыми номерками согласно инвентаризационной описи. Для этой цели служила специальная конторская книга, в которой все предметы мебели вписывались под своими номерами. В книгу вписывалась вновь поступившая мебель. Там же отмечалось списание пришедшей в негодность мебели. Для сверки с наличием Сергей Михайлович обошел все помещения и переписал все номера на отдельный список. Бухгалтер по учету материальной части Башмакова в свою очередь дала ему бухгалтерский вариант подотчетного имущества. Сергей Михайлович разложил варианты перед собой и стал пытаться охватить умом все три списка сразу. Я пожалел его только к концу рабочего дня, когда голова у него вспухла от чрезмерного усилия:

– Сергей Михайлович. Кто же так делает? Вычеркни в своих списках все сходящиеся номера. Останутся те, что не сходятся. Вот с ними и разбейся.

А непосредственный начальник наш, тот самый Захарыч с прочно приклеившимся к нему прозвищем Зародыш, а по Цалкину – Эмбрион, продержался в Институте не больше года. Его сменил Николай Яковлевич Балахонов, бывший до этого на должности зам.

декана истфака МГУ по АХЧ, к тому времени упраздненной. Он был сыном героя Гражданской войны Якова Филипповича Балахонова. Яков Филиппович, по станичному Балахон, на Закавказском фронте дослужился до прапорщика, командира роты по должности. По прибытии с фронта земляки избрали его командиром организованного к тому времени в станице Баталпашинской красногвардейского отряда. В противоречивой и хаотичной обстановке начального периода Гражданской войны на Северном Кавказе пути отрядов Балахонова и Шкуро не раз пересекались. В своих мемуарах Шкуро с сарказмом вспоминает, как на каком-то митинге «товарищ Балахонов» обещал изловить его и представить народу на суд. Но, как ни хорохорился Шкуро, а в руках «товарища Балахона» побывал он сам, был доставлен в Пятигорск и сдан исполкому городского Совета. Председатель (или вмешавшийся в дело главком Сорокин) в спешке самочинно отпустил Шкуро под «честное офицерское слово». Позже Шкуро грозился повесить «товарища Балахона», если только попадется, а тот в свою очередь обещал не тратить веревок на Шкуро, а пристрелить его, как бешеную собаку. Между прочим прославленный Аркадием Первенцевым Кочубей в те времена был командиром бригады в отряде Балахонова. Позже командир дивизии в Конармии Буденного Балахонов отличился при разгроме Врангеля в Крыму и был награжден Почетным революционным оружием и орденом Красного Знамени (всего у него их было три).

С большой обидой Николай Яковлевич вспоминал, что почти всю сознательную жизнь до самого процесса реабилитации жертв сталинских репрессий он пребывал в звании сына врага народа. Его отец умер в 1935 г. и был похоронен на центральной площади города (не помню, Майкопа или Нальчика). Местные чекисты в доказательство своей неусыпной деятельности в борьбе с контрреволюцией в 1938 г. объявили Балахонова причастным к «заговору Тухачевского». В процессе реабилитации Николай Яковлевич добивался истины в судьбе отца. На вопрос, по какому делу проходил его отец, он ответил: «По делу Тухачевского». Ответ: «В деле Ту-

хачевского его нет». И ни в каком деле его имя не фигурировало. Клевета вдогонку ушедшего из жизни человека лежит целиком на совести местных чекистов. В то недоброе время могилу «предателя Балахонова» сровняли с землей и закатали под асфальт. В 60-х годах, по рассказу его сына Николая, происходила эксгумация Якова Филипповича. Почему-то нужно было перезахоронить его в другом городе, одном из вышеназванных (порядок не помню). Еще были живы некоторые его соратники. Они приняли живое участие в процедуре эксгумации своего боевого командира. Послышались реплики: «Да нет там никакого Балахона, они давно его выкинули отсюда». А когда его расчистили, узнали: «Да, это он, Балахон. Вон и пояс его наборный».

Новый мой начальник был действительно майор запаса, достаточно грамотен и в бумажных делах в большинстве случаев обходился без моей помощи. С ним, как и с Сергеем Михайловичем, у меня установились вполне товарищеские рабочие отношения. Он захотел упорядочить мой обычай работы на складе. Новшество заключалось в том, чтобы сотрудники института не расхаживали по складу при получении имущества для экспедиций. Для этой цели в дверном проеме на входе в складские отсеки был устроен некий откидной барьер в виде прилавка, через который я и должен был выдавать товар. Раньше у меня все ходили по складу, свободно выбирая необходимое. Но я воспользовался прилавком только один раз. Уезжали две античные экспедиции, Сокольского и Кругликовой. Все было выдано и оформлено накладными. Шла погрузка экспедиции Сокольского. И тут Кругликова увидела у него мешковину: «Ой, и мне». При нормальном отношении можно было бы ее и снабдить. У меня еще были некоторые обрывки этой самой мешковины, но на картотеке у меня был ноль. Да и переписывать накладную – себе дороже. На всякий случай отвечаю: «Подождите, Сергей Михайлович поехал в Центракадемнаб и скоро в числе прочего он привезет и эту мешковину. Тогда я вам ее и выдам». Кругликова же сразу рванулась в угол, где обычно обреталась мешковина. Меня возму-

тило такое недоверие: «Ирина Петровна! Сюда идите!» Выманил я ее таким образом за дверь, перекрыл ее прилавком и предложил: «Вот теперь давайте разговаривать». Эх, как она взвилась! Но сделать ничего не могла – к барьеру!

К этому времени я заканчивал 3 курс истфака МГУ на кафедре археологии. Поступил не сразу, приглядывался. Поначалу мои представления об археологии как науке были примитивны до дурмачности. Они ограничивались неким киношным образом седьмого профессора, самозабвенно расчищающего кисточкой какой-нибудь необыкновенный раритет, почти обязательно золотой, или романтические путешествия в горах, пустынях, джунглях в поисках мифических древностей – фантазия, не более того. Археология для меня выглядела наукой несерьезной, уделом романтиков и авантюристов, но не людей большой науки. Но уже при первом знакомстве с реальными археологами я не увидел среди них ни особых романтиков, ни, тем более, неких авантюристов. Вскоре я понял, что даже находка самого экзотического раритета, самого по себе события крайне редкого, представляет собой лишь начало упорного и кропотливого труда по его осмыслению. И я решил пойти в науку с названием «археология».

Мне шел 35-й год – предельный возраст для поступления в вуз. Естественно, по материальным возможностям я мог учиться только на вечернем отделении. Да и непроходимый для меня экзамен по иностранному языку здесь не требовался. Остальных экзаменов (история СССР, русский язык и литература) я не боялся. К тому же как бывшему фронтовику достаточно было сдать экзамен хотя бы на тройку. Со мной увязался, или был увлечен мною, Боря Сушко, к этому времени переведенный из рабочих по складу препаратором в остеологический кабинет к В.И. Цалкину. Вот он боялся. Под его уговоры перед первым экзаменом по истории СССР я пошел на кафедру за протекцией, где в то время подвизалась Галина Павловна Смирнова. Она близко к сердцу приняла наши опасения, немедленно куда-то сбегала и сообщила: «Ребята,

не бойтесь. Экзамены принимают наши аспирантки, о вас они в курсе и все устроят в лучшем виде». К сожалению, уже на последнем устном экзамене по русскому языку и литературе Боря не смог преодолеть обидного затруднения с ответом на простейший вопрос и покинул присутствие при явном сожалении экзаменатора. Я остался один.

Первый курс не затруднил. Основы археологии (Кызласов), этнографии (Козлова), древний мир (забыл фамилию преподавателя), Греция и Рим (Бокщанин) – все обыкновенно просто. Бывали и казусы. На экзамене по этнографии Козлова задает наводящий вопрос одному великовозрастному студенту из наших: «Какой народ живет на Новой Гвинее?» Ответ: «Западные тунгусцы!» А вот иностранный язык! В 6 классе у нас еще в Кипчакове преподавала немецкий язык пожилая учительница русского языка Матрена Ивановна. Со своим дореволюционным гимназическим образованием она толково вдалбливала в нас основы немецкой грамматики. С переездом на Дальний Восток в 7 классе происходит некий провал. Но в 8 и 9 классах средней школы в Архаре очень толково преподавала английский язык только что присланная из Ленинграда молодая учительница. А с тех пор прошло без малого 20 лет. От английского языка остались одни воспоминания. Свои ребята-старшекурсники и будущие археологи научили собрать достаточную группу для обучения английскому языку с азов. Собрать достаточно народа в группу оказалось просто, желающих хоть отбавляй. Но там набрался такой народец, что на общем фоне я выглядел чуть ли не найкращим. Правда, тогда я взял себе за правило заниматься английским языком каждый день по мере возможности. Благо, зимой выбрать для этого время было не трудно. Я приходил в склад и без помех занимался английским по часу и более. Удрученная нашей тупостью молодая преподавательница возмущалась:

– Сессия на носу! Как же вы будете отвечать?

Я, сидя перед ней, бурчу:

– Как-нибудь вывернемся.

– Да! Вы уверены!?

Вывернулись-таки, даже и на заключительном экзамене по окончании третьего курса. Сам зав. кафедрой Бонди признал нас, даже самых отъявленных тупиц, вполне гожими.

Насколько помню, учебный процесс не очень меня отягощал. На первых курсах я посещал почти все лекции. Выделялось прекрасное преподавание Михаила Тимофеевича Белявского по средневековой истории России. Несколько ниже, но вполне удовлетворительно оцениваю курс средневековой истории Европы Сапрыкина. У того и другого были писаны курсовые работы. А потом я вообще стал игнорировать лекционные занятия и предпочитал сдавать экзамены по учебным пособиям. На этой почве (за нехождение в классы) на экзаменах получал заниженную оценку, что меня не очень волновало. Запомнилась попытка Толмачева прищемить меня на экзамене по новой и новейшей истории:

– Ага, не ходил! Заданный вопрос ты, конечно, приготовил. Я тебе задам другой вопрос, которого ты не можешь знать: Общий кризис капитализма!

То-то удружил!

Советская историография рассматривала современный монополистический капитализм по В.И. Ленину как империалистический, высшую и последнюю стадию капитализма. Это же всем понятно. Один распад Британской империи чего стоил. Мне, бывшему армейскому политработнику, не составило труда показать, что по этому вопросу я готов спорить не только с ним самим, но с кем-нибудь и повыше, что немедленно и началось в нашем с ним словопрении. Запутать меня и к чему-либо придаться ему не удалось. Но все же он заявил: «Пять я не могу тебе поставить, а только четыре». Меня чуть не кольнуло возмутиться, но я вовремя спохватился. Я же за тройком шел! Наше препирательство на многих произвело удручающее впечатление.

Следом за мной пробкой выскочила вовсе не глупая Корина. Испуганная и дрожащая она причитала: «Я так не могу». Я уговаривал ее вернуться:

– Пойми, он на мне полностью оттянулся и теперь будет более чем снисходителен, в особенности к девочкам.

Убедить ее вернуться я не смог, хотя мой прогноз подтвердился полностью. Оценка четыре была самой низкой для всех оставшихся. После А.Ф. Медведев удивлялся: «Как, этот дурак Толмачев все еще там? Против него же студенты бунтовали, когда он обозвал их немецкими вошами. Во-первых, не воши, а боши, а во-вторых, никакие мы не немцы».

Но если по общекурсовым предметам занятия были вечерними, то кафедра археологии была дневной. Зимой сбежать на занятия было не трудно. По каменному веку лекции читал А.Я. Брюсов. Обычно он доставал изрядно потрепанные машинописные листы и нудным голосом читал свой текст, так что вскоре все начинали клевать носами. Курс по античным и скифским древностям И.В. Яценко помню очень плохо. Б.Н. Гракову достались два курса: эпоха бронзы и ранний железный век. Первый курс раньше читал безвременно скончавшийся С.В. Киселев, и Борис Николаевич иногда кокетничал: «Конечно, Сергей Владимирович вам бы лучше рассказал, ну а я уж как могу». На самом деле он был высокообразованный эрудит старой школы и оба курса знал и преподавал превосходно. Однажды жертвой его вспыльчивого (в сущности очень доброго) характера стали мы сами. Девушка диспетчер просчиталась с распределением аудиторий и прибежала просить: «Борис Николаевич! Уступите аудиторию другой группе, у вас народа поменьше и вы, может, там поместитесь». Прерванный на полуслове только что начавший лекцию Борис Николаевич, конечно, был несколько раздражен, но к просьбе дамы галантно снизошел. Сунулись мы в новый класс – стульев не хватает. А поблизости все свободные стулья по тогдашней моде были сколочены рейками по шесть штук в виде некоего длинного

дивана. И вот такой «диван» мы с Сашей Хорошевым тараномдвигаем в аудиторию. Для Бориса Николаевича это был предел: «Это что за безобразие! Аудиторию превращают в будуар! Нет, вы что хотите, но это будуар, будуар!» Несколько минут спустя он, как ни чем не бывало, продолжил свое повествование.

На семинаре у Д.А. Авдусина обсуждались разные события древнерусской истории и связанные с ними археологические феномены. Как помнится, обсуждение проходило живо и интересно.

Артеми́й Влади́мирович Арциховский вел семинар по вещевому материалу. Мне тогда достались шпоры, самые ранние из которых известны с 5 в. до н.э. по рисунку на чернофигурной вазе. Особенно ему понравилось включение в мой доклад шпор из лагеря Тушинского вора, найденных при проведении линии железной дороги, рисунки которых мне любезно предоставил А.Ф. Медведев из своего собрания. Однажды при обсуждении на семинаре я никак не мог внятно объяснить назначения или употребления так называемых шпориц. Тогда эти шпорицы еще не были однозначно определены в качестве ледоходных шипов, но, судя по их виду, я предполагал, что они своими концами в виде обоймиц закреплялись на деревянном брусочке. Это было нечто противоположное тому, как мы в детстве делали подобие коньков, закрепляя на деревянной колодочке полоску из проволоки.

По новгородским древностям курс вел Валентин Лаврентьевич Янин. К этому времени вышла в свет его великолепная монография о новгородских посадниках. Он стал профессором и необычайно возгордился, так что Саша Хорошев возмущался: «То был все Валя, Валя, а сейчас нос воротит, профессор, так просто и не подойдешь».

С наступлением экспедиционного сезона приходилось выкручиваться. Тогда нужно было быстро отпустить и выпроводить убывающие в экспедицию группы и бежать на экзамены – началась сессия. Экзамен по каменному веку я сдавал А.Я. Брюсову. Зав. отделом полевых исследований Александр Яковлевич сидел в

своем кабинете и меланхолично листал свежий журнал «Огонек» с рисунками к статье о карельских писаницах. Эти писаницы-петроглифы, до открытия которых, по словам Д.А. Крайнова, еще до войны им с Брюсовым недоставало пройти каких-нибудь трех-пяти шагов, и стали темой собеседования. Я почтительно слушал глубокомысленные суждения мэтра, иногда поддакивая ему, чем и заслужил удовлетворительную оценку.

О склонности Александра Яковлевича к импровизациям, а проще к сочинительству, свидетельствуют не только дневниковые записи его брата Валерия Брюсова. В сборнике научных биографий сотрудников Института археологии «Институт археологии: история и современность» (М., 2000) повествуется о впечатляющем размахе его путешествий: Турция, Греция, Египет, Индия, Австралия. Насчет Египта, Индии – не знаю, по свободному образу жизни и финансовым возможностям там он мог побывать, но о его путешествии в Австралию рассказывал Д.А. Крайнов со слов самого Александра Яковлевича: «Когда пароход приплыл в Австралию, я подсчитал свои финансы. Оказалось, у меня осталось денег только на обратный билет. И я, не сойдя даже на берег экзотической Австралии, на том же пароходе вернулся в Европу». Видимо, в этот раз Брюсов не стал напрягать свою фантазию для описания австралийских чудес.

В то время, в довоенные 30-е годы, они ходили разведкой по берегу Белого моря и, по словам Д.А. Крайнова, питались куринными яйцами, съедая их по десятку за раз. Брюсов предлагает Крайнову:

– Давай с тобой держать пари, что я за один присест съем сотню яиц. Крайнов сначала не решился на пари, черт его знает, может, и сожрет. Но потом согласился:

– Ладно, давай спорить.

– Нет, спорить с тобой теперь я не буду, но я расскажу тебе, как бы я их съел. Я бы разбил все эти яйца на большую сковороду и стал бы их жарить на медленном огне. Вся жидкость из них

испарилась бы, остался бы небольшой комок спекшейся массы, и вот его-то я съел бы. В тех походах у Крайнова заболели зубы. Брюсов заявляет:

– Я умею заговаривать зубы. Крайнов от безысходности соглашается. Для этого надо выйти тайком на задворки. Там Брюсов с таинственным видом предлагает доверчивому пациенту:

– Повторяй за мной: «Зубы мои зубы! Корни мои корни! Сядь на жопу, перни!»

Крайнов со смехом говорил: «Я его чуть не убил».

А.В. Арциховского я встретил в коридоре Института. К моему удивлению он меня не узнал. А как же его феноменальная память? Но он предупредил: «Назовите фамилию. А, это я знаю, вы наш. У вас хорошая турсовая работа». И тут же в коридоре ставит зачет. Человек обширной эрудиции и феноменальной памяти Артемий Владимирович бывал наивен в простых житейских обстоятельствах. В 1925 г. небольшая студенческая компания, которую организовал Д.А. Крайнов с друзьями по общежитию (там же был и пришедший к ним Б.А. Рыбаков), отмечала Татьянин день, отмененный после этого на многие годы. И вот к ним вводят уже изрядно подвыпившего Артемия, к тому времени уже почтенного доцента, – рассказывал Крайнов. Губы у него красные – его угостили вместо вина красными чернилами. Крики: «Татьяна!» Все пьяны! И нашу водку не столько распили, сколько разлили. Артемий Владимирович отключился. Его раздели, уложили, только вот никак не смогли освободить от воротничка с галстуком, который в те времена пристегивался к рубашке пуговицами. Так он и проснулся голый в одном воротничке и при галстуке и после долго смущался этим казусом. Как-то Крайнов повел Арциховского к знакомым девицам, и после недовольный Арциховский выговаривал ему: «А! Себе взял татую, а мне дал татую!» О его неспособности произносить звуки, обозначаемые буквами «г, к, т», не писал только ленивый. Крайнов его передразнивал: «Трым! Тавтаз!» Однажды кровно обиделась

Т.С. Пассек, когда он ей сказал: «Вы товарная (имелось в виду коварная) женщина!» На защите Д.А. Крайновым докторской диссертации А.В. Арциховский выступил в качестве оппонента. У диссертанта в рассуждениях о происхождении фатьяновской культуры упоминались области Центральной Европы в терминологии, принятой в немецкой историографии: Богемия, Моравия. Арциховский: «Бодемия! Для чеха сказать Бодемия все равно, что для еврея сказать жид!»

На экзамен по бронзовому веку у Б.Н. Гракова я опаздывал, отпуская какие-то экспедиции. Все уже чинно сидели за столами и готовились отвечать на заданные вопросы, и тут вбегаю я, весь взмыленный. Борис Николаевич с видом возмущения:

– А, еще и ты! Ну ладно, садись.

Голос Саши Хорошева:

– Борис Николаевич, вы ему вопрос-то задайте.

– Да задам, задам, только не подсказывайте. Катакомбная культура, ладно. Тут со всех сторон полусшепотом предложения о помощи. У всех на полочках под столом всевозможные пособия, вроде МИА, и многое другое.

Да обойдемся. Борис Николаевич на экзаменах был всегда снисходителен. Иногда он просто выходил из зала, предупреждая: «Не подглядывайте!» И на разного рода подсказывания и подглядывания он всегда смотрел сквозь пальцы:

– Не подсказывайте, а то у меня настолько неприличный слух, насколько у Сергея Владимировича Киселева неприличный голос.

Некоторое недовольство, иногда проявляемое им в таких случаях, было скорее показным, нежели действительным. Он и без этого знал, кто чего стоит.

На экзамен по раннему железному веку я вообще прибежал к самому концу.

– Ах, опять ты! А я только что хотел пойти перекусить. Ну ладно, что там у тебя, дьяковская культура? Мне не хотелось пу-

таться в темных лабиринтах этой культуры, и я предложил:

– А может, ананьинская (она более выражена вещевым материалом и потому казалась мне более легкой).

– Ну, давай ананьинскую.

Входит Константин Федорович Смирнов, КФ, ученик Бориса Николаевича и теперь уже доктор, видный специалист по скифо-сарматской археологии. Борис Николаевич сразу:

– Костя! Прими ты у него этот экзамен, ну какая разница, а я пока пойду перекушу.

Два Кости сели рядом беседовать.

– Ну, что знаешь? И Генинга читал? Да ну! Борис Николаевич, да он все знает!

А на складе моя рутинная работа шла сама собой, как ступа с Бабою Ягой. Трудно было только выкроить время для полевой археологической практики. В экспедиционный сезон приходилось работать на полную катушку. В то время наряду с крупными экспедициями было много мелких длительностью не более месяца, постоянно одни убывали, другие прибывали. Некоторая возможность временно покинуть склад выпадала на август. Нескольким убывающим экспедициям можно было выдать снаряжение заранее, а имущество прибывающих сложить на складе до лучших времен, благо, обширные складские площади позволяли располагаться свободно. Проследить за всем этим согласился Сергей Михайлович Родченков. Я оставлял ему ключи от склада с полной уверенностью, что за ним ничего не пропадет, хотя некоторые (Б.А. Рыбаков) считали его жуликом. По прибытии с практики я находил имущество прибывших экспедиций в аккуратно прикрытых брезентом кучках и приглашал ответственных владельцев сдать его на склад теперь уже с полным соблюдением формальностей, можно сказать официально.

Снаряжение Северо-Кавказской экспедиции пришли сдавать работавшие с Евгением Игнатьевичем Крупновым начальниками отрядов Рауф Магомедович Мунчаев и Владимир Ивано-

вич Марковин. Они сидели у стола, а я одной рукой брал из кучи палатки, спальные мешки и пр. и перекидывал их в другую кучу: один, два, три... Один спальный мешок показался мне несколько тяжеловат. Я с весу опустил его дном о пол – стучит, второй раз – стучит! Полез рукой внутрь и достал 0,75 л бутылку портвейна «Айгешат». «Айгешат» этот мы тут же с удовольствием распили, а В.И. Марковин определил владельца схрона, экспедиционного повара. Е.И. Крупнов пригласил в повара некоего соседа по даче, работавшего до пенсии шеф-поваром вагона-ресторана в поездах дальнего следования. Многолетняя специфическая работа сделала из него веселого алкоголика, и с самого утра он не мог начать никакого дела, не причастив себя веселительным. На этой почве у него постоянно происходили распри с Валентиной Ивановной Козенковой, которая ведала хозяйством экспедиции. С утра пораньше между ними возникала перепалка. Марковин рассказывал:

– Ой, Костя! Как они ругались! Крик стоял на весь лагерь!

В числе прочего он ее упрекал:

– Да тебя и любить-то никто не будет, ни один мужик на тебя не позарится! Словесные выражения соответствовали вагон-ресторанному жизненному опыту оппонента, но я не решаюсь поместить их на бумагу в подлинном виде.

Два сезона практику я проходил у Германа Алексеевича Федорова-Давыдова на раскопках Нового Сарая, Сарая Берке. Почему-то оба раза там не было Володи Дворниченко. Не помню и Н. Малиновскую. Свету Михальченко я узнал, когда она делала доклад на славянском секторе об открытом нами земляночном жилище. Вначале обнаружилось наземное жилище, пол которого был вымощен половинками обожженных кирпичей. На полу лежал скелет с частично порубленными конечностями – след Тамерланова погрома. Рядом валялась керамическая свистулька, и Герман Алексеевич прокомментировал: «Отсвистелся!» Пока заканчивалась расчистка этого жилища, я в углу двора углублялся в

какую-то забитую глиной яму. Саша Хорошев подтрунивал:

– Мы уже заканчиваем, а тебе еще копать-не перекопать.

Я отругивался:

– Подожди, вот я у себя кончу, приду и шурфану под тобой, там посмотрим. Дружеская насмешливая и ни к чему не обязывающая болтовня как раз обернулась открытием под жилищем той самой землянки, о которой потом докладывала Света Михальченко. Герман Алексеевич почему-то принял за чистую монету наше зубоскальство и высоко оценил мою некую опытность и прозорливость – понимает. А что я еще мог понимать?

Герман Алексеевич работал тогда начальником отряда Поволжской (точного названия не помню) экспедиции, начальником которой был Алексей Петрович Смирнов, АП в институтском обиходе. С тонким чувством юмора, он был гораздо и на разного рода каверзы. Крайнов рассказывал, как однажды, еще до войны, они сидели на каком-то нудном заседании. Разговаривали, курили. АП втихомолку собирал окурки и складывал их в карман Гракову. Граков случайно полез в карман, достал горсть окурков. По характеру необычайно чувствительный даже по пустякам, он сразу же вспыхнул. А первым на глазах перед ним оказался недоуменно улыбающийся Арциховский. Граков тут же вцепился в него драться. АП при этом ехидно посмеивался. АП был археологом широкого профиля, и Граков иногда с оттенком кокетливого, в сущности уважительного, пренебрежения комментировал: «Ну, этого я не знаю, это к АП, он все знает». В войну по общему порыву АП вступил в знаменитое Московское ополчение и благополучно прошел через все военные невзгоды. В молодости он, видимо, был человеком бойким, гордым на разные выдумки и проделки. Помню, как однажды во дворе при складе Лина Анатольевна Голубева пристально и ревниво присматривалась к его сыну, скромняге Кириллу, и с явным сожалением заключила: «Нет. Не такой!»

АП по совместительству, но на общественных началах, был еще ученым секретарем ГИМа. Директором музея была старая

большевичка Карпова, главным достоинством которой считалось личное знакомство с Лениным. Это обстоятельство помогало решать некоторые затруднительные проблемы, возникавшие в жизнедеятельности музея. Вход в музей тогда был со стороны Красной площади, откуда почти сразу от входа начиналась широкая лестница на 2-й этаж. С правой стороны там стояла большая скульптура Сталина в рост. Кабинет ученого секретаря размещался как раз над входом с окнами на площадь, оставляя некоторую площадку над лестницей. На этом пространстве обычно кучковались свободные от работы девочки экскурсоводы и оживленно щебетали о нехитрых девичьих проблемах. В этот раз разговор шел о евреях, о еврейском засилье в музее. Здесь в науке не преуспеешь и не продвинешься. Кругом одни евреи – не пропустят, называются некоторые фамилии: Фехнер, например, и др. А дверь в кабинет всегда была открыта, да и была ли там дверь? Надоели! АП выставляет из-за двери свой горбатый нос: «А чем уже вам наша нация не нравится?» Девчонок как ветром сдуло.

В другой раз еврейский вопрос затронул его в министерстве электростанций или строительства электростанций – не важно. Строилась Куйбышевская ГЭС. В зоне затопления должна была работать экспедиция под руководством АП. Финансирование бюрократически затягивалось. АП нервно ходил по коридорам министерства в отчаянии от полной неопределенности и, казалось, безнадежности своего положения. Его увидела и пожалела какая-то женщина, видимо, достаточно влиятельная, и участливо спросила:

– Что это у вас? А, это мы сейчас подпишем.

В готовых бумагах просит его поставить свою подпись.

– Ах, вы уже Смирнов!

АП ей в тон:

– Ну, вы же понимаете, в какое время мы живем!

На практику к Герману Алексеичу меня сосватал друг Саша Воскресенский, по прозвищу, с моей легкой руки, Хмырь.

С Арбатских детско-юношеских времен ему были свойственны некоторые дворовые хулиганские замашки. Он тогда заканчивал курс МГУ и как ученик АП был многообещающий археолог, к сожалению, несостоявшийся. Алкоголизм. Из-за этого с ним случались разные казусы, опоздания. Николай Яковлевич Мерперт показывал мне телеграммы АП в Чебоксары: «Встречайте студента Воскресенского». Мерперт: «Студент Воскресенский не прибыл». АП: «Пенис с ним, уезжайте одни». Пенис? Телеграфистка насторожилась. Шпионская шифровка? Успокоили – это наш археологический научный термин. Мерперт: «Студент Воскресенский с означенной принадлежностью прибыл». Однажды отметился телеграммой и бывший в экспедиции Германа Алексеевича Лев Галкин. Поздравляя с днем рождения свою очередную пассию, по профессии художницу, он писал: «Пусть твоя жизнь будет такой же светлой, как твоя палитра». Телеграфистка возмутилась: «Что ты тут пишешь? Слово пАллитра пишется с двумя А».

Прохождение практики проставлялось в зачетке на кафедре под присмотром Михаила Никаноровича Кислова, по студенчески «Мухоморыча» или просто «Мухомора». Прозвище несколько не соответствовало его добродушной натуре, но отразило лишь своеобразие его имени-отчества. Оно не носило обидного оттенка и употреблялось как студентами, так и всем профессорско-преподавательским коллективом в качестве некоторой причастности к кафедре и с некоторым удовольствием. Неизменно на своем посту он как бы олицетворял кафедру, внося в ее быт изрядную долю насмешливого юмора. Часто, особенно после экспедиционного сезона, его можно было видеть в кружке студентов. Здесь вспоминались или сочинялись разные смешные или курьезные случаи в прошедших экспедициях, сам Мухомор набрасывал шаржи. Под его карандаш попадали и сами собеседники. Я убежден, что именно здесь возникли знаменитые анекдоты вроде телеграмм Бориса Николаевича Гракова – «Поиздер-

жался на баб, высылайте деньги; встречайте, еду бабами» (речь идет о скифских каменных скульптурах). Первое мое появление с просьбой поставить зачет за практику Мухомор встретил недоверчиво: «Ну да! По благу!» – намекая на мое положение как некоего распорядителя в обеспечении экспедиций снаряжением. Но это для соблюдения формы.

Между тем в нашем институте зам. директора Евгения Игнатьевича Крупнова сменил новый, Петр Дмитриевич Либеров. Необычайно склонный ко всякого рода экономии, он пытался приучить к экономии и меня.

– Зачем ему в экспедицию рулон кальки или там целая пачка писчей бумаги? Хватит полрулона или даже четверть, а писчей бумаги достанет и 100 листов.

– Петр Дмитриевич! У меня учетная единица рулон да пачка. Как я их буду делить? Не буду я рулон открывать или листы считать.

– Пускай сами крутят, а бумагу можно и на глазок.

В процедуре списания пришедшего в негодность экспедиционного имущества возник некий «момент истины». Петр Дмитриевич пришел самолично оглядеть отобранное на списание имущество. На сваленные в кучу рваные палатки и прочее подобное он только глянул: «Ну, это я знаю. Это, конечно, все негодное». Но когда он увидел посуду, расставленную на полу для списания, возмущению его не было предела. Особенное негодование вызвали две крупные алюминиевые кастрюли. Для компактности их пытались вставить одну в другую, но по равенству диаметров в этом не преуспели, зато как бы спаяли их намертво. Бесцельно съездившие в экспедицию новехонькие кастрюли вызывающе подмигивали первозданным блеском.

– Это что за безобразия! Кто?

– Не знаю, Петр Дмитриевич.

И тут началось. Он стал придираться к каждой мелочи:

– Вот тазик! Он еще как в экспедиции пригодится.

– Петр Дмитриевич! Он же ржавый, и ручка одна у него оторвана.

– Нет, так не пойдет.

И так по всем статьям. Вижу, перечить бесполезно. Нужен обходной маневр, предлагаю:

– Совершенно с вами согласен, Петр Дмитриевич. Но, я думаю, назначать новую комиссию по списанию особого смысла нет. В принципе-то все отобрано. А лучше пришлите вы авторитетного представителя от месткома, и мы отберем все согласно вашим указаниям.

– Хорошо, так и быть.

Прислали Пашу Кожина. Я объяснил ему ситуацию. Постояли мы над этой кучей, покурили, посмеялись. Говорю:

– Знаешь что, Паша, я лучше весь этот приготовленный мной перечень на списание перепишу в другом перепутанном порядке, да и подам ему как новый.

– Давай!

Подаю «новый» список. Удовлетворенный Петр Дмитриевич:

– Ну, вот это я подпишу. И подписал. А куда он денется?

Были и другие казусы. В железном шкафу, в канистрах и стеклянных бутылках у меня хранился спирт, потребный и для лабораторных работ, и в экспедициях. И, естественно, я иногда злоупотреблял своим монопольным положением. Да и как удержаться. Сергей Тимофеевич Бочаров несколько дней фотографирует знаменитые деревянные резные колонны из Новгорода, которые хранились на складе в баке с водой. Доводит свою работу до известного ему совершенства. Вижу, по утрам мучится с похмелья:

– У тебя там нет чего-нибудь?

– Конечно, есть. И с укоризной: «Ну что ты с утра пораньше. Сейчас же Колчин придет».

– Ну что Колчин, Колчин? Колчин знает меня, как облупленного. Да у него и у самого брат алкоголик.

Тем более, было хорошо известно, что даже изрядная степень опьянения практически никак не сказывалась на качестве работ замечательного фотографа, каковым был Сергей Тимофеевич. Но это все присказка, а сказка как-то незаметно подошла сама собой. Вдруг я заметил приличную недостачу этого самого спирта, возместить которую полюбовной договоренностью с получателями в лице сотрудников лабораторий и некоторых начальников экспедиций (среди последних строго выборочно) мне будет трудно-вато. И тут подвернулось. Через наш склад проходили некоторые коммуникации, вроде труб с горячей и холодной водой, в здания ЦК КПСС на Старой площади. Иногда разные работы по этим коммуникациям проводили работники хоз. управления ЦК. Особенно часто здесь работали газосварщики и среди них шустрый Иван Мокеев. У нас были совершенно доверительные взаимоотношения, я мог оставлять в складе их одних с полным доверием. Они тоже к этому привыкли. Однажды, не дожидаясь моего прихода, они начали пробивать сверху в перекрытии дыру для новой партии труб. Обрушение произошло на небольшой отсек, в котором на полках стояли бутылки с разными химикатами: ацетон, бензол, серная и соляная кислота, клей БФ и т.п. Обломками были разбиты только пустые бутылки, как раз и стоявшие на верхней полке. Но резон, а может быть и тот самый прецедент, который все прощает. Я срочно прикинул баланс, записал точную цифру недостачи, как сейчас помню ровно 13,7 л, и к Петру Дмитриевичу. Посмотрел он на меня с некоторой хитринкой во взоре, но подписал акт списания без разговора. В другой раз он по какой-то срочной надобности взял 3 л спирта в Институте истории, а мне пришлось возвращать этот долг. И вот вызывает меня:

- Говорят, у нас в спирте вода.
- Кто говорит? Не сознается.
- Э, Петр Дмитриевич, так не пойдет. Сказал А – говори Б.
- Ну, вот историки.
- А! Так пусть они и отвечают.

Застаю этого «историка»-кладовщика в нашем кабинете у хозяйственников:

– Кто тебе в спирт воды налил?

– Да это недоразумение, у нас из мухи делают слона. И тут же выкатился из кабинета.

Оказавшийся тут В.И. Цалкин, спрашивает:

– А что это за тип?

В.И. выразился, конечно, более колоритно:

– Ну, этот не только воды, он еще туда и насыт.

В 1964 г. в экспедицию (для практики, не для зачетки) звал меня в Молдавию Георгий Борисович Федоров, ГБ. Он все время соблазнял меня экзотикой, обилием вина и фруктов. Ничего особенного там я не нашел, были бы деньги, а у нас тогда с этим не очень было густо. А о молдавском вине заванный туда ГБ уговорами несколько позже В.И Цалкин выразился: «Вино! Кобыльи ссаки!» Начальником на раскопках у нас был Павел Бырня, замечательный человек без всякого националистического уклона, хотя и румын, но хороший, а сам ГБ отсутствовал. На раскопе мы обычно работали на пару с Виктором Бейлекчи. С ним мы и возроптали:

– Павел! Что ты нас все время кормишь одними жареными перцами – трава! А мы землекопы, жить на одной траве не согласны.

– А где я вам чего возьму?

– Давай машину.

Съездил я в Резину, городок такой, привез из местного холодильника полбарана. Только не очень помню, чтобы баранина пошла нам особенно впрок. Привезенная Павлом повариха, как видно, умела хорошо готовить только жареные перцы. А Виктор теперь после вселенского развала бросил свою Молдавию и осел у нас в Ростове Великом, где благополучно и пребывает.

Наконец, приехал сам ГБ, а у меня кончается отпуск, пора уезжать,

– Подожди, я позвоню Димке (второй зам. директора Института Дмитрий Борисович Шелов).

– Для тебя он Димка, а для меня начальник. Ты подводишь меня, да и его. Тут еще приехал известный поэт Наум Коржавин. Человек мешковатый и несколько неуклюжий внешне, но живой и темпераментный, он стал развлекать нас забавными рассказами и анекдотами. Но мне было давно пора, и я оторвался в отъезд, хотя и с некоторым опозданием, которое Д.Б. Шелов, добрая душа, мне простил.

Вообще ГБ был изрядный сочинитель и импровизатор. Он известен не только научными работами, но и художественными произведениями, в частности циклом рассказов, объединенных в сборнике «Дневная поверхность». Его розыгрыши были остроумны, но грубоваты. Однажды на заседании славяно-русского сектора объектом розыгрыша он выбрал Аркадия Васильевича Никитина (АркВас), человека вспыльчивого и заядлого поборника-правдолюбца. Сыграл ГБ на тогдашней кампании гонений на стилияг, искусно уловив момент, когда срочно ушедший Б.А. Рыбаков оставил за себя председателем его друга Сашу, Александра Львовича Монгайта. Вроде бы от председателя АркВас получает записку: «Аркадий Васильевич, на вас до неприличия стильный галстук» (тут только смысл). Монгайт на своем председательском месте недоуменно рассматривает переданный по рядам пакетик с галстуком, а АркВас в гневе расстегнулся уже чуть не до пупа: «Вот я вас!» Монгайт уловил в Жорином углу некоторое движение и хихиканье и примерно сообразил, в чем дело. Сектор кончается, и взбешенный АркВас набрасывается на Монгайта:

– Как ты смел!? Брызжет слюной и слова не дает сказать.

Наконец Монгайт прорвался сквозь поток его красноречия:

– Да ты хоть посмотри, чей почерк-то.

АркВас взгляделся и на ГБ:

– А! А! А! Нахал! Сценарист! Киношник!

Инцидент имел отзвук в Институте этнографии, помещавшемся выше, на 4-м этаже: Каков Монгайт-то оказался! Заставил Аркадия Васильевича снять галстук.

В другой раз он решил подшутить над питерскими (в то время ленинградскими) коллегами. В Ленинграде действовала лаборатория первобытной техники, которая моделировала приемы и эффективность работы каменными орудиями. И вот в одно прекрасное время в Ленинградское отделение ИА вроде бы как из разных научных центров стали поступать телеграммы примерно одинакового содержания (по смыслу): Поздравляем замечательным открытием эффекта – называлось имя лаборанта. Срочно публикуйте, внедряйте и т.п.

Парнишку-лаборанта трясут:

– Ты что сделал?

– Да ничего я не делал.

– Врешь! Сознавайся!

Догадались наложить исходящие пункты телеграмм на карту. Киев, Одесса, Кишинев. Ба! Да это же Жорка Федоров. Его маршрут в Молдавию на своей машине. Мечь питерцев была много тоньше и злее. К моменту выборов в Молдавской Академии наук сумели организовать телеграмму в Институт археологии в Москву. Георгий Борисович выдвигается кандидатом в член-коры Молдавской Академии наук, испрашивается его согласие. Все поверили. Б.А. Рыбаков вызывает ГБ. Тот смущенно мнетя и не очень решительно соглашается. Рыбаков: «Ведь придется переезжать туда». Жора: «Ну, что ж, придется, так придется». Возмущалась только Татьяна Сергеевна Пасек, дама импозантная и экспансивная: «Кого!? Этого хулигана Жорку? Да я там в Молдавии сделала гораздо больше и более достойна академического звания!»

В это же время у меня на складе бесцельным грузом хранилась дюралевая лодка-казанка с подвесным мотором. Она была приобретена О.Н. Бадером для предполагаемых разведок после

открытия палеолитической живописи в Каповой пещере, но не была им востребована. Согласился взять лодку в экспедицию и там ее оставить Андрей Васильевич Куза, исполнявший роль завхоза в экспедиции Б.А. Рыбакова. Но тут появился новый любитель, Андрей Леонидович Никитин, работавший на Плещеевом озере и вытекающей из него р. Векса. Я согласился, когда узнал, что с ним едет и сам Андрей. Этот эпизод описан в опусе А.Л. Никитина «Голубые дороги веков», где я упоминаюсь в образе не существовавшего завхоза Кости (в обновленном варианте «Дороги веков» уже в действительном качестве зав. складом). Более правдоподобную версию эпопеи мне потом поведали приглашенные в экспедицию Андрей Куза и Саша Воскресенский.

Придерживаюсь не отличающейся, но более красочно рассказанной версии Кузы:

Кончились деньги. Начальник поехал в Москву, завтра привезу. У нас было б р. и в надежде на завтра мы (третьим был ранее мной не упомянутый Вадим Егоров) на скорую руку пропили их в ресторанчике местного торфопредприятия. Утром встречаем – нет. В обед приедет. Таки нет же. И далее все нет и нет. Хозяйка, в доме у которой мы снимали комнату, смотрит подозрительно. Утром швырнет сковородку с картошкой – жрите, и все. Мы от тоски вскрыли вьючный ящик начальника, достали припасенный спирт (по благу был отпущен мной в изрядной дозе) и стали кататься на лодке по очень извилистой, сильно меандрирующей Вексе. В один конец один на руле, в другой – собрат-антипод. Кто меньше разов врежется в берег, тому чару победительную, ну а супротивнику – утешительную. Раскоп забросили и сами себя запустили. Однажды приходим, а хозяйка:

– К вам гость.

Смотрим – девочка, беленькая, чистенькая, нежная. Мрачные небритые дяди:

– Ты кто?

– Я художница, меня Андрей Леонидович нанял.

– Деньги есть?

– Есть, 3 рубля.

– Давай сюда! Отняли у нее эти 3 рубля и пошли пропивать в тот же ресторан. Приходим, а девочки нет, и хозяйка сообщает:

– Она заняла у меня 3 рубля и уехала.

Но тут вскоре приехали жена Хмыря Люся и Катя Алексева и привели мужиков в порядок. Проявился, наконец, и сам Андрей Леонидович. Как потом говорил Саша, мы, мужики, сказали ему пару ласковых, зато женщины выдали ему по полной.

А.Л. Никитин был человеком сложного, неуравновешенного характера и не без амбиций, склонный к фантазерству. Саша Воскресенский рассказывал, как еще будучи студентом, он подрядился сделать А.Я. Брюсову чертежи для отчета и уже изрядно запаздывал со сроками. Обеспокоенный А.Я. Брюсов спрашивает:

– Когда же?

Тот отвечает:

– Ничего, Александр Яковлевич, я шизофреник, ночь не посплю и сделаю. Брюсов посмотрел на него недоуменно, молча повернулся и пошел прочь. В то время Никитин работал в составе Верхневолжской экспедиции Д.А. Крайнова. Крайнов пригласил его сам для раскопок и разведок археологических памятников на трассах узкоколейной и грейдерной дорог, которые прокладывались тогда на берегах оз. Плещеево. Довольно скоро отношения между ними испортились резко и бесповоротно. Не вдаваясь в поиски виноватых и причин ссоры, можно заметить, что враждующие повели себя различно. Крайнов ограничился выражением личной неприязни. Никитин в своих последующих писаниях публично обвинял Крайнова: «Высокий, худой, злой человек, опередив его, разрушил стоянку Берендеево 1 и тем лишил науку замечательных открытий». На этой стоянке в предшествующем году Никитин открыл действительно уникальное скорченное погребение в берестяной цисте, но, видимо, в погоне за какой-то сенсацией разрушил его. В описываемый Никитиным год открытый лист на исследова-

ние стоянки получил сотрудник Эрмитажа Микляев, обеспеченный необходимыми материалами и препаратами для сохранения возможных находок подобного типа. Из отчета Микляева следует, что они действительно нашли стоянку разрушенной. Но разрушил стоянку местный учитель с группой школьников. Крайнов приезжал туда и увидел то же самое, что позже и Микляев с Никитиным. Из характеристики: высокий – правда; худой – правда. Злой? Ни я, ни его постоянный сотрудник Л.В. Кольцов, как и никто другой, этого никогда не говорили и никогда не скажут. Он был в высшей степени незлобивый и добропорядочный человек.

А.В. Никитин был, конечно, очень способный товарищ, по реплике Б.А. Рыбакова, способный на все, как на научную работу, так и на поступки не столь благовидные. В то время при Институте была образована группа молодых ученых для подготовки к работе по материалам археологии в зарубежных странах: Коля Бадер (Ближний Восток), Валера Гуляев (Мезоамерика), Володя Башилов (культуры Перуанского Нагорья). Никитин подвизался по мезолиту Северо-Западной Африки и возомнил себя великим ученым. Услышав о каких-то там находках, он без согласования послал в некое английское ведомство письмо в том духе, что, поскольку он теперь главный специалист по североафриканскому мезолиту, то просит все сведения о таких находках присылать лично ему. Скандал!

Спустя некоторое время Никитин переквалифицировался в писатели и преуспел-таки на этом поприще созданием книг очеркового характера, не лишенных художественности. Пускался он и в исторические фантазии всегда противоречивого или полемиического характера. Вопреки утвердившейся в науке локализации Биармии в Приуралье, он находил ее в Прибалтике. На недоуменный вопрос К.Ф. Мейнандера на советско-финском симпозиуме И.П. Шаскольский ответил: «Статья А.Л. Никитина не представляет нашу историческую науку, ибо А.Л. Никитин не специалист в области археологии и истории».

Лавры первооткрывателя и большого ученого подвигли его обратить свой взор на некоторые события из истории Киевской Руси. Видимо его увлекли красочно и занимательно написанные Б.А. Рыбаковым книги о русских летописях и в особенности о «Слове о полку Игореве». По очень сомнительным и надуманным доводам он предложил свое местоположение Тьмутаракани, отличное от общепринятого в исторической науке, основанное на достоверных источниках. В противоречие с прямым текстом «Слова о полку Игореве» он полагает Олега Ярославича – Гориславича образом положительным, а Владимира Мономаха – отрицательным. В этом проглядывается стремление А.А. Никитина вовлечь в полемику Б.А. Рыбакова, которого он в своих писаниях именуется «Академиком». Академик такой честью пренебрег, а писания новоявленного историка так и остались на обочине науки никем не признанными.

Однажды в Доме книги на Новом Арбате глазел я на развал у одного из прилавков. За спиной слышу знакомый голос, оборачиваюсь – Андрей Леонидович. Андрюша, старших-то полагается приветствовать. Удивился: «Ой! Костя!» Он с каким-то спутником торговал свою книжку, кажется, «Путь на Север», тоже очерковую и в бумажном переплете. Книжек оказалось всего 10 шт., но у одной переплет был помятый и он ее отбраковал. При этом надо было видеть его мученические колебания – подарить мне свое творение или нет. А я, внутренне улыбаясь, делал вид полного безразличия. И все-таки он решился: «Ладно, я тебе подпишу». Снял грех со своей души. Бракованную книгу взял его спутник, но за свои деньги.

А с лодкой дальнейшие приключения происходили на Днепре. После плавания по Вексе она была благополучно переправлена в экспедицию Б.А. Рыбакова. Здесь А. Куза предложил экспедиционной элите, считая своего пса, очень бойкого эрдельтерьера Тима, прогуляться в лодке по Днепру. Вначале все шло хорошо, но тут налетел ветер, забушевали волны, а мотор заглох.

Больше всех испугался пес и стал ко всем кидаться: Спасите же меня, я вот он! А Андрей копается в моторе, кричит: «Держите собаку, он нас опрокинет». Но пес быстро понял, что спасать его никто не собирается и, вспомнив поговорку о спасении утопающих, махнул на всех лапой, прыгнул в воду и поплыл самостоятельно к спасительному берегу. Наладился и мотор, и путешественники благополучно выплыли, промокшие и продрогшие, но живые. По этому случаю начальник продовольственного отдела Слава Даркевич срочно достал спирт греть пострадавших. Разлили по кружкам, а Альбине Медынцевой срочно захотелось пить. Вместо воды она махом выпила приготовленный в кружке спирт. Зашлась. Все кричат: «Запей, запей!» Она тем же порядком вторую дозу. Ах! Ох! Ха! Однако ничего ей не подеялось, кроме ускоренного сугрева.

Примерно в то же время я стал свидетелем интересного телефонного разговора. Тогда четыре сектора, на которые делился институт (неолита и бронзы, скифо-сарматский, античный и славянский), помещались в цокольном этаже, теперь занимаемом архивом Института. У телефона – Колчин, на другом конце – Петр Иванович Засурцев. Я прекрасно понимаю смысл разговора. Петр Иванович спрашивает:

– Что делать? Завтра должна прийти машина для экспедиции, нужно ее принять, получить на складе снаряжение и материалы, погрузить и сопровождать машину в Новгород.

Колчин отвечает:

– Петя, ты знаешь Кузу? Вот есть такой Куза. Вчера он должен был приехать из своей экспедиции, и если он еще не спился, то завтра он придет, примет машину, получит экспедиционное имущество, погрузит и сопроводит машину в Новгород.

– А если он спился?

– Ну, Петя! Ты же меня понимаешь. Мы же в свободной стране живем!

В 1966 г. мне удалось совершить поездку на побывку к ро-

дителям, проживавшим в то время в Амурской области. Случилась накладка. После известного обострения отношений с Китаем (хунвейбины, остров Даманский) Дальний Восток снова стал пограничной зоной, и на въезд туда теперь, как и до войны, требовался пропуск. Пришлось через милицейские органы посылать телеграфный запрос на пропуск. С грехом пополам пропуск был получен, и подписал его пред. сельсовета Кеша (Иннокентий) Дорошков, с которым я учился в 7 классе. Правда, после он просидел на этой должности недолго, о чем после. Путь мой от станции Архара шел по прямой до с. Иннокентьевка, расположенного на р. Амур – 33 км, затем вдоль Амура вверх через деревни Красный Луч и Скобельцино – 28 км. На подъезде к Иннокентьевке дорогу пересекает протяженное возвышение Хребтик и ближе к селу – цепочка озер, Перешеек. Здесь мне довелось увидеть некоторые укрепления из железобетона, которых не было и в военное время противостояния с Японией. Вновь была восстановлена пограничная охрана, почти ликвидированная в 50-е годы при Хрущеве.

На приграничное население все эти китайские угрозы вместе с их хунвейбинами и т.п., как видно, особого впечатления не производили, о чем говорит эпизод, устроенный мужиками д. Скобельцино. Она располагается при устье р. Буреи, что в 7 км ниже по реке от нашей Украинки. Деревенька эта раньше была казацким хутором, приписанным к станице Иннокентьевской Амурского казачьего войска. Несмотря на значительную потерю коренного населения (Гражданская война, коллективизация) и некоторый приток нового, в ней сохранились многие старые традиции, в частности никого не выдавать. У них никогда нельзя было получить зерно по сверхплановой заготовке, что обычно практиковалось под сильнейшим нажимом обкомов и райкомов. Все растаскивалось ночью по тем же ведомостям по второму-третьему заходу. А в амбаре пусто – смотри! И ни у кого ничего нельзя было узнать. При деревне над самым устьем господствует сопка высотой не менее 200 м, непонятным образом одиноко вы-

ступающая на приамурской равнинной низменности. После войны бывшие на ней доты разоружили, и Скобельдинские мужики приспособились на ее вершине справлять некоторые праздники. Такой праздник они устроили весной 1967 г. на Троицын день. Изрядно разогревшись, вспомнили: «Ванька (фамилию забыл, кажется, Соловьев), у тебя же там на той стороне тетка замужем за китайцем. Поехали в гости». Тут же снарядили две лодки с моторами и запросто – за границу. Охранители спохватились после (самый разгул хунвейбинов в Китае), стали призывать нарушителей к ответу. А они все заодно: «Мы на китайский берег не выходили, ну если когда одной ногой, чтобы чокнуться с другом-китайцем». А что с них возьмешь? Темные деревенские мужики и играют втемную. Пострадал один Кеша Дорошков отрешением от председательской должности за потерю бдительности.

Тут подошло время и к защите диплома. Тему я выбрал по ранним славянам. Мне было интересно узнать, откуда все взялось? Руководителем себе я выбрал Б.А. Рыбакова, чему он сначала удивился, но согласился, да и готовый текст был ему тут же подан. При этом Б.А. не преминул охладить мое рвение: «Видите ли, Константин Иванович, в славянской археологии практически все сделано, серьезных, значимых открытий здесь не ожидается». Выходило – я ломлюсь в открытую дверь. Позже я вспомнил, как видный в свое время ученый отговаривал Макса Планка, что он напрасно выбирает физику областью своих научных занятий. В физике практически все сделано, осталось подогнать некоторые мелочи, чтобы завершить стройную картину мира. Но это была физика Ньютона, объясняющая законы природы на принципах механицизма. Вопреки предсказанию Планк стал основателем квантовой теории, заложившей основы физики нового времени, открывающей широкие горизонты в познании глубинных тайн мироздания. Нисколько не страдая амбициозными претензиями на эпохальные открытия, упоминаю об этом как о характерном для Б.А. стиле руководства Институтом. Проблемы ранней исто-

рии славян он оставил и почил на лаврах. Впоследствии он выдал несколько книг по материалам русских летописей, былин, «Слове о полку Игореве», мифологии и религиозных воззрениях славян, культуре Киевской Руси, сдобренных изрядной долей его богатой фантазии.

Археологический материал по ранней славянской культуре к тому времени четко обозначился по исследованиям Ю.В. Кухаренко и, в особенности, по раскопкам И.П. Русановой. Материалы ее раскопок хранились в Киеве, и Б.А. беспрекословно разрешил мне обещанную ранее командировку на неделю для ознакомления с коллекцией. В своем слове он был тверд. Трудностей с проживанием в Киеве у меня не было. Я обосновался у двоюродного брата Толи, с которым мы были дружны с детства. На некоторые особенности керамики культур Корчак и Колочин обратила мое внимание оказавшаяся там же Русанова.

После получения диплома о высшем образовании мне еще больше года пришлось пребывать в должности кладовщика с вытекающими отсюда последствиями. Видимо, начальство привыкло и ничего менять не хотело. В 1968 г. меня освободили, наконец, от должности кладовщика и определили наблюдать за коллекциями. Перевод совпал с перебазированием склада из центра в Очаково. Освобождалась площадка под строительство нового здания ЦК на месте прежних строений. А коллекций накопилось множество, и они располагались в разных складах: два подвальных помещения непосредственно в Институте, в двух подвалах домов за кинотеатром «Ракета» и в подвале в Очакове. Все это скопилось за многие годы, в ящиках, составленных стихийными штабелями. Наблюдать там было нечего, потому что с этими коллекциями почти никто не работал, разве что энтузиасты или по чьему-либо случайному заданию. Однажды Марина Романовская пожаловалась:

- Работать в подвале с коллекциями невозможно, блохи заели.
- А кто тебя заставляет там работать?
- Либеров.

– А ты скажи ему, пусть он сам там поработает.

Вызвали отравителей провести дезинсекцию. Санитарка изобильно рассыпала dust на всем пространстве. Раньше археологи работали в туче пыли и блох, теперь – в туче пыли и дуста. Русский археолог и не в таких условиях выживал.

Одну из комнат в Очаковском складе я приспособил под кабинет. Там оказалось кресло с резной спинкой, в котором, по словам Д.А. Крайнова, не сидел Иван Забелин, опасаясь геморроя. Но что мне делать и чем заняться, я пока определить не мог. Случайно в одном лотке я увидел крупные фрагменты лепных сосудов и спросил у владельца коллекции Бори Тихонова, что он об этом думает.

– Не знаю, я показывал это Либерову, и он сказал, что это какое-то «железо».

А сам неолитчик Боря этого материала и вовсе не знал. Из этих фрагментов составлялись профили двух сосудов типа Корчак и одного – типа Колочин. С разрешения Бори я опубликовал их в КСИА – первая публикация. Много позже Д.А. Крайнов заметил описку в заголовке: ха-ха-ха! «Находда» вместо находка. Но будь мной не замечена, «находда» неизбежно пропала бы, а опубликованная послужила некоторым основанием для выделения А.М. Обломским древностей подобного типа.

Сам я еще не определился в своих научных интересах, хотя в целом склонялся к славянской проблеме, в целом, не иначе. Появились предложения о конкретной работе. Виталий Волков приглашал с собой в Монголию, обещал обеспечить достойной темой. Суетившийся тут Сережа Ширинский уговаривал соглашаться: «Там тугриками платят, можно в “Березке” дефицит купить». Боря Колчин звал к себе в лабораторию. Он надеялся еще продвинуть в практику изучение процесса металлургического производства и говорил: «Мужик нужен». Больше всех старался привлечь меня в свою экспедицию Д.А. Крайнов. Организованная им Верхневолжская экспедиция, работала в Тверской, Ярослав-

лавской и Ивановской областях, как он говорил, широко разводя свои длинные руки, «от Торопца до Юрьевца». Сам он исследовал памятники эпох мезолита, неолита и бронзы. В изучении собственно мезолита Верхневолжья теперь выдвинулся Лев Владимирович Кольцов, к этому времени уже заметный кандидат наук, и Крайнов давал ему возможность самостоятельного исследования памятников мезолита, особенно в Тверской области. Меня он привлекал тем, что некоторые памятники эпох неолита и бронзы перекрывались более поздними и в верхнем горизонте культурного слоя содержали материал славянского времени. Вот этот горизонт слоя, по его мысли, и предполагалось исследовать мне по ходу раскопок. Работа в центральном районе России, колыбели русской народности, мне показалась более привлекательной, и я согласился. А в перспективах лаборатории по исследованию древней металлургии я сомневался, опасаясь глухого противодействия со стороны дирекции. Я уже знал, мягко говоря, о некотором недоверии директора Рыбакова к разного рода нововведениям, говоря по-современному, инновациям, в археологическую науку.

В мае 1969 г. зеленый 42-летний новоиспеченный археолог под руководством умудренного опытом Львы Кольцова отправился в совместную с ним разведку. Тогда я привел в экспедицию шофера Василия Никифоровича Любимова. С некоторыми перерывами он проработал в нашей экспедиции почти до конца. С легкой руки Льва Владимировича он получил прозвание Кефирыч. К нему это пристало как-то самым естественным образом, хотя сам он был недоволен этим титулом. Впоследствии в наших рассказах и анекдотах он выступает под именем Васька. В 1970 г. предполагался выезд в поле на весь сезон. Но бог предполагает... Неожиданно воспротивился такому своеволию П.Д. Либеров. По его разумению, я должен был сидеть в подвале с коллекциями и следить, будет там кто работать или нет. Никакие резоны в бессмысленности такого дела, да еще в экспедиционный сезон, его не убеждали. Но как-то все уладилось, и после такие препятствия не возникали.

В первый 1969 год работы в Ивановской области Д.А. Крайнов вначале пытался организовать раскопки у д. Гоголи на р. Лух. Река в этих местах больше похожа на систему проточных озер. В деревеньку эту можно пробраться, только переправившись на «пароме». Паром этот на самом деле представлял собой большой плот, но выдерживал машину. С напольной стороны деревня отрезана непроходимыми болотами. Мы с Кольцовым переправились, привезли студентов, устроили лагерь и послали машину за начальником. Начальник приехал ночью и с женой. У нас уже был отбой, а он по непоседливости своей тоже переправился и бегаёт по лагерю, кричит, ищет нас с Левой. Перевозил его на лодке местный егерь, живший на той стороне. Марию Борисовну хозяйку устроили спать на кровати, а самого Крайнова с фотографом Михаилом Михайловичем Зайцевым егерь пошел перевозить. Мария Борисовна слышит разговор хозяев:

– Ну что, перевез?

– Перевез. Да одного утопил.

– Какого?

– Да длинного.

А сама думает:

– Как же он его утопил?

Просто Д.А. по беспокойному характеру своему дергался и на верткой лодке-долбенке слегка присел в воду, промок.

В окрестностях д. Гоголи не нашлось подходящего объекта для стационарных раскопок, и экспедиция перебазировалась в д. Пеньково, чтобы продолжить прежние раскопки волосовской стоянки на той же р. Лух у д. Рыбино. Там я вдруг обнаружил, что ранее он уже снес верхний горизонт слоя с материалами славянского селища. Керамика была уже вне информации, но вещи из металла сохранились в рисунках описей, которые делались Лидией Сергеевной Китицной с присущей ей аккуратностью. Тогда я решил опубликовать эти находки как материалы селища. Д.А. сомневался, спрашивал у А.Ф. Медведева:

– А почему вы знаете?

– Ну, уж вещи-то мы знаем.

Подготовленная мной таблица рисунков не удовлетворила Леву Кольцова, бывшего в то время секретарем «Кратких сообщений»: стрелки надо повернуть остриями вверх, а острогу, наоборот, зубцами вниз и т.д. Переклеили рисунки по правилам. Бесплезно. Все равно эту таблицу опубликовали верх ногами.

Вспоминается анекдот по случаю, происшедшему там с Д.А., очень характерному для него. Он провожал жену на станцию Шуя и привез свежую, по его словам, газету «Правда», других не было. Мы с Д.А. сели разговаривать о хозяйстве, а Лева стал усердно изучать газетные новости. Дошел до программы телевидения. Программа в газете оказалась на 24-е число, а у нас было 22 июля. Почему? Советую:

– Посмотри дату на титуле газеты.

Лева глянул;

– А! Она еще за прошлый месяц!

Смеемся, Д.А. недоумевает. Лева взгляделся более пристально:

– А! Она еще за прошлый год!

Д.А. смущенно оправдывается:

– Ведь я же свежую газету спрашивал, и она же сказала, что осталась только «Правда». Вот черти! И где только достают? Обманули!

Работы в Тверской области всегда откладывались на сентябрь. Обосновались в известном по прежним работам пионерлагере. Основные раскопки проводила Марина Бухтеева на городище у д. Отмичи. Сам начальник с небольшим отрядом отправился в разведку. На оз. Бор Волго обследовали некоторые неолитические стоянки. Все они оказались размытыми в результате подпора воды плотинами, и мы ограничились сбором подъемного материала на отмелях. На возвратном пути Леве Кольцову в соавторстве с начальником удалось провести небольшие, но значимые по результатам, раскопки мезолитической стоянки Черная Грязь.

1970 год славен многими памятными событиями, в конечном счете, круто изменившими мою жизнь. В июне сам Д.А. Крайнов вел раскопки стоянок у с. Золоторучье под г. Угличем на Волге. Лев Владимирович – на другом берегу реки у пос. Алтыново, куда он переправлялся самостоятельно на лодке с мотором. Надо сказать, что лодочный мотор был изъят мной со склада благодаря прежним связям. Мне были поручены два небольших раскопа на селище рядом с начальником и раскоп на поселении Богоявление у с. Васильки, где слой средневекового селища перекрывал стоянку эпохи мезолита. Раскопки, несмотря на ограниченный размер вскрытых площадей, дали интересные результаты. Краткая публикация в АО вызвала неожиданную реакцию со стороны М.В. Фехнер. Она была уязвлена раздором во взаимоотношениях с Д.А. Крайновым, первоначально весьма дружественных, и решила воздействовать на него через меня. Я нарушил ее суверенное право на памятники, где она уже копала. Копала, но под эгидой того же Д.А. Крайнова. К нему я и отослал ее на разборки. Разговор между ними происходил в коридоре Института. М.В. сетовала на непорядочность, на нарушение научной этики. Д.А. ответил:

– Мария Владимировна, может, на счет этики-то не будем?

Попятилась:

– Ладно, не будем.

Не знаю, в чем причина случившейся между ними размолвки. Но в Ярославской области М.В. начинала действовать по приглашению Д.А. Какой-то кризис в их отношениях, видимо, наступил во время раскопок Тимеревского курганного могильника. Раскопки были предприняты в связи с начинавшимся строительством большого нефтеперегонного завода, территория которого планировалась в опасной близости от могильника. Как оказалось, не в такой и близости, но под этим предлогом Д.А. сумел обеспечить финансирование раскопок за счет строительства этого завода, а вся бухгалтерия проводилась через Ярославский

историко-архитектурный музей, с которым у Д.А. были давние прекрасные и доверительные отношения. Самому Д.А. раскопки славянского могильника были не интересны, не по его теме. На готовенькое он пригласил М.В. Фехнер. В ее монографии об этих раскопках (Ярославское Поволжье. М., 1963) всем, в том числе Ярославскому музею, была выражена благодарность и спасибо. О Крайнове – ни слова. Вот тебе и этика! Мария Борисовна, жена Д.А., однажды сама мне сказала, что это она поспособствовала разрыву его отношений с М.В. Не спросил тогда, до или после этой публикации. Но разговор был о том, чтобы Д.А. перестал спускать Фехнер какие-то бестактности пренебрежительного или унижительного свойства. Хватит! А может быть, элементарная женская ревность?

В Ивановской области экспедиция работала на оз. Сахтыш. Лагерь Крайнов по привычке устроил в центре поселка торфопредприятия при начальной школе, на месте неудобном и беспокойном. В тесном дворе я с трудом разместил палатки. Надо заметить, что Крайнов всегда приглашал в экспедицию врача или хотя бы медсестру. В этот раз в Сахтыш должна была приехать некая Алла Израилевна. Она не новичок в экспедиции Крайнова, была с ним знакома и даже принимала какое-то участие в операции у него на щитовидке. Лева Кольцов говорил мне, что Алла Израилевна врач настоящий, не в пример прочим. А мне какое дело? Главное – я должен был встретить новоявленного доктора на вокзале в г. Тейково. Глядь, а она – вот она! Вдруг неожиданно появляется в лагере самостоятельно. Ее впечатление: «Выходит навстречу лохматый босой мужик. Злой». Будешь злой. Надо ехать встречать, а Васька темнит, никак не раскачаю. Он нередко злоупотреблял моим доверием. И мне не очень-то по душе это поручение, при встрече галант строить. Да и перед кем распинаться-то боярину Буйносову. Был у меня и опыт неприятных отношений с его «личной» докторицей, которую он постоянно приглашал из санатория в Переделкино.

Поначалу я отнесся к новопривывшему доктору не то, чтобы равнодушно, но даже как-то настороженно. Причиной тому были недоверие к «личным» докторам Крайнова и моя незадавшаяся семейная жизнь. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что моя семейная жизнь тогда не сложилась. Только с тещей у меня были вполне дружественные отношения, но она и сама открыто не любила свою дочь. В минуты душевной невзгоды не раз я заявлял своей бывшей жене: «Пойми ты, дура. Если я когда-нибудь встречу на своем пути женщину, в которую и которой я поверю, я же ни минуты не останусь с тобой, уйду». Поэтому мое настороженное отношение к Алле было отражением общего недоверия к женскому полу. Обжегся на молоке... С переездом в Калининскую (Тверскую) область мои отношения с Аллой упростились, стали вполне дружественными, не без симпатии, надеюсь, взаимной.

Выезд из Москвы в Тверскую область начался со скандала. Приехал на автобазу к оговоренному времени – Васьки нет. Ладно, подхватил проезжавший мимо прикрепленный к нашему Институту пикап: «Коля, поехали». Получили с ним в магазине продуктовый заказ на экспедицию, сложили эти коробки у ворот базы. Жду, а его все нет. К начальнику колонны Левакову: «Алексей Дмитриевич!» Тот определил сразу: «Нажрутца гады».

Только когда я окончательно убедился, что больше ждать нечего, позвонил Крайнову. Д.А. взвился: «Почему не позвонил раньше?» А я все надеялся, что все как-то уладится. По поручению Д.А. еду к Ваське на дом. Нахожу его лежащим у подъезда ничком на скамейке для старушечьих посиделок: «Ты чего?» Бормочет: «Моя нагнала зуду, вот я ей и напился». В возмущении я не заметил, что она наблюдает за нами с балкона на 2-м этаже и неосторожно крикнул: «Кому? Этой дуре?»

Это предопределило провал моей миссии. Вцепилась в путевой журнал, который Васька накануне взял домой, и не отдает. Баба всегда найдет способ показать, кто в доме хозяин. Конфликт

с журналом удалось уладить более дипломатичному Леве Кольцову, посланному Д.А. вместо меня.

Меж тем Васина Раиса прифрантилась и рванула к Крайнову жаловаться. Там вся в слезах, при благосклонном внимании и понимании Марии Борисовны, она поведала, что Константин Иванович спаивает Василия Никифоровича. Тут надо сказать, что пьянку накануне вечером устроила она сама по случаю приезда из деревни своей сестры. Но под сильнейшим и дружным воздействием двух баб Д.А. устоять не мог и поверил Раисе. Отсюда и произошла наша временная распря, скоро благополучно и прекратившаяся. Дома Раиса орала на Ваську: «Взяла у Крайнова 30 рублей и еще возьму, а тебе ничего не дам». Видимо эти 30 р. были, по ее разумению, знаком победы и неоспоримого превосходства. Оглушенному бабьей истерикой Д.А Крайнову ничего и не оставалось, кроме как откупиться. В свою очередь я решительным тоном спросил у Раисы, сможет ли она завтра обеспечить выезд своего мужа в экспедицию. Нет? Тогда я забираю его с собой, и он будет ночевать у меня. На том и покончили.

Экспедиция, как всегда, обосновалась в известном пионерлагере у д. Отмичи. Устраиваться по приезде начали с печки для кухни. Привальный обед взялась варить Алла. У нас были консервы мясные, рыбные и кое-что другое. А разные крупы, лапшу, макароны и прочее мы собирались закупить завтра в г. Калинин. В задуманный Аллой суп харчо пошло все, что просыпалось в картонных коробках из тех продуктов, что были съедены во время работы экспедиции в Ивановской области: крохи риса, пшеница, перловки, лапши, макарон и т.п., т.е. самый случайный и немислимый в нормальном обиходе набор. Супчик получился на славу, да на свежем воздухе, да при той выдержке в ожидании пищи насыщенной при переезде на новое место. После Д.А приставал:

- Алла Израилевна, сварите опять такой супчик.
- Дмитрий Александрович, не могу.
- Но почему? Вы же тогда смогли! Он никак не мог уразу-

меть, что такой невообразимо случайный набор воссоздать не получится при всем желании.

Оставив в лагере Марину Бухтееву раскапывать свое городище, сам шеф с некоторой командой поехал в разведку. Путеводителем была топографическая карта масштаба 1:200000 с грифом «Секретно», неведомо как добытая Юрой Урбаном. В те времена сами мы, кроме ширпотребовских областных административных карт, ничего подобного не имели и даже мечтать не могли. С этой картой Д.А. бессмысленно восседал в кабине. Заехали в музей в Осташкове. После ознакомления и переговоров Д.А. с Юрой Урбаном расспросили, как лучше из города выехать на правильную дорогу. Поехали. Дорога – приличный асфальт, скорость тоже приличная. Переезжаем реку, останавливаемся. Д.А. выходит и в пол-оборота:

– Обнажение надо посмотреть. Да, кстати, а что это за река?

– Не знаю. Я смотрел маршрут по карте, там такой реки, кроме небольшой речки вроде ручья, не должно быть.

– А где же мы тогда есть!?

– Не знаю. А надо сказать, все эти разговора между нами происходят в несколько напряженных и неприязненных тонах. В начале поездки в ответ на какое-то его замечание с намеком на спаивание Василия Никифоровича я зло прикрикнул:

– Наслушались вы бабьих сплетен!

Встал на дороге ловить проезжую машину. Дождался, спросил. Оказалось, мы проехали 40 км не в ту сторону.

Заехали в какое-то село, ночевать остановились в школе. Уже затемно Д.А. и Урбан пошли по дворам спрашивать, где тут находили топор (естественно, фатьяновский каменный). Одна баба на них заорала:

– Какой топор? Никакого топора я не брала! У меня свой топор! Знать ничего не знаю! Вернулись смущенные, Юра смеется. Я говорю:

– Да дайте мне карту, я вам покажу, где этот топор могли найти.

Не дал. Утром выехали в надежде лесной дорогой срезать угол с выездом на шоссе. Я из кузова громко ругаюсь:

– Куда вы прете? Карту читать тоже ум нужен, соображать надо! Мы опять в то же село приедем.

– Почему вы так думаете, Константин Иванович?

– Наша дирекция – ЗЮЗ. Сейчас 10 ч. утра. Мы идем прямо на солнце, на восток. Дураку понятно. Кажется, я и хуже кричал, но Д.А. почему-то тогда не обиделся. А в это село мы все-таки приехали, только с другого конца. Дальше поехали, не искушая судьбу. В Селижарове лист карты обрывается и Д.А. с облегчением вздохнул: «Ну, слава богу. Карта кончилась. Теперь мы не заблудимся».

Далее поехали в г. Западная Двина. Тогда прокладывалось новое шоссе Москва – Рига. Новый асфальт – стекло. Васька пробует, сколько машина пройдет накатом. Д.А. принял это за издевательство, как он мне потом говорил:

– То едет быстро, а то все тише и тише. И ехидно: «Видели? Вот хочу так вас повезу, а захочу – эдак!»

Наконец упираемся в указатель «Объезд», хотя дорога еще продолжается. Д.А. ко мне: «Куда ехать?» Я грубо: «Раз вы там сидите за командира, то и командуйте».

Поехали прямо, но скоро пришлось вернуться на объезд. Город как-то не понравился. На въезде беспорядочными завалами топорщились бревна лесной биржи. Сам городок производил впечатление некоей захудалости. Но Д.А. непременно хотел устроиться на ночлег в гостинице. А перед этим мы проезжали живописные чистейшие озера в окружении сухих сосновых боров. Стояла великолепная осень благословенного бабьего лета. Там бы и остановиться.

– Нет! Хочу в гостиницу.

Алла Израилевна из кузова слабо пискнула:

– А мы не хотим.

Д.А. возмущенно:

– А я так не могу. Когда Константин Иванович на меня крикнул (на объезде), то у меня вот тут кольнуло и сюда выскочило.

И он показывал, вытягивая свою длинную руку, из какого пальца выскочило. Все-таки он дал себя уговорить не ночевать в гостинице и потом оправдывал свою уступчивость:

– Да, этот город какой-то несуразный, вздыбленный, хуже волос Константина Ивановича.

Оказывается, моя давно не стриженная густая шевелюра темного цвета, небрежно зачесанная пятерней, вызывала его неподдельную зависть. В Москве он специально принес в институт свое фото в молодом возрасте и хвалился:

– Вот, смотрите, Константин Иванович, у меня тоже были волосы!

А мне пришлось утрудиться, пойти в парикмахерскую. До изнеможения утомленная жизнью и самой собой, парикмахерша спрашивает томным голосом:

– Как вас стричь?

– Под польку.

– А вот тут как?

– Да посмотрите там сами (кроме этой самой польки больше-то я ничего и не знаю).

– Ну, вот еще! Стану я голову свою ломать, выдумывать чего-то!

Ворчит:

– Отрастил!

– А какая вам разница – сантиметр отчекрыжить или два?

Дева возмутилась:

– Да вы что!?! Издеваетесь!?

Моя прическа тогда даже стала неким преткновением в нашем походе в ресторан при гостинице в г. Калинин, где нам при-

шлось остановиться на ночлег. Крайнов зовет нас с Кольцовым:

– Пойдем, пообедаем.

А нам неохота. Пришел Юра Урбан с бутылкой, и мы хотели употребить ее втихомолку. А Крайнов настаивает:

– Пойдем!

Пошли. Я придел Васькин пиджачок для благообразия, но это не помогло скрасить наш экспедиционный облик. На входе в ресторан перед нами встала женщина метрдотель величиной с Крайнова:

– Не пустю!

Крайнов не слушает ее возражений, да и мы в сущности-то не грязные и особо придраться не к чему. Но она стеной:

– Ну, вы посмотрите, кого вы ведете. Этот у вас хоть бы ботинки почистил (Кольцову), а этот хоть бы причесался (мне).
Кольцов:

– Что бы я ботинки чистил!

А я причесываться ей в угоду не собираюсь. Но прорвались, пообедали, и водки он нам поставил, как и обещал. А припас Юры мы оприходовали потом.

В Великих Луках отговорить нашего начальника от гостиницы удалось обходным маневром: где поставить на ночь машину? В любом случае мы с Васькой должны ночевать в машине. А если поставить перед гостиницей, можно в окно наблюдать. Но тут рядом районный Дом культуры. Вечером соберется местный бомонд, шпана. Что тогда? Со стороны было забавно наблюдать, как четыре мужика вышагивали перед гостиницей с областной административной картой в руке у каждого и строили высокие планы о ночной стоянке экспедиционной автомашины. В конце концов он завез нас на ночлег в какой-то интернат. Там я, к удивлению Аллы Израилевны, добровольно и без всякого принуждения вымыл себе ноги. Но я тогда и вправду физически чувствовал настоятельную необходимость этого и в понуканиях не нуждался. А понукали бы – ни за какие деньги не стал бы мыть.

Наконец выехали на природу. Убогая деревенька над красивым озером. Крайнов ко мне с ехидцей:

– Ну вот, Константин Иванович, ваша обязанность, выберите место. Вот колодец (на краю деревни).

– Ну и что колодец. Сообщается с озером. Вон лягушки плавают. Тут и в озере вода чистая. А вон на том краю сосновый борок к озеру подступает. Рядом стоящая тетка:

– У нас там всегда туристы останавливаются.

– Вот туда и поедем. Чудный вечер, костерок. Тут и произошло у нас с Аллой Израилевной окончательное сближение.

Возвратимся к нашим баранам. Следующим пунктом нашей разведки был г. Бежецк, на въезде в который есть собственная тюрьма, встречающая приезжающих. Близ бывшей д. Болшнево в останце разработанного карьером моренного холма с помощью бульдозера удалось найти две могилы с коллективными фатьяновскими погребениями – жалкий остаток большого могильника. Расчистка прошла успешно, пора закругляться. Нужно было собрать и упаковать кости каждого скелета по отдельности. В одной могиле два погребения разбирали Наташа Кирьянова и Володя Мошков. Во второй могиле с тройным погребением трудились Алла и две студентки из Ярославля. Тут угол могилы нарушен поздним перекопом, где были перемешаны части детского костяка, кости свиньи и собаки. Пытаясь разобраться в этом скоплении, Д.А. в испуге кричал: «Не трожь! Тут у меня детский ребенок!» Ему было свойственно при завершении раскопа впадать в некое подобие паники. Он начинал нервничать, суетно кружиться по раскопу. Здесь он непременно возвращался к могиле, в которой с одним из погребений работала Алла.

– Девочки! Вы тут ничего не перепутайте!

И к Алле: «Вот, вот», пытаюсь чего-то поправить. Алла возмущенно:

– Да нет же! Это четвертый шейный позвонок, а это свиная кость, не мешайте.

– Не буду, не буду.

Пошел кругами, кругами и опять:

– Девочки, девочки! Вы тут ничего не перепутайте. Вот, вот.

– Да нет же! Это четвертый шейный позвонок.

– Ну, не буду, не буду. Наконец возмущенный голос Аллы:

– Ну, какой черт мне опять эту кость подсунул?

Д.А. виновато:

– Это я. Я больше не буду.

Эпопея благополучно завершилась. Требуется грубая мужская сила засыпать ямы. Где ребята? Нет ребят. Васька гордо: «Они у меня на трудработе». Он их послал на колхозное поле воровать морковку.

Располагались мы тогда в коридоре довольно большой заброшенной школы с частично разобранными полами. Рядом была новая школа меньшего размера. Количество учеников уменьшилось примерно вдвое. Да и сама деревня исчезла из списка населенных мест. Осеннее похолодание сподвигло наших мальчиков услужить девочкам и затопить одну из печей, благо все топки выходили в коридор. Оттуда на нас повалил дым. Васька кричит:

– Открывайте все дымоходы! Дым повалил из всех печей.

Крайнов:

– Товарищи! Я забыл вас предупредить, в трубах нежилых домов всегда поселяются галки. Там теперь галок полно!

По пути на базу в Отмичи заехали на Тургиновский фатьяновский могильник, где Д.А. надеялся найти погребения, уцелевшие от прежних раскопок. Могильник располагался на слабо выступающем на равнине возвышении на краю обширного картофельного поля. Была пора уборки картофеля. Поле уже было перепахано картофелекопалкой, но поднятый на поверхность урожай еще не был собран. Срочно было приготовлено пюре из свежего полевого, а потому вкуснейшего, картофеля. Правда, блюдо, в приготовлении которого главное участие принимала опять-таки Алла, получилось с некоторым изъяном. Васька не хотел ехать к колодцу за водой, аи-

мевшегося запаса было в обрез. Он первый заорал: «Война воде! Руки мыть не будем». Экономия. Картошку мыли экономически, сливая воду из бака с картошкой. На дне неизбежно оставался осадок мельчайших песчинок, и они предательски поскрипывали на зубах. Но кушанье употребили с великим удовольствием, пюре жевать не надо. Ночью втроем с Аллой и Васькой мы пошли по полю набрать картошки с собой на базу. Трусоватый Васька шипел: «Тише ты!» Чего тише? Воров и без этого на ровном поле в лунную ночь за версту было видно. Да и много ли наворуешь с одним ведром?

По приезде в лагерь Васька стал жаловаться на здоровье: грудья заложило. Сердобольный врач Алла Израилевна нагрела воды и собрала его пользоваться горчичниками. Васька с необычным для него проворством нырнул в кузов и завязался на все завязки, которыми тент кузова закрывался с заднего борта. Д.А. потом изобразил, как Васька в великом испуге спрятался в машине, схватил топор и кричит: «Не подходи!» Алла потолкалась у борта машины со своим тазиком теплой воды и, не преуспев уговорить болящего, заявила: «Ну, Васька! Тогда не скрипи!»

По окончании экспедиции с выездом в Москву собрались только под вечер и большую часть пути прошли в темное время. Темноту усугубил густой туман, набегавший волнами почти до самой Москвы. Волнами происходила и наша езда. Относительное просветление скоро сменялось таким полумраком, что буквально в 5-10 м вперед всякая видимость терялась. Довольно длительные промежутки пути приходилось идти со скоростью не более 10 км/час, а иногда совсем останавливаться. Я устроился головой на коленях у Аллы в глубокой задумчивости. По всей видимости, наш роман подходил к концу, и это было грустно. По сложившимся между нами отношениям, да и по своей натуре я не мог уже полагать наш роман мимолетным и ни к чему не обязывающим. Так ничего и не решив, а понадеявшись на всепобеждающий русский авось, я первый из пассажиров высадился из машины, толком не попрощавшись.

Предбывшая супруга встретила мое явление из экспедиции враждебно и злобно, что еще более укрепило мою решимость оставить сей дом навсегда. Это и произошло недолгое время спустя. Только сначала я сразу уехал в отпуск в деревню к отцу с матерью. По возвращении из отпуска я прихватил паспорт, военный билет, университетский диплом и бравого Швейка Ярослава Гашека и явился пред светлые очи Аллы Израилевны.

– Пришел к тебе, весь я тут. Не выгонишь?

И вот, как ни странно, не выгоняет до сих пор. Предбывшая побесилась, упрекала: «Я тебя выучила, а теперь ты меня покидаешь». Это ее учение красноречиво характеризует эпизод с моей дипломной работой. Я дописывал ее в тиши на кухне до 4 часов утра и неосторожно оставил исписанные чернилами листы там же на столе. Утром я нашел все листы облитыми водой. Жалкий лепет оправданья. Пришлось переписывать. И так во всем. А уж ненависть к моим выездам в экспедицию, совершенно необходимым по роду занятий, казалась неизбежной. Еще один упрек я получил от регистраторши в военкомате при постановке на учет по случаю новой прописки.

– Что же это вы, от Ивановны уходите, а приходите к Израилевне?

Тогда я сразу не нашелся ответить ничего лучше, как по Лермонтову: «У меня есть друг. Его зовут Вернер, но он русский. Что ж из того? Я знал одного Иванова, который был немец».

Перемена моего жизненного уклада благотворно сказалась на моей судьбе. Теперь я мог безоглядно заниматься научной работой в меру своих способностей. Об этой перемене изначально знал только Лева Кольцов. До остальных это дошло чуть ли не через год. Но что-то изменилось и внешне. Подозрительно стал приглядываться Д.А.

– Что-то вы, Константин Иванович?

– А чего? Я ничего.

- Да нет, что-то не так. Остановил в коридоре Б.А. Рыбаков:
- Что-то вы, Константин Иванович, как одеты?
- А у меня больше одеть нечего.
- Ну, если так нечего, то это еще ничего.

Довольно скоро проявилось и естество нашей жизни с Аллой. Однажды она мне несколько таинственно поведала, что у нас может быть потомство. Видимо, она ввиду не совсем еще укоренившихся между нами отношений сомневалась, не захочу ли я вновь оказаться свободным. Но тут мы единодушно и без колебаний постановили – потомству быть. Так появилась на свет Анна. В записке и голосом из окна роддома она мне сообщила: «У тебя родилась дочь Анна. Если бы был мальчик, то главный в названии был бы ты, а поскольку дочь, то я главная, мое право». Чувства, охватившие меня в это время, изумительны и не поддаются объяснению. Как же так? Ведь не было ничего и вдруг – на тебе! Появился новый человек! Шел 1971 год.

Но это было осенью, 20 октября. А в мае этого года я впервые посетил р. Сить, известную по битве 1238 г., куда великий князь Юрий Всеволодович бежал из Владимира, «был изъехан беззаконным Бурундаем», и погиб бесславно. Тогда я еще надеялся найти там какие-то остатки укреплений, которые князь Юрий якобы строил, как об этом писал Ян в красочном повествовании о Батыевом нашествии. В разведывательной поездке участвовал Боря Фоломеев с группой своих школьников. Никаких укреплений мы не увидели, но нашли селище и раскопали несколько курганов у д. Михалево. Признаться, тогда я еще слабо владел материалом для таких разысканий. Последующие поездки на р. Сить и изучение летописных известий о событиях того времени убедили меня в том, что Юрий Всеволодович никаких укреплений построить там не мог, не успевал. Впоследствии мои изыскания и размышления отразились в приличной, по моему убеждению, статье о нашествии Батя, которую мне удалось опубликовать (Вопросы истории. 2012. № 10).

В июле Д.А. раскапывал курганный могильник абашевской культуры у ручья Кухмарь на Плещееве озере. Мне представилась тогда возможность попытаться найти погребения славянского могильника в пос. Купанское. Отдельные погребения здесь в 1965 г. в известной эпопее с Кузой и Воскресенским исследовал А.Л. Никитин, посчитавший их грунтовыми, т.е. бескурганными. Мне же хотелось найти остатки этого могильника на противоположном, левом берегу ручья, впадающего в долину р. Векса. Раскопки я мог начать только после завершения работы Е.Н. Ерофеевой на стоянке у ручья Куротень. Побывав у нее на раскопе, я обнаружил полнейший застой. Бывшая тут в качестве рабочего Алла обратила мое внимание на живописную группу в центре, увлеченно беседующую об искусстве. Вся команда при этом с разинутым ртом вникает их откровениям, опершись на лопаты. Начальница Елена Николаевна углубленно занимается своим любимым делом, чистит стенки раскопа и ни на что не обращает внимания. Пришлось укротить краснобаев и заставить всех работать успешнее. А зачинщицей высокоумных разговоров об изящном искусстве была Наталья Кашинцева, якобы искусствоведа по специальности. Ее нам в экспедицию рекомендовала Марина Бухтеева как свою подругу.

Предполагаемый могильник в Купанском располагался среди бараков и хозяйственных сараев поселка. Пытаюсь быть вежливым и предупредительным с опытной Еленой Николаевной и предлагаю провести поисковую траншею. Так или так? Соглашаюсь с ней и делаю наоборот, по-своему. Она пытается возражать: «Так мы можем и просмотреть. Вот Кирилл Алексеевич, он ведь настоящий археолог, а все-таки просмотрел могилу в Кочкинском могильнике». Ах, ты, думаю, ну ладно. За настоящего и не настоящего археолога мне довелось отомстить ей, вовсе даже не помышляя об этом. В 1975 г. мы раскапывали курганы у д. Заморино под Ярославлем. Елена Николаевна расчищала могилы, делала чертежи планов и профилей курганов и погребений. Подошел к законченному исследованию кургану. Костяк уже убран.

– Елена Николаевна, вы тут все сделали? План, фото?

Потянул ниточку корешка на дне могилы.

– Тогда нанесите, пожалуйста, на план дополнительно эту бляшку с фрагментом кожаного пояса, а еще вот эту бусинку и эту бусинку.

На раскоп в Купанском сбежалась толпа народа. Пока Елена Николаевна увлеченно чистила стенки траншеи, стерильность которых в чистом дюнном песке видна невооруженным глазом, я копался в бесформенном подозрительном пятне. Алла сверху:

– Ты чего там нюхаешь?

– Не пойму. Или я копаюсь в старом отхожем месте, или же наносит от рядом расположенной так называемой уборной, типичной в барачных поселках. Нет, все-таки могильная яма, но сильно нарушенная неглубокими ямами с отходами от строительства поселка. Елена Николаевна начинает расчищать погребение, бормочет: «Женское, богатое». В толпе ропот: «Богатую, богатую нашли!» Я показываю и даю им пощупать бусы: «Смотрите – стекло. Золота тут только блеск». Не верят. По слухам, все остались в убеждении, что мы накопили там кучу золота, но как-то скрыли его от глаз народа.

А толпа все наседала, и я с трудом пробирался к раскопу, чтобы описать погребение. А Наталья Кашинцева еще и мечется всюду, усугубляя сумятицу. Начинаю раздражаться:

– Наталья (забыл отчество). Где ваше место?

А она томно:

– Константин Иванович, подайте мне лопатку.

Неуместное кокетство выводит меня из терпения:

– Здесь никто никому ничего не подает. Все берут сами. Иначе остаются голодными.

Вид легко одетой по случаю жары Кашинцевой с ниспадающими на глаза космами прямых волос вызывает явное неодобрение публики. Особенно негодует одна старуха:

– Страхуила, страхуила, тьфу!

И к Алле (кстати, тоже в шортах):

– Ну, вот вы тоже женщина, но ведь вполне порядочная, а эта – страхуила, а туда же! Тьфу!

В Калининской области Д.А. проехался в краткий разведывательный вояж, а нас с Кольцовым оставил раскапывать Соболевскую стоянку и 2-й Пекуновский курганный могильник. В связи с последним снова возникла М.В. Фехнер. Теперь она натравила на меня свою коллегу А.В. Успенскую. Эта заявила, что Пекуновский могильник она уже раскапывала, и я нарушил ее приоритет.

– Где? Вы раскапывали 1-й могильник, а я – 2-й.

– Это одно и то же.

– Ничего подобного. 1-й был известен в 70-х годах 19 в., а 2-й открыл О.Н. Бадер в 1932 г., и расстояние между ними не менее 0,5 км (при измерении рулеткой 480 м), большей частью занятое селищем того же времени. Изворачивается:

– Я и там тогда копала.

– Где? В вашем отчете об этом ничего нет.

– Я не записала, но все равно копала.

– Тогда вы достойны наказания.

В ОПИ (Отдел полевых исследований) добрейшие Лидия Алексеевна и Нина Константиновна меня уговаривают, а Успенскую обещают наказать.

Я разозлился:

– Да провалитесь вы все.

1972 год запомнился небывалой жарой. Но в благоприятном мае я вновь побывал на Сити, где нашел еще одно славянское селище с признаками пожара, раскопал несколько курганов у д. Себельская и открыл городище дьякова типа, никак с укреплениями стана князя Юрия 1238 г. не связанное. В июле Д.А. разместил нас в школе с. Караш, стоявшей у въезда в село на взгорке, на самом припеке. Жара, духота, тучи мух. Жара не помешала Д.А. открыть новую неолитическую культуру, более раннюю, чем считавшаяся прежде льяловская. Приехал Никита Александрович Хотинский и

сообщил, что на Ивановском торфянике были найдены кремневые изделия, по всем признакам мезолитические. На месте находок организовали раскоп, и в комплексе с мезолитическим кремнем оказалась не совсем обычная керамика. Предварительно для разведки места раскопок посылались Лева Кольцов и Боря Фоломеев. Возвратились они, покрытые слоем торфяной пыли, ни китайцы, ни негритята, коричневые. Лев пожаловался на голод.

– Почему? Вам же были даны на перекус вареные яйца.

– Да! Ты их сварил всмятку, а где у нас ложечки, чтобы их съесть?

– Может вам еще серебряные стаканчики на блюдечках с голубой каемочкой для подставки?

А Боря пожаловался на живот, наверно, от яиц. Они оказались с тухлинкой. Крайнов:

– Вот это врешь. Тухлые яйца, если хочешь знать, другие люди употребляют за деликатес!

К переезду в Ивановскую область, где обычно тоже устраивались при школе, изнуренный жарой Д.А. взмолился: «Константин Иванович! Найдите, пожалуйста, местечко для лагеря не в школе». Съездили с Сашей Уткиным и облюбовали место на опушке березового леса. Место полюбилось ему и стало постоянным для базирования экспедиции. Здесь тоже пересмотрели прежние раскопы и выделили слой с керамикой и кремневыми орудиями мезолитического облика. На этом основании в сопоставлении с другими материалами, открытыми в зоне работы экспедиции, была выделена новая культура, названная верхневолжской. В Калининской области снова Пекуново. Нашел следы работы А.В. Успенской. Все-таки дали ей открытый лист, влезла, раскопала 20 курганов и тем нарушила цельность исследования памятника. С тех пор у меня не лежит душа к публикации материалов этого могильника

В 1973 г. мне выпадал шанс организовать раскопки на территории средневекового кремля в г. Твери, поскольку город вхо-

дид в зону деятельности Верхневолжской экспедиции, в которой я был единственным представителем древнерусской археологии. Перспектива выглядела многообещающей: культурный слой толщиной не менее 5 м с горизонтом заводнения от глубины 2,5-3 м, способствующим сохранению органики. Раскопки предполагались в связи с расширением и строительством новых корпусов Медицинского института, занимавшего старое здание городской гимназии в центре города. Заказчиком и финансистом строительства выступало Министерство здравоохранения РСФСР, из скудного бюджета которого средства на раскопки не предусматривались, да их и не было. Предложение о строительстве на свободной территории не принималось, хотелось в центре. Но обойти закон о сохранении культурного наследия тоже не получается. В Тверь на совещание по столь щекотливому вопросу приехали В.А. Янин, А.Ф. Медведев и ваш покорный слуга. Со скрипом, но предварительная договоренность по организации раскопок была достигнута.

Я же испытывал серьезные затруднения с комплектованием команды, да и сам не обладал достаточным опытом руководства работами такого объема. Обратился к Б.А. Рыбакову. Он предложил А.В. Кузу. Я с радостью ухватился за это предложение. С таким человеком как Куза можно работать с полной надеждой на успех и без всяких опасений на какие бы ни было недоразумения. А между тем время к весне, а дело не движется, тормозят. Пытаюсь подключить прессу, по телефону связываюсь с Анатолием Аграновским из «либеральной» «Литературной газеты». Обещает содействовать. Еду в Тверь. В обкоме меня не принимают, 3-й секретарь обкома некто Смирнов без обиняков заявляет: «Раскопок не будет». Как, почему? Удрученный столь решительным отказом, бреду по городу и натываюсь на А.Л. Никитина собственной персоной. Знает, почуял жареное. Предлагаю по его вхожести в околосредствительные круги осветить этот вопрос в прессе, в той же Литературной газете. А он мне:

– А сколько ты мне за это дашь?

– Знаешь, Андрей, писать я тоже умею, грамотный, и может не так цветисто, но смогу написать и сам.

Растерялся: «Ой, Костя, какой ты толстый». Вот уж в этом никогда грешен не был.

Прояснилось все просто. Накануне здесь побывал пред. Совмина РСФСР Соломенцев. Зазвал его 1-й секретарь обкома Коротков или по доброй воле занесло его сюда? Конечно, высокого гостя встретили с полным радушием. Нектар благородных напитков размягчил их высокоумные головы и в благодушии они порешили – денег на такую чепуху, как археологические исследования столицы крупнейшего княжества Руси, не давать. Б.А. Рыбаков приказал Кузе добиваться приема у Кочемасова, заместителя пред. Совмина РСФСР, т.е. того же Соломенцева, а по совместительству председателя Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Несколько дней проторчал Андрей Васильевич в приемной Кочемасова, но дальше приемной не прошел.

Полевой сезон сломан. В оставшееся время решаю более подробно разведать берега оз. Плещеево. Хотелось уточнить расположение и топографическую привязку курганов, раскопки которых в 1853 г. проводил П.С. Савельев, продолживший исследования А.С. Уварова на Владимирщине. Была также надежда отыскать славянские селища при курганных могильниках. Оказалось, многие могильники со следами раскопанных курганов сохранились и локализуются безошибочно. Тогда же при них были найдены и первые селища, в частности селище у с. Городище при могильнике из 612 курганов. В 1977 г. по моему следу сюда на горячее устремился из Питера И.В. Дубов. На пару с В.А. Лапшиным они заявили о сенсационном открытии летописного города Клещина. Было бы чего открывать. Городище Клещино с хорошо сохранившимися валами и сейчас стоит на своем месте по соседству с вышеупомянутым селищем, которое питерские коллеги объявили древним Клещением.

Сам И.В. Дубов никогда ничего не открыл. Селище у д. Тимерево, которое он раскапывал с большой помпой, открыла М.В. Фехнер, и у них по этому поводу были разборки. Его сопка у д. Петровское на противоположном от известного могильника берегу р. Шатерки оказалась насыпью под ротонду в саду помещицкой усадьбы. Еще большим блефом были и курганы у дд. Сабельницы и Старое Петраково. Первые оказались кучками отвалов от прокопанной дренажной канавы, вторые – холмиками с западиной в центре, образовавшимися на местах исчезнувших деревенских домов. Характерным для И.В. Дубова были и раскопки в 1973 и 1976 гг. без всякого согласования открытых мной ранее курганов у д. Заморино, на редкость для него неудачных. Не избежал искушения приобщиться к лаврам первооткрывателя и уважаемый В.А. Лапшин, заявив о находке якобы утерянных дневников А.С. Уварова о раскопках курганов за 1851–1852 гг. Они в полном порядке хранятся в ОПИ ГИМ, фонд А.С. Уварова. Дневники просматривали и делали выписки Е.И. Горюнова, В.П. Глазов и ваш покорный слуга задолго до В.А. Лапшина, но никому из них и в голову не пришло заявить об этом как об открытии.

В сентябре мы, как всегда, поехали в Калининскую область всем составом экспедиции. Крайнов задерживался, и в ожидании его приезда мы остановились в кемпинге, располагавшемся на левобережье Волги. При базовом капитальном строении там были приспособлены своеобразные постройки в виде шалашей-полуземлянок на два места, и мы разместились в них вполне уютно. Скуку в ожидании приезда начальника помогла скрасить припасенная кем-то бутылка. Как и всегда, этого не хватило. Добыть еще одну бутылку можно было только в местном ресторане. Однако там на вынос не отпускали, а для похода в ресторан у нас не было ни средств, ни внешнего вида. Самым молодым в команде был Миша Жилин, Мишаня, его и снарядили в поход, снабдив необходимой суммой, довольно ограниченной. Патлатый, наряженный под хиппи, Мишаня пристал к официанткам со своим американским прононсом:

– One bottle vodka.

Они гонят его прочь, а он все свое:

– One bottle.

Настойчивость просителя побеждает и официантки сдаются.

– Ладно, дай ему, пусть отвяжется.

Дали. Расплатился ровно тем, что мы ему дали.

– Сдачи?

– Но, по.

Мишаню догнали, отловили, вложили ему в ладонь и вернули в кулак 13 копеек сдачи. Уходя, он слышит:

– Мы иностранцев не обманываем.

Начало обследования округа озера Плещеево в научном плане оказалось многообещающим, и я начал разрабатывать тему по истории населения в этом регионе в 10–13 вв. Развивалась наука, развивалась и наша семейная жизнь. Квартира, где я поселился у Аллы Израилевны, была прелестный уголок. Это была отдельная комната в 13 кв. м, выделенная из малогабаритной двухкомнатной квартиры в 5-этажном панельном доме одной из ранних «хрущевских» серий. Место для детской кроватки нашлось. Отношения с соседкой Лидией Георгиевной и ее сыном Колей были нормальные. С появлением у нас Анны у них тоже появился новый житель, кот Дымок. Соседка обижалась, что кот отзывался на мое слово «паразит», и я не мог убедить ее, что он вполне понимает дружеский тон обращения, а на смысл слова ему махнуть лапой. И Анна вслед за ней гладила кота и приговаривала: «Дымок, Дымок, но он не палазит, он Дымок Стлагин».

По ходу дела пришлось постигать науку по уходу за ребенком. Поначалу, пока мама могла сидеть дома, это было не очень трудно. Трудности возникали с кормлением. Голодный ребенок требовал грудь немедленно, но сразу не получалось, и ребенок начинал орать. Пока мама судорожно готовила грудь, я качал дочь на руках и успокаивал:

Припадками болезни женской
Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний.
А хладный между тем Зоил
Ей Каченовский застудил
Теченье месячных изданий.

Или:

Но ты губерния Псковская,
Теплица юных дней моих.
Что может быть, страна пустая,
Несносней барышень твоих?
Меж ими нет, замечу кстати,
Ни тонкой вежливости знати,
Ни ветрености милых шлях.
Я, уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Пороки, зуб нечистоту,
И непристойность, и жеманство.
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет?

Ребенок прислушивался, помалу замолкал, а я подбадривал: «Сейчас мы их гвозданем! Мы их гвозданем!» Нелепые словеса были усвоены, и уже начавшая говорить дочь, выходя на кухню, обращалась ко мне с победным видом: «Мы их гизданем!»

По окончании декретного отпуска матери приходилось устраиваться по-новому. У нас оказалась счастливая возможность на день отправлять Анну к родителям Аллы. Не говоря даже о доброжелательной и любезной бабушке Татьяне Ивановне, к внучке очень хорошо относился и дед, вообще, по моим наблюдениям, детей не любивший – бывает такая категория людей. Они тогда, после расселения из коммуналки, получили хорошую одноком-

натную квартиру и могли обходиться без излишних помех. У них Анна была счастлива. Но вот ей уже и 3 года. По закону и по обстоятельствам надо определять ее в детский сад. Детсад от ведомства Академии Наук находился в доме на углу улиц Вавилова и Дм. Ульянова. Это недалеко от нас, но как-то обстановка нам не очень понравилась. К тому же Анна очень плохо ела и, вероятно, там голодала, да еще была диковата и плохо, с трудом сходилась со сверстниками.

Особенно тяжело на ней отразился отрыв от мамы с папой, когда детский сад вывезли летом на загородную дачу. В первое же посещение мы с Аллой увидели, что дальше здесь оставлять ребенка нельзя и срочно забрали ее с собой. Когда она снова прильнула к маме, стало понятно, сколько же она здесь претерпела. На даче в Красково, где бабушка с дедушкой снимали помещение, а к ним пристроились и мы, она быстро пришла в норму. Обрадовалась появившейся на небе полной луне: «Луна! Ха-ха-ха!»

«Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –

Значит – это кому-нибудь нужно?

Значит – кто-то хочет, чтобы они были?»

По четвертому году дочь уже можно было оставить на лето в деревне у моих родителей, и она пребывала там вполне благополучно. В хозяйстве еще была корова и несколько овец. Скотину пасли по очереди. Отец был уже слаб, и очередь приходилось отбывать матери. Анна прибегала на луг к бабушке: «Бабушка! Мы дедушкины щи ели, он лучше твоих сварил». Это отец ее так уговаривал, и у него она не капризничала, как у бабушки: «Не хочу! Не буду!» Вечером она бежала с ломтиками хлеба в руках встречать своих овец. В тесном гурте она возвышалась над ними только своей головкой. И овцы ее знали, так же как и она своих овец, а Алла всегда удивлялась, как она может узнавать овец «в лицо»? Для бабушки было проблемой к вечеру изловить очередного цыпленка для лапши или щей на завтра,

и она всегда вслух досадовала на цыплячью увертливость. Однажды Анне в беготне туда-сюда довелось прихлопнуть одного цыпленка калиткой. Бежит: «Бабушка! Вот как их ловить надо! Калиткой!» К великому сожалению, бабушка через год умер, и она его не запомнила.

Наконец разрешился и наш квартирный вопрос. Алле по работе в ведомственной железнодорожной больнице № 3 была выделена 2-комнатная квартира. Переехали на Прибрежный проезд. Окраина, начало канала Москва – Волга против г. Химки, но для нас место достаточно удобное во многих отношениях. Благополучно разрешился вопрос и с детским садом. Близко и очень порядочные, доброжелательные без претензий воспитательницы. Один раз только одна из них рассказала мне о раздоре с моей Анной, как о курьезном случае. Дитя проявило строптивость по каким-то пустякам.

- Да я никак с ней не справлюсь! Перечит во всем.
- Тебя отец ставил в угол?
- Нет! А у нас нет углов, у нас все комнаты круглые!
- Правда что ли, что у вас комнаты круглые?

А сама живет в этом же доме.

В 70-е годы была принята государственная программа по подготовке и изданию «Сводов памятников истории и культуры» всего корпуса историко-культурного наследия России. Каждый выпуск должен был включать в себя отдельную область России. Ответственным за археологический раздел «Свода» был определен наш Институт. Общая компоновка «Сводов» (сведение в один блок памятников исторических, архитектурно-художественных, археологических) возлагалась на Институт искусствознания. По замыслу разработчиков, «Свод» должны были издаваться в роскошном типографском оформлении: богатые переплеты с золотым обрезом, высокохудожественные иллюстрации и т.п. Вспоминается забавный эпизод. Случайно за отсутствием нашего начальника отдела мне довелось присут-

ствовать на совещании по «Своду» в Министерстве культуры СССР. Помню фамилию тогдашнего министра – Иванов. Встал вопрос о формировании редакционной коллегии. Единодушно они включили в коллегию себя любимых во главе с министром и академиком Рыбаковым где-то на задворках. Но тут кто-то спохватился: «Постой! А кто же работать будет?»

Для подготовки археологического раздела этого издания в Институте археологии и был создан Сектор сводов, куда я и был определен. Сотрудниками сектора были написаны научно-справочные статьи по памятникам археологии нескольких областей и вводные статьи к ним в полном объеме для планируемых «Сводов». Можно было приступить к их изданию. За это дело бралось издательство «Советская энциклопедия», но издательство «Наука» отстояло свой приоритет. Под этот проект оно получило новое дорогое оборудование, высококачественную бумагу и стало всячески тянуть и тормозить. Поистине, как русские князья при нежелании идти в совместный поход старались отделаться показухой – «идучи не идячу». Главным «кунктатором» в археологической части сделали редактора Стоянова. Владелец степени кандидата наук, а поэтому, по мнению издательства, «ученый много муж», Стоянов был узким специалистом. В русской археологии в широком смысле он был в лучшем случае дилетантом. Приходилось оспаривать очевидное: «Вы хоть в энциклопедии посмотрите, что есть эра, период, эпоха в геологической хронологии, не заставляйте нас называть ледниковые периоды эпохами или употреблять другие выдуманные термины». И на этом уровне эрудиции редактора вся наша работа регулярно отвергалась как негодная.

Вскоре мы стали работать в более комфортабельных условиях. По какому-то случаю Институту было выделено целое здание по ул. Кржижановского 14, куда нас и перевели из подвала на ул. Гарибальди. Там располагались и другие организации, но и мы получили по кабинету на двоих.

Руководителем нашего сектора был Валентин Васильевич Седов. Увлеченный собственными научными интересами, он мало обращал внимания на проблемы отдела. Не особенно вникая в суть наших разногласий с редакцией издательства, он целиком шел на поводу у Стоянова и во всем с ним соглашался. Мы же в его глазах оказывались профессионально несостоятельными. Тяжелое давление пришлось испытать Саше Кашкину, особенно тяжелое еще и потому, что его «Свод» по Брянской области готовился к изданию одним из первых. Загнанный в угол, Саша стал подыскивать себе другую работу. Значительно смягчил ситуацию Андрей Евгеньевич Леонтьев. Он пригласил Кашкина на работу в свою Волго-Окскую экспедицию, и Саша несколько лет раскапывал поселение в прекрасном месте на берегу р. Волги. Это стало для него некоторой отдушиной в беспросветной работе над своим «Сводом».

Появился просвет и у нас в секторе. Не уверен, что вследствие моего разговора с директором, но, возможно, частью и поэтому. Я пошел за водой для чайника и в коридоре не сумел вернуться от встречи с Рыбаковым. В нашей чайной комнате мы оказались одни. Он попросил меня уплатить за него партвзнос за месяц. На поданной мной карточке перемножил свой доход на 13% и получил результат – 42 р. А у него 50 р. Сдачи у меня нет – наш партвзнос тогда был не более 2 р. Помешкал. Решил: «Ну ладно. Потом вернете». После спросил, почему мы недовольны своим начальником Седовым. Я ответил, что он не вникает по настоящему в нашу работу и не отстаивает интересы сектора. Он трус и боится противостоять начальству в защите интересов своих подчиненных.

– Как трус? Он же разведчиком был.

Противостоять противнику в бою или начальству в кабинете – большая разница. А потом, он не был разведчиком, который участвует в поиске в тылу противника для захвата языка или добычи разведанных. Он был артиллерийским разведчиком,

который сидит вместе с пехотой в первой траншее и с помощью стереотрубы или перископической буссоли засекает цели, выявленные наблюдением в расположении противника. По военной терминологии это называется артиллерийская инструментальная разведка, АИР.

Но это присказка. Сказка же заключалась в полном разладе работы сектора. Мы дружно восстали против своего начальника. В то время он был целиком увлечен большой научной темой по археологии и истории славянской этно-исторической общности и с головой ушел в ее разработку. Наша работа по Своду памятников истории и культуры России его не интересовала, и он шел на поводу издательства «Наука», которое под разными предложениями саботировало это издание. Наконец, дирекция Института прислушалась к нашему ропоту и приняла надлежащие меры.

Вместо Седова, назначенного зав. ОПИ, нам прислали Юрия Алексеевича Краснова. Нелюбимый директором, он был переведен в провальный и бесперспективный, по мнению Рыбакова, сектор. Но не на того напал. Правда, новое назначение Ю.А. Краснова совпало со временем полного развала всех системных связей государства, вскоре завершившегося его распадом и образованием самостоятельной Российской Федерации. Рухнули и наши надежды на издательство «Наука». Тогда Юрий Алексеевич с энтузиазмом поддержал идею Кашкина приступить к самостоятельному изданию. Так родилась серия «Археологическая карта России», которая продолжается и поныне. Первые два выпуска, по Калужской и Орловской областям, вышли по нашей бедности в сильно урезанном виде в 1992 г. Но – лиха беда начало! Дело пошло. Следующие два, кашкинский по Брянской области, а потом и мой по Ивановской области, вышли уже в приличном виде. За них и сейчас не стыдно. Типографское качество, о котором мечтали бывшие «культурные» начальники бывшего СССР, для нас недостижимо, но научное качество мы обеспечиваем вполне, и все последующие выпуски неуклонно улучшаются.

Сектор, вскоре переименованный в отдел, ожил, и в этом я вижу первейшую заслугу двух человек, Ю.А. Краснова и А.В. Кашкина, который возглавил отдел после безвременной кончины Юрия Алексеевича в 2000 г.

Начали проявляться и первые плоды моих усилий на научном фронте, определились научные темы, которыми можно было заняться вплотную и получить значимые результаты. Весьма плодотворным оказалось обследование разведками древнерусских памятников по берегам озера Плещеево. Сразу выявилась неполнота наших знаний по истории этого региона, противоречивость научных выводов и суждений в трудах разных археологов. Одной из таких спорных проблем была оценка степени достоверности результатов, полученных раскопками курганов в 1853 г. П.С. Савельевым и опубликованных в 1871 г. А.С. Уваровым. В науке прочно укоренилось негативное мнение А.А. Спицына об этих раскопках и о трудах А.С. Уварова по этим древностям в целом. Этого мнения безоговорочно, без попыток самостоятельного анализа, придерживалась Е.И. Горюнова, как и другие археологи.

Хотелось разобраться. Плещеево озеро в летописи называется одним из центров расселения финно-угорского племени меря. В археологической литературе содержатся ссылки на три или четыре могильника в здешней округе (Веськово, Городище, Криушкино). По дневникам П.С. Савельева и моими разведками было выявлено не менее двух десятков могильников. Только у с. Городище расположено семь территориально обособленных и отличающихся по обряду и хронологии могильников. Необходимо было обратиться к изучению архива А.С. Уварова. Его архив хранится в полном порядке в Отделе письменных источников ГИМ. В составе архива в полном объеме содержатся дневниковые записи о курганных раскопках 1851–1854 гг. Они сделаны в конторских книгах обычного формата. Дневники 1851 и 1852 гг. представляют собой подлинные собственноручные записи производителей раскопок (Медведев, Аляев и др.) и сохранились

в единственном экземпляре в ОПИ ГИМ. Дневники 1853 и 1854 гг. написаны писарским почерком в двух экземплярах для ОПИ ГИМ и Археологической комиссии – теперь архив ИИМК в Санкт-Петербурге. А.А. Спицын работал с экземпляром Археологической комиссии, откуда и возникло недоразумение об утрате дневников раскопок 1851 и 1852 гг. Попытки некоторых археологов, например В.А. Лапшина, приписать себе их открытие, не имеют смысла по определению. Вопреки оценке А.А. Спицына в дневниках достаточно подробно описаны результаты вскрытия курганов: высота, окружность, положение костяка, вещей при нем и сами вещи. Полнота описания, терминология несут на себе отпечаток уровня археологической науки периода ее становления: высота кургана измеряется от глубины залегания погребения, культурный слой называется насыпной землей, скандинавские фибулы с цепочками – курильницами, т.е. кадилами, вятичские височные кольца – скобками и т.п.

Не так безнадежно оказалось и состояние коллекции инвентаря из раскопок А.С. Уварова и П. С. Савельева, по словам А.А. Спицына и Е.И. Горюновой, представляющих собой бессистемную груду беспаспортных вещей, в которой невозможно разобраться. Хранитель Наталья Германовна Недошивина любезно предоставила мне полную возможность ознакомиться с коллекцией А.С. Уварова. Действительно, часть вещей депаспортизована. Прежние хранители пытались разобрать их по категориям: пряжки, височные кольца и т.п. Однако часть вещей, и довольно значительная, сохранилась в виде нашитых на планшеты комплексов с указанием могильников и номеров курганов. Мне беспрепятственно было дозволено сфотографировать всю коллекцию, что я и сделал с неважным, к сожалению, качеством. Работа по изучению коллекции и архива А.С. Уварова позволила составить некоторое представление об истории Плесеевского поозерья.

При обследовании этого региона привелось познакомиться с замечательным представителем старой переславльской интелли-

генции. Павел Иванович Логинов, школьный учитель с дореволюционным стажем, проживал в д. Скоморохово под присмотром одной пожилой женщины, уже старушки. Меня привело сюда указание ростовского краеведа А.А. Титова, что при этой деревне имеются «паны». Так во всей Ростовской округе называются курганы. В первое мое посещение я еще недостаточно владел литературой по археологии края. Местные жители направили меня к Павлу Ивановичу, и он сразу разрешил мои сомнения. Скоморохово по писцовым книгам 1629–1630 гг. значилась пустошью. В 1677 г. в ней «живут монастырские работники иноземцы польского полону вкладные». Они вполне могли быть смолянами, т.е. русскими, но поляками по подданству. И до сих пор все окрестное население называет их «панями». Павел Иванович показал себя человеком широких научных и общественных интересов, явно превосходивших уровень рядового школьного учителя. Обладая изумительной памятью, он очень интересно живописал события прошлого. Он был хорошо знаком с местным краеведом, директором Переславльского музея Михаилом Ивановичем Смирновым, в компании с ним и археологом А.А. Спицыным участвовал в некоторых археологических изысканиях, вел дружбу с замечательным писателем Михаилом Пришвиным. Между прочим Павел Иванович показал мне малоформатное фото небольшой горки, по его мнению, городища, которое они обнаружили в походах с Михаилом Ивановичем в 20-е годы за с. Купань. На этом месте я нашел карьер. В дневниках П.С. Савельева здесь отмечалось городище с «насыпной землей» на поверхности – таким термином он определял культурный слой на Александровой горе, городище Клещин и др. Павел Иванович хорошо знал творческие и семейные обстоятельства жизни Пришвина, высоко ценил его талант и в то же время имел основания отозваться о нем довольно нелестно. Когда, по его словам, Пришвин стал грешить доношением (сделался «доносцем»), переславльская интеллигенция от него отвернулась, и он примкнул к интеллигенции «второго

сорта» – таким, как я. Один эпизод в повести М.М. Пришвина «Родники Берендея» в деталях расходится с рассказом Павла Ивановича. Писатель описывает свое участие в археологической экспедиции, организованной М.И. Смирновым. Экспедиция на трех лодках проследовала через Плещеево озеро и р. Векса на озеро Сомино. В ее составе неожиданно для Пришвина оказался известный археолог Александр Андреевич Спицын, «профессор» по его терминологии. Раскапывалось какое-то погребение (в кургане или жальнике) близ д. Хмельники, по П.И. Логинову в урочище Торговище на оз. Сомино. Михаил Михайлович недоволен, что археолог-профессор упорно продолжает раскапывать курган, исследует местность. «Мы, голодные, грязные, совершенно усталые, перестали верить даже, что это – курган. Михаил Иванович, бледный, сидит на пне у сосны.

– О чем вы думаете, Михаил Иванович?

– Я думаю, – отвечает он, – выдержит ли Сонюшка экзамен в Вхутемас?

Павел Иванович рассказывал иначе. Раскопки прервал дождь, и они отошли под елку. При общем молчании озабоченность судьбой своей дочери выразил сам Пришвин, но не Михаил Иванович. Рассказчик передавал это с насмешливо-язвительной улыбкой: писателя занимали интересы отнюдь не научные, а глубоко личные. Это подтверждает и сам Пришвин: «И мы вместе с ним (Михаилом Ивановичем) потихоньку думаем, как бы нам оттянуть неутомимого профессора от кургана, поскорее бы попасть в избу к Павлу, поесть бы, чаю попить и потом бы на сеновал» (М.И. Пришвин. Родники Берендея). Ну, Михаила Ивановича тут он записывает в свои союзники зря, не такой был человек.

В ходе моей работы по изучению археологических памятников на Плещеевом озере произошло некоторое столкновение с Б.А. Рыбаковым. Виновником тут был не я, а Андрей Васильевич Куза. На секторе он делал доклад по плановой, частью навязанной ему Рыбаковым, теме о малых городах Киевской Руси. Рыба-

ков корректно и не очень, всячески на него давил. У меня с собой оказался лист ватмана с планом археологических объектов на восточном и северо-восточном побережье Плещеева озера, где расположено и Клешино городище. По городу Клещину у меня уже сложилась определенная концепция, и я выступил в защиту Кузы, показывая на плане, что мои данные согласуются с его выводами и подтверждают их. Как он на меня!

– А что конкретно? Масштаба нет!

Показываю внизу справа.

– А!

В общем, Куза, а заодно и я с ним, потерпел полное поражение. Разгоряченные выскакиваем в коридор. Куза в возбуждении размахивает руками. Мне бы промолчать, но тут шило в бок – ну и пошло! Я тоже возмущен, но не так активно, и Додя Беленькая ко мне сочувственно: «Да мы все видели. Только ты и сказал дело».

Это было в 1978 г. Осенью того же года я сделал доклад на секторе «Об истории населения побережья Плещеева озера 10-13 вв.». После доклада Куза подскочил ко мне в коридоре: «Чего ты смотришь? У тебя же кандидатская». Я согласился, материала для кандидатской было вполне достаточно, но хотелось подкрепить территориальную связь открытых мной селищ с курганными могильниками связью хронологической, вещественной. Нужны были контрольные раскопки на двух-трех объектах, в сущности небольшие по объему. Но тут я полностью зависел от Крайнова. Лева Кольцов предупредил меня, что по таким вопросам с ним надо разговаривать при свидетелях и сам вызвался при сем присутствовать. Д.А. с энтузиазмом обещал всячески мне содействовать.

В это же время, т.е. в 1979 г., в нашем отделе мне была поручена тема «Археологическая карта Костромской области». Работа была связана с полевой разведкой и обследованием археологических памятников. В Костроме у меня почти сразу установились хорошие связи и взаимопонимание с областным краеведческим музеем, размещавшемся в то время в Ипатьевском монастыре. От музея

для работы в моем разведывательном отряде постоянно отпускали сотрудниц, Гусеву Светлану Михайловну и Виноградову Светлану Геннадиевну. По классификации нашей дочери Анны первая называлась Света № 2, а Виноградова – Света № 1. Михайловна по ряду обстоятельств бывала в нашей экспедиции периодически. Несколько позже она стала зам. директора музея по науке. Геннадиевна работала с нами постоянно и, кроме всего прочего, исполняла кухонные обязанности. Для отряда из пяти-шести душ не очень и обременительно, но все равно хлопотно. Выручала портативная газовая плита на две конфорки, купленная нами в первый же выезд в поле, и постоянный запас воды во фляге.

Иногда приготовлением еды занималась Алла Израилевна, всегда выезжавшая с нами во время своего отпуска. Раздавая пищу, она ориентировалась на аппетит и потребительские способности едока и всегда приговаривала, особо не вдаваясь в двусмысленность выражения: «Следите за рукой». В первый же сезон в семилетнем возрасте состоялся и выезд в экспедицию нашей Анны. Здесь и родилась известная поговорка. Остановились мы на высоком берегу Волги. Был ветреный и прохладный майский день. Мама зовет: «Доченька, иди обедать». Нахохлившийся ребенок с засунутыми в карманы курточки ручонками отвечает: «У вас пообедаешь!» С тех пор и пошло. И по любым поводам.

Номинально я оставался еще у Д.А. сподручным. Во всяком случае все экспедиционное имущество и обеспечение лежало на мне. После разведки в своей области приехали мы в его экспедицию с надеждой на обещанные разведочные раскопки на Плещеевом озере. Сам он собирался провести раскопки на Берендеевом болоте. Откуда-то он услышал, что в прошлом году Микляев нашел здесь бумеранг, и загорелся идеей самому найти что-нибудь необыкновенное. В Берендееве обосновались в школе, а в делах все стало происходить так, как я и предвидел. Д.А. стал суетно рыскать по болоту в надежде на призрачную удачу. Мы с Кольцовым (ему он тоже обещал собственные раскопки мезолитической стоянки) из-

нывали от безделья и неопределенности. Между тем Д.А. попросил у шофера паяльную лампу для приготовления чая на раскопе. Тот ответил, что паяльная лампа на торфяном болоте, да в неумелых руках – вещь опасная. Сгорите. А вот есть у нас портативная газовая плита, ее и возьмите. А по моим раскопкам Д.А. все обещает:

– Я потом тебе всех отдам.

– Когда потом? Мне же надо хотя бы в одном месте слой в 0,5 м разобрать по порядку, а не котлован вырыть.

Между тем машина отправляется в Москву. Надо привезти в экспедицию жену Д.А., Марию Свет Борисовну. А она женщина не без амбиций, не всегда основательных. Правда, у меня с ней сложились отношения вполне лояльные, но я не очень оболящался видимым дружелюбием. Женщина археолог – это одно, а жена археолога – совсем другая разница и очень большая, как говорят в Одессе. При ней он делается другой, а она исподволь (на это у нее хватало ума) начинает верховодить. А я этого не люблю. И вот приезжают. А с ней Алла, да еще с племянницей Танькой в придачу. Ей обязательно надо кого-то прихватить с собой, облагодетельствовать. Возмущаюсь:

– Зачем приехала?

А Мария Борисовна:

– Константин Иванович! Как же вы так нелюбезно жену встречаете?

У меня же заноза – оказываюсь как бы на привязи. Надо сказать, что зная увлекающийся характер Крайнова, я предвидел такую ситуацию и предупреждал жену ни в коем случае не приезжать до моего разрешения.

Наконец Д.А. собирает нас на «совещание». Присутствуют Лев Кольцов, Юрий Цетлин и, конечно, Мария Борисовна. Кольцову проще. Его объект на том же болоте, а мой в 20-25 км на оз. Плещеево. Но надо же выделять людей на эти объекты, что неизбежно уменьшает вероятность находки «бумеранга». Придумал: «Константин Иванович, я не могу вас отпустить. У меня

есть плита для приготовления пищи, а у вас такой нет. А за людей отвечаю я». Он забыл, как прежде готовили на костре, а газовую плиту и примитивные печи с чугунными плитами в экспедиции обустроил я. До этого у него самого кроме костра сроду ничего не было. Тогда Отдел новостроек организовал крупные экспедиции в беслесных регионах Юга России по исследованию памятников, подвергавшихся уничтожению мелиоративными работами. Для них Институт приобрел партию газовых плит с принадлежностями. Распределение плит было строго лимитировано, но я добыл такую плиту и для Верхневолжской экспедиции Д.А. Крайнова. Либеров у меня спрашивал, как это мне удалось обойти его и, по его мнению, незаконно, получить дефицитную вещь. Я ответил:

– Петр Дмитриевич! Я десять лет прослужил в хозяйстве кладовщиком, и для меня никакого труда не составило умыкнуть у вас одну плиту.

Засмеялся:

– Да, это, конечно.

А эту портативную плиту я купил в Костроме на свои деньги для своего отряда. Но не мог же я связаться в нелепую распрю из-за пустяка. Предвидя такой оборот дела, я наказал шоферу перед отъездом в Москву за Марией Борисовной попросить у «деда» (нач. колонны экспедиционной автобазы Алексея Дмитриевича Левакова) какую-нибудь плиту из его заначек. Поэтому я ответил, что у меня тоже есть.

– Да!? А где вы взяли? (Его любимый вопрос.)

И тут Мария Борисовна с поджатыми губами:

– Вот она, забота о людях! Человеческая благодарность!

Все во мне взорвалось. До этого разговор шел в довольно спокойных тонах, и я был готов к любому обороту. Но – Баба! Встревать в стратегические планы великих археологов! Я резко встал, хлопнул дверью и выскочил на волю.

Кажется, возмущению моему не было предела. Я метался по двору и не находил себе места. Вышел Лева и стал меня успокаивать.

вать. Потом к нему присоединился Юрий Борисович. Пришла и жена. Все бесполезно. Откуда-то появилась бутылка какого-то вина, и мы распили ее, устроившись на какой-то клумбе перед школой. Постепенно я начал приходить в себя, и мы пошли на покой. При проходе по коридору из двери высунулись Д.А. с женой и проводили нас взглядом следователей из службы Берии. Утром Д.А. вызывает нас слевой (в отсутствии Марии Борисовны) и с напряжением в голосе выдает свое решение: Леве – Левино, мне – мое, четыре человека с Аллой и ее племянницей в придачу на отруб. Не будь тут Аллы, я наверно бы не согласился. Бог с ними с раскопками. Моя работа и без них была вполне добротной. Раскопки только лишний раз подтвердили данные моих разведок. Исследование одного раскопанного колодцем кургана П.С. Савельевым также подтвердило мою догадку, что погребения в этих курганах нельзя относить к обряду кремации. Обряд кремации в дневниках П.С. Савельева описывается в терминах «жженные кости и угли» или «жженные кости». Только «жженные угли» означают остатки ритуальных кострищ, сохранившихся и при обряде ингумации.

В 1982 г. работа по истории населения побережья Плещеева озера в 10–13 вв. была написана и отпечатана мной одним пальцем на машинке. Главная трудность была в подготовке иллюстративного материала. С выделением инвентаря по отдельным могильникам и определенным комплексам мне удалось справиться вопреки безнадежной оценке проблемы А.А. Спицыным и Е.И. Горюновой. Но изготовить качественные рисунки вещей самостоятельно я не мог, а оплатить услуги подходящего художника мне было нечем. С горем пополам удалось скомпоновать и таблицы на вполне приемлемом уровне. Неожиданно появилась возможность публикации. К сороковой годовщине дня Победы нам разрешили подготовить сборник трудов ветеранов войны. Из лимита Института дирекция выделила для сборника достаточный объем печатных листов. Но бог располагает... Зам. директора по

науке в то время оказался зачем-то приглашенный Рыбаковым В.П. Шилов, человек неверный и двуличный. Он нас и кинул, как говорится в новое время, отдал втихаря наш листаж кому-то из своих протеже из Казахстана. А перед нами лебезил: «Я вам в препринте сколько угодно». Но это совершенно другое, несравнимо низкое типографское качество. И по объему состав сборника в один препринтный выпуск не входит. Редактор сборника В.И. Марковин хотел поместить мою статью в 1-й выпуск. В это время я был в экспедиции в Костромской области, узнал об этом по телефону от жены. Времени для переделки статьи для издания в препринте, в особенности иллюстративного материала в другом формате, у меня не было. Вышел 1-й выпуск в виде хленькой брошюрки, и на том все заглохло. Попытка поместить работу в сборнике, который готовился в Славяно-русском секторе, встретила глухое неприятие со стороны С.А. Плетневой. Это был не первый и не единственный случай отказа в принятии моих материалов для публикации в секторальных изданиях. Мне до сих пор не понятно негативное отношение С.А. Плетневой к моей особе, никаких объективных оснований для этого я не вижу, тем более из-за какой-либо неприязни к ней с моей стороны. Косвенное влияние Рыбакова?

Вообще-то академик с самого начала с явным недоверием оценивал мои возможности в научной деятельности, в особенности из-за моего преклонного возраста. Мне шел пятый десяток лет. Он придумал возложить на меня обязанности нач. штаба гражданской обороны Института. Это была организация всесоюзного значения. Во главе стоял увенчанный маршалским званием прославленный военачальник, Василий Иванович Чуйков. Ниже шли областные, городские, районные и прочие штабы во главе с отставными военными разных рангов и званий. По моему глубокому убеждению, Гражданская оборона того времени была скорее бумажная, чем действенная организация. На каждый год составлялись планы гражданской обороны с корректировкой по

кварталам. Я тоже составлял, и это отнимало значительное время. Они были сложны, обширны, объемом в пять-семь машинописных листов формата А-3, с множеством граф и подразделов. Выручал навык, приобретенный на армейской службе в должности писаря секретной части 46-го топографического отряда в 1948–1950 гг. С этим я выкручивался, хотя наши машинистки не раз поминали меня недобрый словом. В целом я относился к этой гражданской обороне спустя рукава. На моей ответственности было некоторое имущество, противогазы, аптечки и еще что-то. Все это хранилось в цокольном помещении под вестибюлем здания, в одном углу которого за стеллажом был «кабинет» В.И. Цалкина. Аптечки в пластмассовых футлярах вроде портсигара находились на полке за фанерной дверцей вместе с лотками археологических коллекций. Заявившийся откуда-то проверяющий пришел в ужас: «Ну, все пропало!» Я сразу не понял. Оказалось, в аптечках были ампулы с понтаноном, которыми можно было сделать себе укол, чтобы помирать при атомном поражении более или менее безболезненно. Наркотик! По опыту проверяющий был уверен – разворовали. У нас же никто не обратил на это внимания, чему он был несказанно удивлен.

Были и другие напасти. Районные штабы проводили еженедельные занятия «по гражданской обороне», которые я обязан был посещать неукоснительно. На занятиях шли нудные разглагольствования об атомной бомбе, ее поражающем действии и прочих ужасах. Изредка я ходил туда, но не хочу вдаваться в подробности из-за бессмысленности всей этой затеи. Большею же частью я «прогуливал». Районный штаб неизменно сообщал в Институт специальной бумажкой о моем «не хождении в классы». Директор, естественно, был недоволен, и это отразилось на явно отрицательном отношении ко мне с его стороны. Это мне стало особенно ясно после по одной реплике Д.А. Крайнова. А тогда я предлагал взять на эту должность совместно с Институтом этнографии отставного майора, и никто нас более тревожить не будет. Сие предложение Борис Александро-

вич отверг и назначил нач. штаба Серезу Ширинского. Для успешной работы Сергей Сергеевич был освобожден от своей научной темы. Обрадовался он? Тогда наверно да. А я сказал Рыбакову:

– Ну, вот и вышло, как я говорил.

Рыбаков недовольно:

– Это вы что, на Ширинского намекаете?

– Да хотя бы.

И тут же прикусил язык. Сам не люблю на кого-то ссылаться в свое оправдание. Но с меня-то тему не снимали. Ширинский и Куза появились в Институте сразу после окончания МГУ вместе. Молодые энергичные ребята сразу обратили на себя мое внимание. Ширинский мне тогда казался более перспективным в научном плане. Я ошибался. Куза, конечно, был талантливее. А Ширинскому вскоре понравилось крутиться близ руководства, быть партийным активистом, исполнять обязанности по международным связям, иногда сидеть на месте ученого секретаря. Куза тоже нагружался разной общественной работой, но это не помешало ему стать большим ученым, несмотря на противодействие Рыбакова. А Ширинский как ученый пропал. Уже пенсионером он иногда заходил ко мне в кабинет и однажды сказал про Рыбакова в сердцах: «Нехороший человек!» А был его верный адепт. Умел академик гнобить людей. Однажды стояли мы с Крайновым в коридоре, разговаривали. Активист Ширинский суетился возле:

– Костя, пойдем.

Я отнекивался:

– Подожди, сейчас.

Крайнов своим библейским гласом:

– Константин-то Иванович! Не ходите туда! Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых!

– А куда это?

– Да на партбюро.

– Хи-и-и!

За этими и другими хлопотами как-то угас запал по подго-

товке к защите диссертации. Виноват, конечно, и я сам, не проявил достаточной настойчивости. К тому же в это время я серьезно заболел. Внешне это никак не проявлялось, но анализ постоянно показывал пониженный уровень гемоглобина в крови, а сам я испытывал какую-то вялость, заторможенность в жизненном тоне. Жена пыталась найти причину в сбое кроветворной системы. Клинические исследования не подтвердили ее предположений. Недоумение разрешилось просто. Во время диспансеризации в нашей академической поликлинике, которую я считал делом чисто формальным, у меня выявилась полная потеря зрения на один глаз, чего я до тех пор совершенно не замечал. А это уже оказалось следствием опухоли (аденомы) гипофиза, которая блокировала и некоторые функции эндокринной системы. Эндокринолог, коллега Аллы по работе в больнице, рекомендовала меня к своему профессору в Институте нейрохирургии им. Бурденко, и тот согласился меня оперировать. Нас поставили в очередь. Очередь подошла, и мы стояли в приемной среди толпы посетителей. И тут, как иногда бывает, опять вмешался его величество случай. У регистраторов случилась какая-то заминка, и нас вежливо попросили подождать. Этого хватило. Из противоположной двери вошла женщина в белом халате и сразу к Алле:

– Ты чего здесь?

– Да вот своего привела.

– А у него что? Операция? Нет! Да и не к этому профессору!

Давай его ко мне!

Эндокринолог Раиса Яковлевна Снегирева в свое время работала вместе с Аллой в Институте эндокринологии, и Алла еще принимала участие в оформлении ее кандидатской диссертации. Меня срочно вычеркивают из очереди, ведут в лабораторию, берут из меня, сколько им надо, кровей и отпускают с миром.

Анализ был готов примерно через месяц. Раиса Яковлевна написала рецепт и послала в аптеку на ул. Лесной. Препарат в таблетках, заграничный, не русский вовсе. У него и названия на рус-

ском языке нет. Он оказался неожиданно для меня дорогой, но у меня были с собой экспедиционные деньги. За 10 упаковок я заплатил 105 руб. Женщины в очереди у кассы заволновались: «Что это за лекарство?» Я, походя: «От всех болезней». И потом, уходя с полученным лекарством, слышу, как кассирша уговаривает женщин, что не бывает такого лекарства от всех болезней. Но от моей болезни оно оказалось вполне действенным. Уже менее чем через месяц зрение мое восстановилось, и я воспрянул духом, но ненадолго.

К концу 1983 г. я все-таки почувствовал себя неважно и снова был направлен в хирургическое отделение того же Института, где меня стали готовить к операции. Там меня посетили Саша Кашкин с Мишей Гусаковым. По воспоминаниям Саши, выглядел я тогда совсем плохо, «ходил по стенке», хотя сам того не сознавал. Между прочим, перед операцией проводилась рентгеноскопия под давлением. Между позвонков вставляют иглу и через нее начинают нагнетать кислород так, чтобы через спинной канал он прошел под череп и создал там давление на мозг довольно чувствительное. Сделали снимок, а врач говорит:

– Сейчас мы тебе еще прибавим.

Надули еще, говорю:

– Эдак больнее.

– Ничего, потерпи, мы сейчас.

Мы потом смеялись, что в Институте им. Бурденко лечат надувательством. Это исследование не вдохновило докторов: «У тебя опухоль расположена довольно удачно, ее можно взять радиооблучением». И меня выписали не солоно хлебавши.

Через месяц я пришел на радиотерапию. Снова рентген, теперь уже с металлическими шариками в уши. Походила вокруг меня докторица, а потом говорит:

– Не могу я в тебя прицелиться. Знаешь что, помогают тебе эти таблетки и ладно. Пока подождем. Будет хуже – тогда посмотрим. Ты думаешь, хорошо в мозгах копать? Пусть это и облучение, а все операция.

С тех пор и живу на таблетках. Потом я самостоятельно снизил норму с трех до одной таблетки, и оказалось в самый раз, тем и жив. Спасительница моя Раиса Яковлевна неоднократно спрашивала меня о причине заболевания: был ли ушиб? А мало ли каких ушибов бывает в жизни у пожилого мужчины? Некоторое время спустя я все же вспомнил одно происшествие. С моим единственным тогда работником Борей Сушко мы вздумали прибраться в складе, навести некоторый порядок в накопившемся беспорядке. Я поднимал с пола пузатую бутылку в полуразвалившейся корзине с клеем БФ весом до 50 кг и вдруг оказался сидящим на полу в недоумении. На несколько секунд я потерял сознание. Оказалось, небрежно прислоненное к стенке дубовое бревно из Новгорода неизвестно от чего повело, и оно, описав косвенную линию (как у Крылова), ударило меня по основанию затылка. Стояло это бревно там сто лет, никто его не трогал. Боря стоял в стороне и только мог заметить: «Ну, крепко тебя!» Случайность? По Гегелю – «... случайное имеет некоторое основание, ибо оно случайно, но точно так же и не имеет основания, ибо оно случайно».

Но хватит про болезни. Им одолеть меня не удалось. А работу по древностям Плещеевского поозерья помог опубликовать Андрей Евгеньевич Леонтьев. Будучи директором музея-заповедника «Ростовский кремль», он обратил особое внимание на развитие научной деятельности музея. При его руководстве более регулярно стали издаваться труды сотрудников музея и приглашенных авторов: «Сообщения Ростовского музея», «История Ростовской земли» и др. В одном из таких «Сообщений» в 1995 г., более десяти лет после написания, и была опубликована моя работа. К сожалению, ее издание в периферийном малотиражном сборнике не способствовало достаточной известности в археологической среде и тем более в исторической. Доброе имя А.С. Уварова и его заслуги в российской археологии, о котором я писал в своей статье, находит должную оценку только в мемуарных очерках А.А. Формозова. Между тем его труд «Меряне и их

быт», особенно при условии изучения его архива и коллекций, хранящихся в ГИМ, несмотря на старомодную подачу материала, сохраняет свое источниковедческое значение.

Оживление работы в отделе под руководством Юрия Алексеевича Краснова и при его самом деятельном участии дало реальные результаты. Вслед за сильно урезанными Орловским и Калужским сводами вышел вполне приличный свод по Брянской области Саши Кашкина, а потом и мой по Ивановской области, о чем я уже упоминал. По Ивановской области существовала краткая сводка памятников, изданная Е.Н. Ерофеевой в 1965 г. в качестве материалов к археологической карте. Новое обследование Д.А. Крайнов поручил сотруднице экспедиции и областного музея Е.М. Молодцовой. Для этого он выделил ей на два сезона отдельную машину. Когда я начал работать над составлением свода, то увидел, что вроде бы подготовленный материал в качестве основы совершенно не пригоден и потребовал собственного дополнительного обследования. Уже при беглом обзоре просматривался ряд нестыковок и несуразностей. В Южском районе она открыла ряд курганных могильников, но их никто и никогда там не видел. При ближайшем рассмотрении эти «курганы» оказались ямами углежогов с отвалами грунта. Столь же мифическими были и некоторые открытые ею городища на Волге. Здесь пришлось потрудиться, чтобы внести ясность в действительное состояние и местоположение памятников, исследованных Ф.Д. Нефедовым в 1895–1896 гг. Тем более что Е.Н. Ерофеева и Е.М. Молодцова не могли топографически соотнести свои определения с его данными.

В деле обследования и изучения некоторых памятников Костромской области значительное участие приняли А.Е. Леонтьев, Е.А. Рябинин, Ю.Н. Урбан, хотя последнего в отдельных случаях пришлось перепроверять и уточнять. В частности, Урбан с Васей Булкиным «открыли» селище у с. Воскресенское в Галичском районе на р. Вексе. Но там был В.И. Смирнов в 1927 г. Проверил.

Да, это селище В.И. Смирнова и не на р. Вексе, а на ее притоке р. Ноля близ ее впадения в Вексу и очень на нее похожую. Для квалифицированной атрибуции памятников каменного века были приглашены Лев Владимирович Кольцов и Михаил Геннадиевич Жилин, Мишаня. Большое содействие оказала мне Лидия Сергеевна Китицына, вдова замечательного организатора общества краеведения, бывшего в свое время директором Костромского краеведческого музея Василия Ивановича Смирнова. Несмотря на постигшие их репрессии, которым подверглось краеведение в 1929–1930 гг., она сумела сохранить подготовленную ею картотеку по историографии археологии и археологическим памятникам на территории области и любезно дала мне ее скопировать. Могу свидетельствовать, что полнота охвата материала по состоянию по 1929 г. включительно была почти безупречной.

С подготовкой свода памятников Костромской области, обследование которой я заканчивал, произошел некоторый казус. Видимо из желания вовлечь в научную работу молодую сотрудницу Ю.А. Краснов передал мои наработки (в основном почти готовые) Лене Русаковой. Она должна была представить к изданию готовый вариант. Я не возражал. Ладно, не жалко, лишь бы пошло на пользу. А она все время уверяла, что работа над текстом свода ведется и идет к концу. Но тут как-то внезапно и тихо она ушла из Института. Мы с Красновым посмотрели оставленные ею материалы. Ничего нового. Только подготовленные мной научно-справочные статьи. Мне оставалось написать вводную статью и добавить отдельные сведения о некоторых памятниках. Юрий Алексеевич прекрасно отредактировал, и Костромской свод был благополучно издан в 1999 г. по гранту РГНФ в издательстве «Восточная литература».

Успешная работа в разведке во многом зависит от шофера экспедиционной машины и от взаимоотношений с ним. На второй год работы в Костромской области «дед», не раз упоминавшийся начальник колонны экспедиционной автобазы Алексей

Дмитриевич Леваков, заслал ко мне Юрия Александровича Шмакова, Юраню. Юраня, человек непростого характера, оказался замечательным человеком и шофером. В экспедиционную автобазу он пришел из таксистов и здесь полюбил езду по широким просторам, открывавшей новые неизведанные места, и готов был безбоязненно ехать когда угодно и куда угодно. Несмотря на разность и в то же время некоторое сходство наших характеров, у нас установились в целом добрые и доверительные отношения. Леваков позже признавался, хотел посмотреть, что из нас получится – и не ошибся. Мы проездили 10 лет по просторам Костромской, Ивановской, Ярославской и Тверской областей. Неизлечимая болезнь, неоперабельная, как говорят медики, опухоль мозга остановила его жизнь на 49-м году от рождения.

В наших разъездах по Костромской, а потом и Ярославской области приходилось бывать в самых отдаленных и бездорожных местах. В Палкинском районе Юраня спрашивает у одной девицы:

– Где тут грейдер на Палкино?

Она показывает:

– Вот!

Но это огромная разливанная лужа. Юраня:

– Нет, ты мне покажи в натуре, где этот грейдер!

Безрезультатно. На юго-востоке области мне нужно было обследовать участок по левому берегу р. Ветлуги, покрытому сплошным лесом, незаселенным и бездорожным. А тут еще так получилось, что мы остались вдвоем и я хожу в разведку один. Юраня говорит:

– Вот ты уходишь в лес, а мне одному тоскливо и за тебя боязно. Я тут видел один на тракторе вброд реку переезжал. Тракторист местный. Да он и трактор утопит без заботы. А мы, если застрянем посреди реки, кому тут будем нужны?

А на перекате Ветлуга разливается чуть ли не на 200 м. Все же пошли мерить. Глубина местами доходит немного выше колен. Дно песчаное, плотно укатанное, но с перекатными уступами. Ре-

шились. И была, не была – переехали. По слабо намеченной лесной дороге вдоль притока Ветлуги р. Нея доехали до одинокой избушки, где жили старик со старухой. По их просьбе проехали дальше километров 15-20 по такой же дороге до леспромхозовского пункта Панино за хлебом. В местной пекарне выпекался черный хлеб в формах, вдвое больших наших стандартных. Хлеб оказался необыкновенно вкусным, и мы с Юраней попросили добавки. Пекари с гордостью:

– Что, понравилось?

– Да!

На обратном пути мы форсировали Ветлугу уже без измерения, на авось. В другом месте мне надо было найти курганы на другой стороне небольшой реки. Иду один, глубина немногим более 1 м. Юраня смеется:

– Дятел! Тут же никого нет. Чего же ты трусы-то мочишь, снял бы.

Иду обратно уже без трусов. А этот на другом берегу стоит и опять смеется:

– Костя! У нас же с тобой резиновая лодка есть.

Бывали у нас дороги! А про иные вспомнишь – мурашки по коже. В лесосплавный пос. Черменино в верхнем течении р. Унжи мы добрались только на второй день. А.Е. Леонтьев и Ю.Н. Урбан прилетали сюда на самолете, где зафиксировали позднесредневековое селище на месте бывшего погоста Архангельское. Были времена, летали самолеты! А мы на машине. Нас интересовало предполагаемое у погоста городище. Правый берег реки у погоста обрывается отвесной кручей высотой более 50 м. И забирались мы сюда по крутым увалам соответствующей высоты. Морозящий дождь непрерывно смазывает глинистый грунт под колесами машины, и мы с большим трудом преодолеваем особенно опасные верхние участки подъемов. Еще опаснее оказались спуски с холмов. Машину постоянно разворачивает боком по отношению к склону, что неминуемо грозит опрокидыванием и кувырканием

машины под горку. Шофер с трудом удерживает ее в ровном положении. В одном таком месте ровным голосом решительно командуя:

– Не держи машину, пусть сама идет!

– Там промоина! – А-а-а! ... с ней!..

По промоине пропахали бампером, но сползли благополучно.

В поселке, весь промокший при лазании в лесу по густому насыщенному дождевыми осадками подлеску в поисках несуществующего городища, вваливаюсь в помещение сельсовета для отметки командировок. В сельсовете молоденькая секретарша видит во мне чуть ли не выходца с того света и отказывается (или не решается?) отметить командировки.

– Но я же вот он, здесь, перед вами, т.е. в Черменино, что и прошу отметить. Испуганное бормотание в ответ:

– Ничего не знаю.

– Да ладно! Других найдем!

У машины Юраня разговаривает с директором совхоза. Директор предупреждает:

– Туда сейчас не ездите. Там у нас уже не один опрокинулся.

– А мы только оттуда.

– А где же вы ночуете?

– А где ночь застанет.

– Смотрите, опасно, тут небритый дядя ходит!

– ЗЕКи?

– Нет, медведь.

Подхожу, Юраня спрашивает:

– Ну что, отметился?

– Нет. Она дура.

Директор:

– Ну, пойдем ко мне, я вам свою печать поставлю.

В правлении ругается местный шофер:

– Я вчера из Кологрива приехал! Это как! А! Попробуйте сами!

В лесном краю за р. Унжей примерно в 40 км к востоку от

г. Макарьева одиноко стоят три близко расположенные деревеньки, где по карте В.И. Смирнова значится некая «Золотая горка». Поехали за реку через вековой лес искать. Остановились на большой поляне на месте бывшего кордона, не доезжая 1-2 км до ближней д. Нестерово. Утром, когда все еще спали, пошел осмотреть окрестности, сориентироваться на местности. Возвращаясь, а со стороны деревни на поляну начинает входить деревенское стадо и где-то в его глубине гудит бык. По этому признаку я знаю, что это нехороший бык, злой. Кричу жене, чтобы немедленно убиралась в машину. Подхожу одновременно с авангардом стада. Юрания в красной рубашке торчит перед машиной. Прошу:

– Отойди за машину, не маячь.

– А чего?

– Чего, чего, бык!

– А что он мне сделает?

– Кишки выпустит.

Насилу уговорил. Бык подходит и начинает копытами разгребать наше кострище, как чуждое и незнакомое ему образование. Юрания:

– А он ничего. Он только песочком себя посыпает.

– Ничего! Вот он сейчас тебя бы так копытил.

Бык идет к машине. Я иду следить за ним из-за машины, нет бы присесть и посмотреть из-под машины, куда он пойдет. Юрания:

– В гробу я видел вокруг машины от быка бегать.

И прыгнул на кабину. Мне одному стало скучно, и я за ним. Алла из кузова на нас:

– Уселись голубки!

А бык развернулся и попытался проглотить лежавшее у колеса наше мыло. Мыло не поддавалось и выскальзывало у него изо рта. Не сладив с мылом, бык отошел совсем.

Подожли два пастуха. Старший: «Бык? Да я сам его боюсь». А «Золотую горку» я тебе покажу. На этом кордоне мой отец жил, это близко. Прогнали стадо за речку, Юране дали блес-

ну охотиться на щук, а сами пошли обратно в лес искать горку. «Золотая горка» оказалась геологическим образованием в виде песчаной озы, и кладоискатели над ней изрядно постарались, перепахали ее бульдозером вдоль и поперек. На речке Юрания поймал окуня. При его попытке перейти на другой берег бык грозно двинулся на него и теперь стоял посреди речки и караулил Юранию. Стал бросать блесну и я и вскоре подцепил-таки щуку. На этом наш поход за Унжу окончился. С этими быками у меня уже была баталия в Ярославской области. В 1975 г. на берегу Волги у с. Поводнево я открыл слой селища 11–13 вв. и стал разбирать остатки наполовину размытой печки-каменки. В ней я нашел развал горшка, кресало, нож. Решаю: вода рядом, надо помыть находки. А в некотором отдалении по направлению ко мне передвигается пасущееся стадо коров. Ну, стадо и стадо, а я мою черепки. И вдруг как бы мурашки по спине от какой-то неведомой опасности. Оглянулся, а это не коровы вовсе, а быки 3-летки в стаде на откорме. И четверка передовых уже взяли на себя охранную функцию, нависают надо мной, с пеной у рта роют копытами землю. Я на мысу, кругом вода, податься некуда. Думаю: скинув резиновые сапоги, я смогу переплыть на ту сторону залива. А пока отступаю в реку. Дно песчаное пологое, в 10 м от берега мне чуть выше пояса. Смотрю, бычки-охранники за мной в воду не идут. Остальное стадо мирно пасется. С поднятой лопатой медленно передвигаюсь вдоль берега, и быки за мной намереваются рогами. Наконец я миновал стадо и охрана отстала. Подхожу к стоящей у дороги машине. Васька от моего обескураженного вида недоумекает:

– Ты чего?

– Вон, быки!

– Да ну! Дал бы ему лопатой между рог (издали они действительно кажутся небольшими).

– Иди, сам дай!

Некоторый курьез случился после поездки на северо-восток

области. По карте я предположил, что низовья р. Вохмы близ впадения ее в р. Ветлугу могут быть перспективны в археологическом отношении. В разведку был приглашен тверской археолог Е. Бодунов, зарекомендовавший себя хорошим поисковиком памятников эпохи мезолита. На р. Вохме в окрестностях с. Никола нам удалось найти несколько мезолитических памятников и поселение эпохи мезолита и раннего железного века. Один участок поисков находился в границах свиного загона. Свинарки нам говорили:

- Здесь свиньи все перепахали, вы ничего не найдете.
- Вот и хорошо, слой обнажили.

Отдельные кремни мезолитического типа здесь мы находили, но на стоянку они не потянули. На обратном пути я распустил отряд, и мы с Юраней и уже 12-летней Анной остановились на р. Унже. Утром рано я стал ловить рыбу удочкой. Ловилось плохо, и я снова залег спать. Солнце начало припекать, в машине под тентом становилось душно, и мне начал сниться кошмарный сон. Вдоль деревни бежит огромный хряк величиной с быка и ревет страшным ревом. Я испугался. Где Анна? Не попалась бы она у хряка на пути. А следом идут свинарки в черных халатах и переговариваются: «У нас хряк получил сотрясение мозга. Что же теперь делать?» Просыпаюсь, а это Юраня храпит у меня под боком.

Заехали на знакомое место раскопок Л.В. Кольцова у санатория «Трифоныч». Перекусили – обед. Поехали дальше. Трогаемся. Юраня: «А в Костромской области мы с тобой ни разу не сидели». И тут же садится на все четыре колеса по самые оси. Иду на гору в поисках трактора. Возвращаюсь. Сидят на бревнышках в ожидании. Юраня:

- Ну как ты думаешь, почему мы тут засели?
- Да исключительно из-за твоего легкомыслия и раздолбайства. Ну, кто так ездит?
- Верно! Я!

А надо сказать, что накануне на незамеченной колдобине мне сильно ушибло поясницу, и я ходил полусогнувшись. Ладно,

скоро в Москву. Алла врач, у нее спросим, что там у меня внутри могло случиться. Алла отвечает Юране:

– Гематома.

– А что это такое?

– Ну, вот дать тебе в глаз.

– Глаз выскочит!

– Нет! У тебя будет синяк, а у него вот сейчас такой синяк внутри.

Однажды едем в Кострому двумя машинами. Мы с Юраней впереди, Лева Кольцов с Эдиком Мустикасом за нами. Оживленная трасса от Ростова на Ярославль. Легковые машины правильно обходят нас и устремляются далее. Юраня спокойно пропускает вперед очередную легковушку. Легковушка обгоняет нас, но вперед не уходит, маячит перед нами. Юране это надоедает, и он обходит ее сам. Легковушка снова просит обгон, и Юраня опять ее пропускает. Та же картина, мельтешит перед нами. А надо сказать, что за рулем легковушки женщина, обидно вдвойне. Наши шоферы, два старых жука, перемигиваются известными им знаками. Юраня снова ее обходит и больше не пропускает вперед, а Эдик зажимает сзади. И так ведут ее в зажатии до поворота на Кострому.

Юраня любил и умел мистифицировать наших женщин. Купили огурцы, длинные, ядовито зеленые. Они оказались столь же ядовито горькими и были оставлены в небрежении. Через некоторое время Юраня достал один огурец и стал поедать его с видимым наслаждением:

– Ух, огурец! Вот да огуречик!

Света:

– Дай попробовать.

– Нет! Не дам! Ох, огуречик!

Потом смеялся:

– Все остальные огурцы понадкусывали. Ну, Анна ладно, а эти-то!

Однажды остановились посреди заброшенной и заросшей травой деревни. Возле пруда подает свой скрипучий голос коростель, по-нашему дергач. Света:

– Ой, кто это?

Юрания:

– Ревматик.

– Какой ревматик?

– Птичка такая. В Африку ходит пешком и от этого зарабатывает ревматизм. Вот он ходит сейчас и коленками скрипит.

Она ко мне:

– Правда, что ли?

– Не знаю!

В экспедиции на Енисее у М.Н. Пшеницыной было два шофера: на ГАЗ-66 Юрания – Винни-Пух (по комплекции), на УАЗ-469 – Пятачок (по росту), закоренелый пьяница. Рано утром Пятачок идет от реки. Телогрейка наполовину мокрая, рукав оторван.

– Винни-Пух, вытяни меня из речки.

– А чего ты там делаешь?

– Хотел машину помыть и застрял.

– А чего рукав оторван?

– Загорелся. Я его тушил, а он все тлеет и тлеет. Я взял и отрубил его топором.

Лагерь просыпается. Выходит начальница. Видит: из стоящей в некотором отдалении палатки Пятачка – дымок.

– Чего-то у тебя там горит что ли?

– Чего, чего! Спальный мешок.

– Наверно новый?

– А то разве старый!

– Кто же нас поджигает?

И тут бежит лагерная собачка Чапа. Юрания:

– А во! Чапа!

– Ну что ты, разве собака может поджигать?

– А вот смотри. Чапа, Чапа. На!

Чапа подхватывает в зубы из рук Юрани спичечный коробок и радостная от оказанного ей внимания вприпрыжку бежит по лагерю. Пшеницына в ужасе:

– Ой! Отберите у собаки спички! Она нас сейчас всех подожжет!

Тогда по предложению Славы Воробьева было заключено некое соглашение или договор о научном сотрудничестве нашей экспедиции с Калининским университетом. Договор, в сущности, никого ни к чему не обязывал. В некотором смысле он был банальной липой. Славе была нужна машина для разведок по Тверской области, и он мог оплатить ее аренду за круглый год из средств областного управления культуры. Я же за это мог использовать машину два месяца за его счет. Подписывать договор я пошел к зам. директора Института Рауфу Магомедовичу Мунчаеву. Рауф Магомедович с хитрой улыбкой посмотрел на меня, повертел бумагу в руках и, говоря языком Салтыкова-Щедрина, не желая подписывать – подписал ее. Я глубоко благодарен Рауфу Магомедовичу за то доверие, которое он мне всегда оказывал. На скудные 2000 руб., выделяемые Костромским управлением культуры, кроме разведок можно было организовать и раскопки. Приглашенный для этого Лев Владимирович Кольцова мог провести раскопки открытой Мишаней стоянки «Трифоныч». Был получен новый материал по памятникам эпохи мезолита в области, что дало возможность расширить наши представления о распространении и развитии культур этого времени.

В поездках по Тверской области нам пришлось убедиться в справедливости известного изречения Герцена: «Если бы в России был еще и порядок, то в ней жить было бы невозможно». В декабре ночью на обледенелой дороге нашу машину повело юзом, развернуло и опрокинуло на левый бок. Вскоре подъехал встречный МАЗ. Машина груженная, но все равно скользит колесами по гололеду, буксует – ни с места. Необходим гусеничный

трактор. Как догадались два генерала Салтыкова-Щедрина, для спасения нужно найти мужика. Не может быть, чтобы мужика не было. В России мужик есть везде. Недалеко светятся огни деревеньки. Идем со Славой туда. На крыльце разговаривают две женщины, посреди улицы – гусеничный трактор. Удача? Не тут-то было. Тракторист пьян, что сбитый летчик, не добудишься.

– А вон, видите вдали огоньки? Там тракторный парк, там вы и добудете трактор.

Туда Слава пошел один и мужика там нашел. А мужик сказал:

– Нет, нельзя! Сегодня была получка, все перепились и бригадир все запер, чтобы никто спьяну куда-нибудь не уехал. Но у меня есть трактор, про который он не знает. Если сейчас заведется, то я вас выставлю на колеса. Трактор завелся. Машину благополучно подняли. А мужик и от оплаты за труды отказывается. Даже на бутылку, сколько я не уговаривал его, не взял. А вы говорите, что в России нет мужика. Есть!

После работы у Славы обычно складывался преферанс. Играли исключительно на интерес моральный или, если хотите, эстетический. Иногда за неимением кворума приглашали в партию и меня. Но Юрания потом говорил:

– С тобой играть не интересно.

– Почему?

– А тебе все равно, проиграл ты или выиграл.

К тому же я их предостерегал, что преферанс не безопасен. Об этом я узнал из заметки в газете «Владимирские губернские ведомости» за 1850 или 1851 г. «О судорогах в ручных пальцах от преферанса». Но их это не пугало.

Однажды Слава заигрался в мячик. Сам стоял как бы в воротах, а в него били резиновым мячиком величиной в половину волейбольного. Юрания зовет его на преферанс: «Пойдем. Прибор готов». Слава: «Сейчас, Юрания, сейчас». А сам продолжает ловить мячик. Мячик подкатывается Юрание под ногу. Юрания от души бьет по мячику. Слава успевает только выставить растопы-

ренные руки. Мячик бьет Славу в глаз. Слава, по словам Юрания, сразу делается комнатным и покорно идет куда следует.

Что, Юрания специально прицелился Славе в глаз? Может, повезло? Вроде бы по теории вероятности на каждого человека должно приходиться одинаковое количество случаев везения и невезения. Ан, нет! У одного доля везения значительно превышает долю невезения, у другого – наоборот. Давно известно, что есть люди везучие и невезучие. Вот сидят и общаются за обеденным столом в экспедиции Юрания и начальница Пшеницына. По столу ползает и вьется над столом рой мух. Юрания с досадой рубит по мухам столовым ножом. Одна муха закружилась по столу с отрубленной головой. Пшеницына с возмущением кричит: «А! Ты, живодер! Нет, чтобы просто муху убить, ты им головы отрубаешь, мучитель!» Конечно, как говорил О’Генри: «Если очень повезет – можно подбить глаз василиску». Но чтобы приловчиться казнить мух отрубанием голов? Бывало и другое. Слава потчует Юранию, черпает из банки немалую ложку сметаны: «Юрания, на!» И всовывает ложку Юрание в открытый рот, и тут незаметно утонувшая в сметане, но еще живая, оса жалит Юранию в язык. А-а-а!

Между тем действовало и наше сотрудничество с Тверским университетом. Группа Славы Воробьева открыла на р. Медведице комплекс памятников, в том числе, по их мнению, славянское капище у д. Выркино. Они настойчиво приглашали организовать исследование этого «капища», а попутно и других объектов. В 1985 г. Д.А. Крайнов отписал мне целиком свои средства, обычно выделяемые Тверским музеем для Верхневолжской экспедиции. Средства немалые, целых 4000 рублей. Финансовая отчетность проходила непосредственно через бухгалтерию музея, минуя Институт с неизбежными накладными расходами. Механизм оформления был отлажен, и к моему приезду деньги были в кассе наготове. Оставалось подписать бумагу директором: «Разрешаю». Директор был новый, генерал-полковник в отставке по фамилии Бошняк. Человек прямой и справедливый, он с понима-

нием и уважением относился к проблемам истории и археологии Тверского края. Но нас, археологов, лично он еще не знал. Зам. директора по науке Снегирев пытается представить меня ему. Но он же генерал, а тут какой-то штафирка пытается его учить. Гаркнул: «Что ты тут мне говоришь! Я же вижу глаза честного человека!» И подписывает, не глядя.

На раскопки у д. Выркино со Славой собралась «вся королевская рать», т.е. некоторые из тех студентов, которые работали у нас в экспедиции с 1971 и 1972 гг. как практиканты-первокурсники. Но перспектива раскопок в научном плане меня не вдохновляла. Так называемое капище я с первого же взгляда определил скотомогильником, что и подтвердили раскопки. А «жальники» оказались кучами камней, собранных на межах пахотных полос, давно заброшенных и заросших лесом. Начальник раскопа Петя Малыгин от такого фиаско расстроился чрезвычайно и даже занемог. После наши работнички-студенты, в перерывах собирая по лесу остаточные ягодки черники, созревающей брусники, костяники, предостерегали друг друга: «Эй! Это ты не ешь, а то будешь, как Петруха». Результативными оказались небольшие раскопки двух соседних селищ. Возник спор о датировке. Начальник раскопа А.В. Курбатов настаивал на 10 в. – лепная керамика. Ну и что? С примесью гончарной, 11 в. В нижнем горизонте слоя находим сердоликовую бипирамидальную бусину – 12 в. Вот будем разбирать нижнее погребение в основании кургана, перекрытое коллективными в насыпи, посмотрим. Особенно если женское, молись. Погребение мужское, но с весовой гирькой – 11 в.

В эту экспедицию мне навязали Юрия Борисовича Цетлина. Если бы он был не угодный мне человек, то это было бы плохо. Но он был угодный мне человек, и это было хорошо. С малой группой он совершил ученое путешествие на р. Яхрому для детального исследования стратиграфии стоянки у д. Языково. В своем намерении Юра преуспел за краткое время и вернулся благополучно. По

вечерам они с «дедом» (напомню, Алексей Дмитриевич Леваков, бывший начальник колонны в экспедиционной автобазе) уединялись с удочкой на берегу речки и вели задушевные беседы о жизни минувшей, текущей и будущей, особо не обращая внимания на неподвижный поплавок. Подхожу. Неожиданно поплавок начинает слегка шевелиться. Я комментирую: «Мелочь, взять наживку не может». Но «мелочь» тербит поплавок все настойчивее. Дед берется за удилице и с удивлением встречает упорное сопротивление. Ах ты! Твою...! «Мелочь» оказалась небольшим голавлем сантиметров 12, рыбкой бойкой и сильной. Других успехов у наших рыболовов замечено не было, «мирно бысть».

Кажется, в тот же год я участвовал в разведке у Славы по р. Мологе. Под осень уже без меня Слава с небольшой группой обследовал другую реку. Двое шли по одному берегу, Слава один по другому берегу. По окончании сезона Слава у меня спрашивал: «Константин Иванович, вам про меня ничего не рассказывали?» А было дело. Шел Слава, шел, и по закону естества у него возникла умная мысль сделать себе облегчение. Снял с себя амуницию, лопатку, полевую сумку и присел под сосенкой. Он сам не знает, как оказался повисшим руками на суку со спущенными штанами, а под ним тараном пронесся кабан. Вероятно, кабана напугал, а, может, и зацепил выстрел, который Слава не слышал, но слышали его коллеги с другого берега. Юраня рассказывал, как пришел Слава.

– Юраня, у тебя есть что-нибудь от сердца?

– Слава! Что с тобой?

– Юраня, дай чего-нибудь от сердца!

В 1986 г. были продолжены раскопки курганного могильника в Кимрском районе у д. Плешково. Начатые в 1980–1982 гг. раскопки могильника оказались более интересными по обряду и вещевому инвентарю по сравнению с курганами у д. Пекуново и в значительной мере возместили мою досаду от порчи пекуновских А.В. Успенской. Появилась возможность раскопать могильник полностью, чтобы сделать его полноценным археологическим

источником. Впоследствии материалы могильника были изданы в сборнике ветеранов Великой Отечественной войны, вышедшем в 2002 г.

Рабочими у нас были ученики 8-9 классов школы из соседнего поселка Белый Городок, с которой у нас сохранились связи с 1980 г. Базой служил палаточный лагерь, устроенный на окраине лесного массива. В этом году случилось необыкновенное погодное явление: 9 июня выпал снег с образованием значительного снежного покрова, сопровождавшийся двухдневным чувствительным морозцем. Тут случился некий казус, устроенный Аллой. Откуда-то она подцепила иностранных туристов, кажется американцев, которых для прогулки высаживали с туристских теплоходов недалеко от наших раскопок. На раскопе я один, работники ушли на перекус. Подводит ко мне двух мужчин с женщиной и говорит: «Вот он вам все покажет» (по-русски). А мне: «А вот она понимает по-французски». Если Алла могла объясняться по-французски, то я и английский-то давно забыл. А они, как увидели мою мрачную фигуру в энцефалитке цвета армейской гимнастерки и кирзовых сапогах, сильно перепугались. А тут еще и Юраня подкатывает на своей ГАЗ-66 явно военного образца – собрались с Аллой ехать в Кимры. Вижу, наши иностранцы совсем сжались от ужаса. Кричу на Юраню с Аллой: «Катитесь вы отсюда немедленно, пока я вас лопатой не прогнал». Отъехали. Американцы начинают оттаивать. Да и обстановка – теодолит на треноге, рядом на земле валяются фотоаппараты, рейки. Зову в кусты показать расчищенное погребение с лепным горшком в ногах. Боятся, но, осмелев, подходят. Пишу на песке (11–12 с.). Один спрашивает:

– Финн?

– Yes. But all arm ceramic (хочу сказать ручная) – finn, and circle ceramic (хочу сказать круговая) – russian. Показываю еще кое-что, пытаюсь балакать.

– Да, археология, академия наук, сайенс.

Кажется, ушли довольные. Как-никак живыми выбрались.

После Костромы на очереди стояла Ярославская область, мне хорошо уже знакомая. Служба охраны памятников истории и культуры к этому времени здесь укрепилась и обрела большее постоянство. Этому способствовал заведующий отделом Министерства культуры РСФСР Анатолий Кривонос. Возглавить Комитет историко-культурного наследия Ярославской области он пригласил Татьяну Львовну Васильеву. Искусствовед, доктор наук, Татьяна Львовна не могла пылать желанием возглавить незнакомое ей дело. Убедить ее в необходимости навести порядок в благородной службе охраны культурного наследия в помощь себе Кривонос пригласил руководительницу Комитета Краснодарского края и меня. В результате наших бесед по задачам и перспективам работы и хорошо мне известным проблемам учета и охраны памятников собственно Ярославской области Татьяна Львовна согласилась на предложение Кривоноса. И, надо сказать, она сумела поставить работу Комитета на должный уровень. Подобрался дружный коллектив сотрудников: Праздников Володя, Осипова Марина, Кириченко Андрей, Никитин Игорь. В своей работе по Своду памятников археологии я всегда испытывал взаимопонимание, всестороннюю помощь и поддержку Татьяны Львовны и других сотрудников.

Работа облегчалась моим личным солидным заделом и многолетними работами в области Д.А. Крайнова и А.Е. Леонтьева. В принципе оставалось провести своего рода зачистку, обследовать дополнительно некоторые неизведанные участки, уточнить местоположение известных памятников и проверить состояние некоторых из них. Особое сомнение вызывало состояние памятников на р. Волге, подверженных интенсивной эрозии колебаниями водного уровня и нарушениям человеческой деятельностью. Многие памятники, известные с дореволюционного времени и от 30-х годов 20 в., оказались утраченными, некоторые сохранились лишь частично. Сохранилась и значительная часть посе-

ления на р. Шексне при впадении ее в Волгу, которое незадолго до того И.А. Станкевич посчитала полностью разрушенным. Обстоятельные исследования Александра и Ирины Рыкуновых открыли здесь большой участок древнерусского города 10–14 вв. Усть-Шексна. Он упоминается в летописи под 1071 г. в связи с восстанием волхвов в Ярославле и в записках Г. Штадена называется одним из ключевых стратегических пунктов Руси, но упорно не признается нашими правоверными историками (В.А. Кучкин и др.) в качестве города.

На участке р. Волги от Углича до Рыбинска было найдено несколько селищ раннего железного века и древнерусского времени, к сожалению, в остаточном состоянии. Два таких селища было открыто у д. Оленино при устье р. Серы. Древнерусское и раннесредневековое селища располагались в тесном соседстве. Во время совместной поездки с А. Кашкиным и А. Леонтьевым я предложил им организовать здесь раскопки с целью выяснить возможную переходную связь между селищами. А.Е. Леонтьев в составе своей Волго-Окской экспедиции организовал Волжский отряд во главе с А.В. Кашкиным, и он в сезоны 1987–1991 гг. раскопал на обоих селищах значительные площади. Никакой связи между ними не оказалось. Более того, оказалось, что на территории раннесредневекового селища в древнерусский период располагался курганный могильник 11 – начала 13 в., спланированный многолетней распашкой. О раскопках А.Е. Леонтьева в его вотчине «от Юрьевца до Торопца» без спроса узнал Д.А. Крайнов и возмутился. Я возразил:

– Дмитрий Александрович, эти памятники открыл я и копаю тоже я.

– А! А! Тогда ладно.

Со мной он почему-то не спорил.

Лагерь свой Саша устроил на противоположном высоком мысу р. Серы, месте красивом и удобном. В первый разведывательный заезд в конце сентября или начале октября 1986 г. мы

здесь заночевали. Два шофера выбрали место для стоянки машины, но оно оказалось с солидным уклоном в сторону реки. А погода – снег с дождем, колеса по траве со снегом скользят, и при выезде машину сносит юзом к обрыву.

– Ладно, мы тебе подкопаем траншейку под правые скаты.

Выставили машину ровно. Переночевали благополучно, но утром Юраня заявил:

– Я отсюда всю ночь кошмарно выбирался, как хотите, а надо выехать на ровное место.

И мы стали копать под правую колею траншею глубиной 30-40 см, а Юраня ходил и приговаривал:

– Хорошо, хоть у меня все начальники археологи, копать умеют. Я потом прикинул шагами наш «раскоп» – 30 м.

Потом мы иногда заезжали к Саше на раскоп в гости. Одно из таких посещений мне приснилось во сне. Пришлось как-то дома поздновато и плотно пообедать. Жена предлагает ужинать.

– Да нет, что-то вроде неохота, легче спать будет.

– Ну как хочешь.

И вот сон. Как наяву, мы приезжаем к Саше в лагерь и сразу оказываемся за столом в полной уверенности, что нас немедленно станут кормить. А они еле шевелятся. Я начинаю возмущаться:

– Что, у вас и поесть что ли нечего?

Юраня:

– Да есть у них. У них даже выпить есть. Налить?

– Да что-то неохота.

А есть охота. Думаю: ну если дадут выпить, то наверно и закусить дадут.

– Ладно, налей.

Несут початую бутылку мутноватой жидкости. Наливают в стакан. Вздыхаю, а закусить все равно нечем. Ну и пусть. Хочь взять стакан, а он исчезает из-под рук. Наконец проснулись, расщедрились. Показательно несут гречневую кашу, жидковатую, вместо миски жестяная банка из-под маринованной селедки.

Да в чем бы ни было, все равно еда. Но они опять изворачиваются и у меня на глазах начинают пересыпать теперь уже рассыпчатую кашу из большого славянского горшка (горшок из здешнего погребения, восстановлен только наполовину, но в полный профиль, а во сне он целый) в большую лепную погребальную урну, привезенную Володей Кулаковым из Прибалтики. Володин этот сосуд давно стоял у него в кабинете, и я знаю, сколько пыли наросло на нем за это время. Мне становится жалко каши:

– Что же вы продукт-то портите?

– Ничего! Мы всегда так делаем. На перекусе у нас все съедят.

В изумлении просыпаюсь, срочно иду на кухню и пробавляюсь из холодильника, чем бог послал. Обычно я не помню снов и никогда этим не страдал, но этот запомнил как наяву. Наверное, потому, что сразу претворил его в действие натурально.

По окончании полевого сезона не получается сразу войти в колею кабинетной работы. Помню, Юрий Алексеевич добился для нас возможности напечатать свои статьи в Кратких сообщениях – КСИА. Хорошо знаем, что и как писать, а не можем. Сидим напротив и смотрим друг на друга бессмысленным взглядом. Но деваться некуда, инерцию вольной жизни в поле преодолели, написали.

Обедать тогда мы ходили в столовую, бывшую при Институте. Сидим. Едим. Вбегает Бобринский,

– Чего вы тут сидите? У вас пожар!

Сидим, едим. Саша управился быстрее.

– Надо пойти посмотреть.

Прихожу и я. Действительно пожар, но потушен. От брошенного кем-то окурка загорелась наполненная бумагами корзина и подожгла висевшую над ней нашу одежду. Потолок закопчен. Чудом уцелели стоявшие рядом два баллона с газом. Вид у всех недоуменный. Галя Кулакова кричит на своего Володю:

– Чего стоишь? Беги за одеждой для ребят! Голые, а на дворе зима!

Володя сбегал и приодел нас. Дома жена не узнает меня:

– Что с тобой?

– Приодели.

– Как приодели, а куртка где?

Надо сказать, что тогда в кооперативе г. Вохмы Костромской области я по случаю купил модную японскую куртку «аласка». Алла вертелась в ней перед зеркалом и даже выразила желание уступить куртку ей.

– Сгорела? Ну и правильно она у тебя сгорела! Вот ты тогда не уступил ее мне, она и сгорела!

Иногда после трудов праведных, ради умиротворения души, мы с Сашей шли на Тверской бульвар и вели задушевные беседы, потихоньку выпивая. Смотрим – мимо идет недавно вышедший на пенсию сотрудник нашего института Ю.С. Гришин.

– Ой! Здравствуйте! – восклицает Юра со своим характерным заиканием.

И если бы это было один раз, а тут почти всегда. Мы даже привыкли.

– Куда пойдем? К Гришину!

Болезнь нашего любимого Юрия Алексеевича заставляла нас задумываться. Если случится непоправимое, кто нас возглавит? Никакой кандидатуры со стороны мы не видели и активно не хотели. Единственный, кто нас мог устроить, – Кирилл Алексеевич Смирнов. Но как ученый секретарь Института он находился на своем месте. Лучше бы из своих. Среди своих виделся только Саша Кашкин. По опыту и возрасту вроде бы на это место мог претендовать и я, но именно возраст не позволял мне и думать об этом. Пребывая в трезвом уме и твердой памяти, решили держаться своей кандидатуры. Волею судеб, предначертанных царем и вседержителем небесным, в этом вопросе наши мечты сбылись. После прискорбной для нас кончины Юрия Алексеевича Отдел возглавил, как я уже мимолетом упоминал выше, Александр Владимирович Кашкин. Он с успехом продолжил линию развития, заложенную предшественником.

Однажды в Переславле образовалась некоторая вакансия. На южном берегу Плещеева озера под эгидой или при участии академика Велихова намечалось строительство какого-то вычислительного центра или института. Близ стройучастка на мысу коренного берега озера я нашел слой селища раннего железного века. Возник вопрос о его раскопке. На другой год мы с А.Е. Леонтьевым приехали сюда на двух машинах договориться со строителями о финансировании работ. Разъезжать по Переславлю на двух грузовых машинах? Решаем:

– Юрания, езжай на р. Нерль в известное тебе место и готовь обед. А мы тут закончим переговоры и потом подъедем.

Переговорили. Приезжаем, а он только начинает картошку чистить.

– А обед?

– Идите вы к черту! Я полез за водой, а там змея. Я от нее, она от меня!

А на месте поселения на Плещееве озере был доисследован курган № 1224 по П.С. Савельеву и открыты остатки более 40 погребений из разрушенных распашкой курганов. Комплекс предполагаемого института был построен, но до сих пор пустует.

Спасительным пристанищем в разъездах по области у нас была база Волго-Окской экспедиции, созданная Андреем Леонтьевым в Ростове. Базой служил двухэтажный особняк на ул. Окружная – памятник гражданской архитектуры 19 в.

В 1999 г. Андрей Евгеньевич стал большим начальником, он принял предложение занять пост директора музея-заповедника «Ростовский кремль». Это событие произошло по настоятельной просьбе и многодневным уговорам со стороны тогдашнего директора В.А. Кима. В.А. Ким был избран на пост директора коллективом музея (была такая короткая практика на рубеже 80–90-х годов), но у него не складывались отношения с областным начальством и Министерством культуры, поскольку человек он был независимый, неординарный, в обиходе послушных функци-

онеров не вписывался. Все министры на протяжении 90-х годов грозились его снять, но тогда это было достаточно сложно. В конце 90-х раздражение министерских начальников достигло апогея. Музей держали на голодном пайке, ставили палки в колеса, чинили всяческие препятствия. Кроме того, у Кима резко ухудшилось состояние здоровья. Он все чаще задумывался о преемнике и опасался отдать музей в руки случайного проходимца, которых тогда (да и сейчас!) было множество. Слишком много сил и души он вложил в него. Его выбор пал на Андрея.

Хорошо помню начало этого процесса. Перед калиткой со стороны переулка появилось две фигуры: собственной персоной В.А. Ким и его заместитель по науке В.В. Зякин. Я торжественно распахнула калитку, и мы вошли в дом. На столе появилась бутылка, и начались уговоры. Для Леонтьева это было полной неожиданностью, а для его семьи и вовсе катастрофой. Особенно опасалась его жена Наталья Георгиевна. Она даже упрекала меня за то, что я не отговариваю Андрея от этой затеи. Про себя знал, что сам бы ни за что не согласился руководить таким большим коллективом, да к тому же по преимуществу женским.

Не дай мне бог сойтись на бале,
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале,
Иль с академиком в чепце.

Я отвечал: «Каждый человек сам знает свои возможности. У каждого есть свой потолок карьеры, и тут я не могу быть советчиком». На протяжении долгого времени Ким уговаривал его, а надо сказать, даром убеждения он обладал. Среди доводов «за» – небольшой срок контракта (3 года), возможность продолжения археологических исследований в центре города, прежде всего, на территории принадлежавшего музею Конюшенного двора, возможность утверждения на должность переводом (что позволяло впоследствии вернуться в институт) и, конечно, приличная зарплата. Ну, и благородные призывы спасти и сохранить

музей, чтоб не назначили какого-нибудь чинушу. В какой-то момент Андрей дрогнул, и Ким тут же сообщил в Министерство, что есть прекрасная кандидатура на должность директора – доктор наук, сотрудник академического института и т.д. Министр Швыдкой призывавм внял.

– Ну, где у вас этот доктор, давайте его сюда!

Приказ был подписан моментально – и 15 сентября 1999 г. Леонтьев заступил на должность. И продлилось это долгих 10 лет – до 4 октября 2009 г.

Для Андрея это граничило с уходом из Института, но директор Рауф Магомедович Мунчаев сказал: «Мы такими кадрами не разбрасываемся». И Андрей был оставлен в прежней должности на половину ставки. Но в таком качестве он уже не мог быть начальником экспедиции, связанной с финансовыми проблемами. Несколько смущенный Андрей Евгеньевич подошел ко мне и сказал:

– Константин Иванович! Побудь ты начальником. Всю документацию я буду по-прежнему делать сам. А тебе останется представлять.

Легко сказать! Принесешь отчет, а бухгалтерия начинает над тобой изгаляться.

– Зачем забор поставили?

– Огородили раскоп, техника безопасности.

– Но это уже строительная деятельность, плати налог на добавленную стоимость.

– Да какая там добавленная стоимость?

– Ничего не знаем.

В общем, начальник из меня оказался никудышный. Это скоро стало ясно не только мне, но и моим друзьям-начальникам, самому Андрею и Саше Кашкину. Они держали долгий совет: Что делать? Скинуть меня? Обидится! Наконец решились. Поговорили. Я облегченно вздохнул и только посмеялся над их сомнениями.

– Вот теперь сами бегайте.

Бегать предстояло Кашкину. Он и возглавил нашу Волго-Окскую экспедицию, и дело наладилось. Мы у него, как у Христа за пазухой. И по сей день.

Шло время, Андрей успешно справлялся с этим хлопотным, по моему мнению, делом. На исходе 10-й годовщины своего директорства он собирался подать в отставку. Но бог предполагает... В новые времена темная нечисть вырвалась из преисподней и вселилась в души людей корыстных и лукавых. В высших сферах зародилась своя идея. Толчком послужил конфликт вокруг Борисоглебского монастыря, в котором одновременно располагается филиал Ростовского музея. В духе общей политики партии и правительства церковь захватила территорию монастыря в свою собственность и поставила туда своего настоятеля. Новоявленный пастырь пожелал стать безраздельным хозяином всех монастырских и немонастырских построек и всей обширной территории. Андрей как ответственный директор музея предлагал совместное использование звонницы и старых, собранных музейными сотрудниками, колоколов. Это в ту пору было разумно, допускалось МК РФ и соответствовало законодательству. Это был бы переходный этап перед дальнейшей передачей музейных колоколов на баланс монастыря законным путем. Но эти святоши не шли на компромисс. Андрей вынужден был снять со звонницы числившиеся на балансе музея колокола. Но такое позволено только царю Петру! Жители пос. Борисоглебский подняли свой бунт. Попы отнимали у них единственное в поселке общественное место, где только и можно было собираться на гулянья и другие общественные акции. Попы оказались главней. И колокола отлили новые. Российская казна оплатит! Да они и так аккумулируют немалые средства от коррупционных, криминальных структур и вымогательства.

Самоуправного Андрея Евгеньевича постановили убрать с поста директора музея. Об этом позаботился глава Центрального федерального округа, выдуманной Путиным бесполезной адми-

нистративной надстройки, некий Полтавченко, о чем и попросил министра культуры Авдеева. А все потому, что духовником духовно примитивного, но изощенного в бюрократических интригах главы федерального округа России оказался этот самый вовсе бездуховный хлюст, монастырский настоятель. В наш практический век тоже должность хлебная, не то чтобы в поте лица добывать хлеб свой.

Следуя канонам гегелевской диалектики, можно прийти к мысли, что монашество имеет некоторое основание, но с оговоркой – на определенном этапе развития человеческой культуры. В эпоху варварского средневековья монастыри оказались практически единственными центрами, хранителями и рассадниками цивилизации. В их недрах зародились живительные ростки научного мировоззрения, в процессе развития пришедшего в противоречие с теософской схоластикой. Вспомним Джордано Бруно. Эпоха Возрождения означала отрицание слепой веры в божественное предопределение и утверждение веры в науку и человеческий разум. На этой основе держится вся современная культура. В современных условиях монашество не имеет основания, ибо оно является уходом от жизни, в своем логическом завершении ее отрицанием.

В современных условиях увлечение наших властей предрержащих религиозной мистикой выглядит ретроградством и не имеет оправдания. Агрессивное проникновение русской православной церкви во все сферы жизни нашего общества, активно поддерживаемое властными структурами, не что иное, как возрождение церковного мракобесия. Статья Конституции об отделении церкви от государства превращается в пустой звук. На каком основании какой-нибудь патриарх норовит участвовать в политической жизни страны, позиционируясь наравне с президентом? А может быть и выше!?! Особенно опасно проникновение клерикализма в школу. История человеческого общества совершалась и совершается под знаком завоевания свободы лич-

ности. Борьба за свободу духа была неизбывным стремлением человечества на всем протяжении его истории.

Министр Авдеев, вроде бы и дипломат, действовал отнюдь не дипломатически. Убрать! А зачем? Как зачем?! Власть! Хочу! И это несмотря на то, что все министерское окружение было против такого самоуправства. Рядовые руководители, напрямую знавшие положение в музейном деле, убеждали: Ростовский музей у нас на самом хорошем счету, по нему у нас меньше всего замечаний. Напрасно. Потребовал от Андрея заявления по собственному желанию. Не вышло. Тогда досрочно был прерван контракт без объяснения причин.

Прислали новую директрису, кругозор и интеллект которой едва дотягивает до уровня средней домохозяйки, да и профессионализм – на нуле. Она, не стесняясь, заявила, что в Ростовском кремле до нее ничего не делалось, а если и было что-то, то все неправильно, что «народ тут поганый». В соответствии со своей позицией стала действовать, как слон в посудной лавке: выгонять из музея сотрудников, абсурдно перетасовывать отделы, разрывать десятилетиями наработанные, такие необходимые для музея связи с научными, реставрационными организациями... Демонстративно порвала все отношения музея и с нашим Институтом. Прикрыла незавершенный раскоп в Конюшенном дворе. Быть директором – это не наукой заниматься. Тут есть дела поважнее и денежнее. Тогда же уволили с поста директора Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Елену Андреевну Анкудинову. Она выросла в стенах музея от рядового сотрудника до руководителя и была во всех отношениях на своем месте. Не угодила чем-то вышестоящей начальнице – главе Департамента культуры Ярославской области. Удивительно, как долго таким выдвигенкам удается усидеть пиявками на устроенных для них местах.

К этому времени Андрей Евгеньевич с семьей смог перейти на житье в собственном доме. Жена его Наталья Георгиевна пред-

усмотрительно расстаралась купить в Ростове домик деревенского типа. Постепенно он был отремонтирован и приспособлен для жилья. К концу эпопеи с отставкой Андрея Евгеньевича иждивением неусыпной Натальи была прикуплена в складчину часть домика по близкому соседству. Здесь и решено было устроить базу Волго-Окской экспедиции. И вовремя. Нам не пришлось метаться в поисках жилья после неизбежного выселения с Окружной, 56. Наталья Георгиевна молодец! Всем утерла нос! А теперь этот домик и вовсе целиком перешел в наше владение. С садом.

Образовалась надежная база Волго-Окской экспедиции, необходимая для работы в этом регионе. В настоящее время экспедиция проводит систематическую работу по исследованию культурного слоя в древнем Ростове, как правило, на участках нового строительства или реконструкции.

Большая работа проводится по мониторингу памятников археологии Ярославской области: проверка их современного состояния, уточнение границ и определение точных координат. Мы прошли немалый путь по проверке археологического наследия, обследовали многие памятники в Ростовском, Рыбинском, Переславском, Мышкинском, Тутаевском и Угличском районах. Работа привычная, трудности не страшат, вперед, ребята!

Чаще всего мы работаем втроем: Александр Владимирович, Андрей Евгеньевич и аз многогрешный. Извозчиком у нас служит сын Александра Владимировича Василий. Машина хорошая, но французского изделия, к нашим дорогам мало приспособленная. В некоторых случаях выручает Володя Орлов на своей УАЗ-469. Машина старенькая, но более проходимая, хотя и не то, что у нас с Юраней была ГАЗ-66. Вспомнишь гиблые хляби, через которые приходилось пробираться, оторопь берет. Теперь дороги между основными населенными пунктами, главным образом районными центрами, асфальтированы, правда, не всегда удовлетворительно.

Проще простого, казалось бы, найти и зафиксировать известные памятники. Многие из них я открыл и вроде бы хоро-

шо помню. Но с тех пор минуло 20, 30 и более лет. Местность неузнаваемо изменилась, заросла молодой древесной порослью. Летом 2013 г., чрезвычайно сыром и дождливом, бродим в болотистой низине у оз. Сомино, образованного на выходе р. Вексы из оз. Плещеево и дающего начало р. Нерли Волжской. Выходим на мыс.

– Стоянка Торговище?

– Похоже, но что-то не то или не совсем то. На всякий случай уточняем план, отмечаем координаты. Идем дальше, выходим на другой мыс.

– Да вот же оно это самое Торговище и есть!

Попутно фиксируем привязанные к нему стоянки Мишани Жилина и, наконец, забредаем в непролазные дебри. Надо выходить. Саша предлагает идти на дорогу через лес напрямик, я настаиваю выходить назад по своим следам. Он делает шаг в сторону и увязает одной ногой в трясине, дергается, но его засасывает все глубже. Я рядом с ним смеюсь. Он вытаскивает ногу из сапога и балансирует на одной ноге. Я вытаскиваю из трясины его сапог, обуваю мученика, и мы благополучно выходим на дорогу по старым следам.

В нашей работе мы всегда находим взаимопонимание и поддержку ярославских археологов и сотрудников Комитета историко-культурного наследия Ярославской области: Осиповой Марины Владимировны, Кириченко Андрея Владимировича, Праздников Владимира Викторовича.

По возрастному цензу мои коллеги стараются устроить для меня щадящий режим, и временами я живу сибаритом: хожу на рыбалку, живется легко – «Вчера утомленный ходьбой по болоту / Зашел я в сарай и заснул глубоко». К дому приبلудилась кошка, сама черная, но грудка и лапки белые. По утрам, пока нет машин и народа, ходит со мной на озеро. В другое время провожает меня за ворота и терпеливо ждет добычи. Из-за забора приходит соседская кошка. Эта за несколько лет изучила распорядок и при-

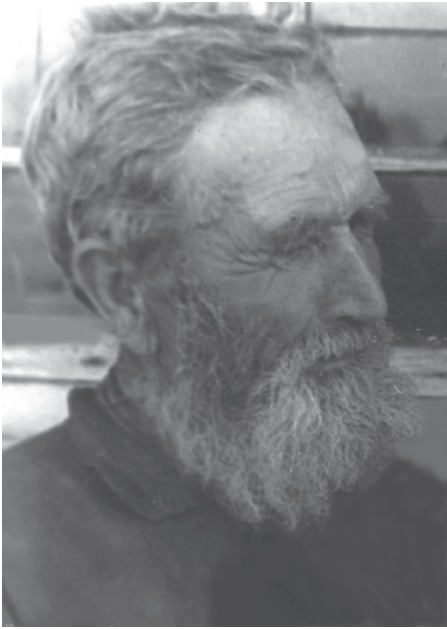
ходит точно ко времени. Улов разный, плотвичка, мелкий подлещик, но кошкам всегда хватает. Иногда попадается и приличная рыба: лещи, лини, караси. В ловле от берега лещи некрупные, до 1–1,5 кг, караси крупные, у нас в Рязанской области таких не бывает.

Потехе час, но и делу время, и вновь дело властно заявляет о себе. Наступает новый полевой сезон. Снаряжаемся и едем искать новые приключения и старые-новые памятники. Иногда делаем вылазку за грибами, изредка навещаем дачу Георгия Николаевича Пронина, расположенную у границы Ивановской и Владимирской областей на р. Нерли Клязьминской. Здесь особенно богатые грибные места. Кроме белых и крепких подосиновиков мы больше ничего не берем. Жизнь продолжается...

Память воскрешает прошлое, прошедшее вторгается в настоящее, тревожит сознание о будущем. «Не мысля гордый свет забавить», я попытался отобразить в своем скромном жизнеописании и частицу истории нашей страны. Насколько правдиво мне это удалось – судить не мне.

Константин Иванович Комаров – один из старейших научных сотрудников Института археологии Российской академии наук, ветеран Великой Отечественной войны. Он автор более 60 печатных работ, в том числе четырех монографий. Важнейшей областью научных исследований К.И. Комарова является Верхневолжский регион. В результате его археологических разведок было обследовано более 1000 памятников археологии, значительная часть из них была выявлена впервые. Результаты этих работ были опубликованы в книгах серии «Археологическая карта России» по Ивановской, Костромской, Тверской и Ярославской областям. Книга мемуаров К.И. Комарова – это его воспоминания о жизни, о войне, о любимой науке археологии.

*Дед – Новичков Петр
Емельянович*

*Отец – Комаров Иван
Михайлович*

Двоюродный брат – Новиков Анатолий Владимирович

*Младший сержант К.И. Комаров
(1945 г.)*

*Старший лейтенант
К.И. Комаров (1945 г.)*

К.И. Комаров (1967 г.)

К.И. Комаров (1972 г.)

*К.И. Комаров на раскопках Плешковского курганного могильника
(1981 г.)*

*Д.А. Крайнов и
К.И. Комаров в экспедиции
на Волге (1975 г.)*

*К.И. Комаров с дочерью Анной на раскопках Пleshковского курганного
могильника (1982 г.)*

К.И. Комаров на берегах Амура (2000 г.)

К.И. Комаров в Дельфах - Греция (2004 г.)

Юбилей К.И. Комарова (2006 г.): жена Алла, дочь Анна, К.И. Комаров, И.А. Лаврентьева (слева направо)

К.И. Комаров на своем юбилее (2006 г.)

К.И. Комаров в разведке в Ярославской области (2003 г.)

Разведки Волго-Окской экспедиции (2008 г.): А.Е.Леонтьев, К.И.Комаров, А.В.Кашкин, В.А. Кашкин (слева направо)

*День Победы в ИА РАН (2010 г.): Р.М. Мунчаев, К.И. Комаров,
Л.Л. Галкин, Н.Я. Мерперт (слева направо)*

К.И. Комаров сотоварищи на берегу Плецеева озера (2010 г.)

К.И. Комаров в разведке на озере Сомино (2013 г.)

К.И. Комаров в разведке на озере Сомино (2013 г.)

К.И. КОМАРОВ

ЖИЗНЯ
РАССКАЗЫ О МИНУВШИХ ЛЕТАХ

Техническое редактирование и верстка: Г.С. Пузакова

Подписано в печать 01.09.2014

Формат 60x90/16

Уч.-изд.л. 20,4.

Бумага офсетная

Тираж 300. Заказ № 1599

ИА РАН

117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ГУП МО “Коломенская типография”
140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а